

Джеральд Даррелл
**ЗОЛОТЫЕ КРЫЛАНЫ
И РОЗОВЫЕ ГОЛУБИ**

Перевод с английского: Л. ЖДАНОВ
Издательство «Мир» Москва 1981

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Бог создал сперва Маврикий, а потом
уже рай, взяв Маврикий за образец.*

Марк Твен

Перед автором краткого предисловия к новой книге Джеральда Даррелла стоит нелегкая задача: произведения этого писателя уже настолько прочно завоевали сердца многочисленных советских читателей, а имя его столь популярно в нашей стране, что, право же, нет нужды представлять его еще раз. Если не по книгам «Зоопарк в моем багаже», «Гончие Бафута», «Звери в моей жизни» и др., то по телевизионной программе «В мире животных», которая неоднократно обращалась к Дарреллу, читатель знает этого удивительного человека — известного ученого, тонкого писателя-натуралиста, энтузиаста спасения редких и вымирающих видов животных, основателя знаменитого Джерсийского зоопарка.

Начав с дальних путешествий в поисках редких животных, Джеральд Даррелл постепенно расширял круг своих интересов, возглавив экспедиции для съемки фильмов о природе и животных экзотических уголков нашей планеты. Так рождались его книги «Перегруженный ковчег», «Под пологом пьяного леса», «Земля шорохов» и «Три билета до Эдвенчер». Впечатления о киноэкспедиции в Австралию, Новую Зеландию и Малайзию запечатлены на страницах книги «Путь кенгуренка», а удивительно трогательные воспоминания детства и пребывания на

острове Корфу послужили сюжетом книги «Моя семья и звери».

Затем в жизни Даррелла наступил ответственный период — он взялся за организацию зоопарка на острове Джерси. Отлучаться в длительные путешествия стало труднее — ведь новый зоопарк требовал уйму сил и времени. Хотелось сделать его таким, чтобы и зверям, и птицам было там хорошо и уютно, чтобы им жилось и сытно, и даже... весело. Именно так — не только о физическом состоянии животных, но и об их настроении думал Даррелл, планируя режим, рацион, размеры и убранство вольер.

О том, как создавался зоопарк, о поведении животных в неволе, о смешных и грустных случаях, об удачах и потерях рассказал Даррелл в ряде своих более поздних книг, и в частности в последней переведенной на русский язык книге «Ковчег на острове». Работая над ней, Даррелл взялся одновременно за съемку многосерийного телевизионного фильма под тем же названием. И вот уже в британской телевизионной программе «В мире животных» одна за другой появляются серии о лемурах и кошках, о фазанах и гориллах. И каждую серию ведет сам Джеральд Даррелл — он не комментирует съемки животных, и беседует со зрителями в кадре, делится своими заботами, шутит, рисует тех животных, о которых идет речь. Советские телезрители также могли видеть эти серии в одноименной телепередаче — с большим удовольствием и с пользой для себя.

Стремясь привлечь внимание общественности к

охране исчезающих видов животных и использовать зоопарки как центры по разведению в неволе таких видов, Даррелл основал Джерсийский трест охраны диких животных, избрав для него символом маврикийского дронта — крупного нелетающего голубя, который был истреблен европейцами и теми домашними животными, которых они завезли с собой.

История дронта, или додо, — классический пример того, как быстро может исчезнуть какой-либо вид под пагубным воздействием человека. Нелишне напомнить, что дронт вошел и в классику художественной литературы — Льюис Кэрролл, автор прекрасной сказки «Алиса в Стране Чудес», изобразил себя в ней в облике дронта.

Помимо дронта, на прекрасном, но злосчастном острове Маврикий вымерло в историческое время более десятка эндемичных птиц, а те девять видов эндемиков, которые еще сохранились, буквально подавлены обилием завезенных сюда птиц — пришельцев из Индии, с Мадагаскара, из Африки. Экземпляры эндемичных попугаев, голубей и особенно пустельги можно пересчитать по пальцам. Не менее критическое положение и с популяциями редких ящериц и змей — как на самом Маврикии, так и на прилегающих к нему крохотных островках. Недаром в Международную Красную книгу занесены три вида гекконов, два вида сцинков, два вида змей, три вида птиц и два вида крыланов с острова Маврикий и соседних островов.

Не удивительно поэтому, что, с трудом выкроив свободное время для поездки, Джеральд Даррелл

остановил свой выбор именно на родине дронта в надежде спасти еще сохранившихся его земляков — птиц, ящериц и змей. Вместе с автором читателю предстоит познакомиться с животным миром острова Маврикий, с проблемами его охраны, пережить ряд забавных приключений, порадоваться успешным вылазкам на природу. И все это ученый делает для того, чтобы по крупницам собрать образцы неповторимого генофонда из угасающих популяций, сохранить их в условиях неволи как необходимый резерв.

А между тем существование, например, маврикийской пустельги постоянно висит на волоске. Когда мне вместе с коллегой-орнитологом В. Галушиным пришлось побывать на острове Маврикий, Стенли Темпл, занимавшийся спасением пустельги, показал нам места обитания этой птицы в горной лесистой части острова и те ловушки, которыми он собирался отловить пару птиц для размножения в неволе. В то время в природе оставалось всего семь птиц, и Темпл опасался, что ближайший циклон может смести с острова последних птиц. Циклоны проходят над островом примерно раз в 15 лет; последний был в 1960 году.

И действительно, в феврале 1975 года над островом как по расписанию пронесся очередной циклон, но, по сообщению Вилли Ньюлендса, сменившего Стенли Темпла, пустельга удержалась и продолжает жить в лесистых ущельях. В неволе содержится пара птиц, но птенец, возвращенный ими, погиб от несчастного случая с термосистемой.

Так, подобно огоньку свечи на ветру, едва

теплится жизнь целого вида, и как необходима здесь помощь таких энтузиастов, как Джеральд Даррелл!

Н. Дроздов,
член Комиссии по национальным паркам
Международного союза охраны природы
и природных ресурсов

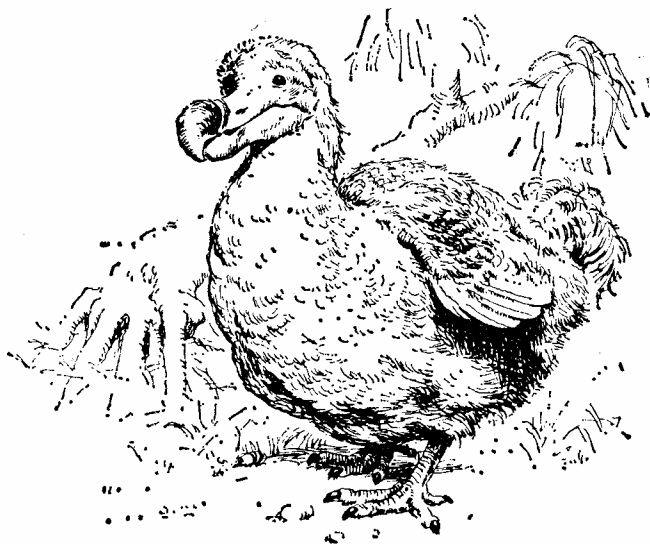

*Фариде и Вахабу, чьей добротой и радушием
увенчано очарование Маврикия*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Пожалуй, стоит вкратце объяснить, как родилась эта книга. В ней описаны два путешествия, которые я, мой помощник Джон Хартли и моя секретарша Энн Питерс совершили на волшебный остров Маврикий. Меня привели туда две причины.

Несколько лет назад я основал Джерсийский трест охраны диких животных, чтобы спасти от вымирания угрожаемые виды, разводя их в неволе. Наши планы осуществляются с большим успехом, однако мне стало ясно, что таких животных лучше всего разводить на их родине. Сложность тут заключалась в том, что большинство стран, которых это касается, не располагает людьми, обученными топкому делу звероводства. А потому Трест учредил стипендии для желающих пройти у нас курс обучения, с тем чтобы потом у себя на родине они налаживали разведение диких животных в неволе. Поскольку эмблема нашего зоопарка — дронг, нам представлялось, что логично начать с Маврикия и принять оттуда первого стипендиата. Вот я и отправился в это государство, чтобы переговорить с местными властями. Одновременно мне хотелось повидать некоторых исчезающих птиц, млекопитающих и рептилий и выяснить, можем ли мы как-то помочь маврикийцам спасти эти виды. Перед вами рассказ о том, что из этого вышло.

Глава первая ДЕРЕВО ДРОНТА И ЛЕС МАКАБИ

Если вы задумали посетить край, где еще не бывали, необходимо — тем более, если вас интересуют животные, — сделать два дела. Во-первых, припасти возможно больше рекомендательных писем к местным деятелям; во-вторых, собрать максимум сведений о месте, куда вы едете, какими бы специфическими и ненужными ни казались они на первый взгляд. Один из способов получить сведения — обратиться в соответствующее посольство или представительство. Во многих случаях этот способ приносит превосходные плоды, вас засыпают картами и ярко иллюстрированными изданиями, которые содержат много интересных фактов и изрядную долю дезинформации. Бывают, однако, и менее вдохновляющие случаи. Так, я все еще жду

гору информации, обещанную мне обаятельным джентльменом из лондонского представительства Малайзии, когда я собирался посетить эту страну. Путешествие состоялось в 1969 году. Тем не менее по тому, как к вам отнесутся в посольстве или представительстве, можно составить себе некоторое впечатление о преобладающем стиле жизни в намеченной вами стране.

Исходя из этого, когда было окончательно решено, что мы едем на Маврикий, я позвонил в лондонское представительство этого государства. Мне ответила очаровательная молодая особа с приятнейшим азиатским акцентом.

— Алло, — сказала она с осторожным интересом, не спеша разглашать свое имя и номер домашнего телефона.

— Это представительство Маврикия? — спросил я. Пауза. Мой вопрос явно застал особу врасплох, и ей потребовалось время, чтобы решить, как тут поступить.

— Да, — призналась она наконец без особой охоты, — это представительство.

— Представительство Маврикия? — переспросил я, чтобы убедиться, что не ошибся.

— Да, — ответила она уже более твердо, — представительство Маврикия.

— Чудесно, — сказал я. — Мне хотелось бы получить у вас кое-какие сведения, поскольку я очень надеюсь вскоре туда поехать.

Снова короткая пауза.

— Куда поехать? — спросила она наконец. Разумеется, я знал, что Маврикий не ближний свет, и

все же, на мой взгляд, онахватила через край. Тем не менее таким было мое первое знакомство с очаровательной нелогичностью маврикийского образа жизни. В конце концов я получил от представительства небольшой буклет, содержащий, в частности, не совсем четкие фотографии мисс Маврикий 1967 года, причем она возлежала на пляжах, которые с виду ничем не отличались от наших борнмутских или богнорских. Волей-неволей пришлось обращаться за сведениями к книгам натуралистов прошлых веков и к более свежим зоологическим и географическим исследованиям.

Маскаренские острова, в ряду которых Маврикий второй по величине, расположены в Индийском океане, к востоку от Мадагаскара. Размеры Маврикия — 32 на 64 километра, а оттенков зелени — миллион, тут и изумруд, и малахит, и нежная зелень утренней зари, и кремевая зелень бамбуковых побегов. Все это инкрустировано радугой цветения, от пылающих волшебными кострами могучих деревьев до напоминающих фиалку хрупких ярко-красных цветочков, тысячами бабочкиных крылышек рассыпанных среди травы — где зеленой, где желтой, а где и розовой, как вечернее небо.

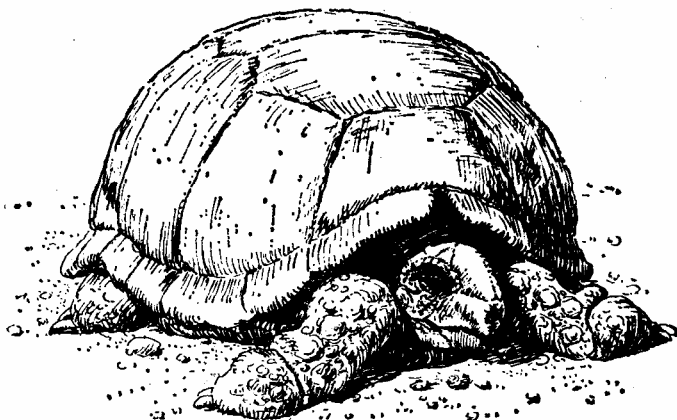
Маврикий образовался на заре формирования Земли, когда гигантские вулканические нарывы, лопаясь, извергали огонь и лаву. Титанические конвульсии сорвали остров со дна океана и вознесли к небу; циклоны и цунами, жаркие ветры и проливные дожди мяли и точили раскаленные и расплавленные горные породы; чудовищные судороги сотрясали остров и лепили причудливые

гряды, перемешивая размягченные пласты подобно повару, который сбивает яичные белки, пока они не застынут, образуя фантастические фигуры на зубцах поднятой вилки. Так выросли диковинные горы Маврикия — небольшие, все меньше тысячи метров, но такие своеобразные, уникальные, гротескные, как будто их старательно конструировали для театрального задника. А затем звездные полчища коралловых полипов обнесли защитным рифом остров и лагуну, которая окружила Маврикий подобно крепостному рву.

Постепенно по мере эволюции земного шара занесенные по морю или по воздуху семена укоренились в орошаемой множеством светлых речушек мягкой, плодородной вулканической почве. За ними, влекомые блуждающими ветрами, явились из других краев птицы и летучие мыши; приплыли, словно жертвы кораблекрушений, черепахи и ящерицы на плотках из ветвей и лиан. Они благополучно освоились на новом месте, и миллионы лет их потомство развивалось по своим, присущим островному миру линиям.

Так появились дроит и большой бескрылый черный попугай. Черепахи прибавляли в росте, пока не стали величиной с кресло при весе около тонны, а ящерицы старались перещеголять друг друга причудливыми формами и пестрой расцветкой. В отсутствие хищников, если не считать совы и маленького сокола, многие виды не обзавелись защитными приспособлениями. Жирный дронг, став бескрылым, ходил вразвалку по земле, здесь же и гнезился, как и черный попугай, ничего не

страшась. Ничто не тревожило неторопливое допотопное существование черепах. Только прытким глянцевиным ящерицам да златоглазым гекконам приходилось остерегаться сокола и совы.

На клочке вулканической почвы посреди огромного океана природа бережно, неторопливо творила неповторимый, миролюбивый, по-своему совершенный мирок. Он был совсем не подготовлен к обрушившемуся на него через сотни тысяч лет опустошительному нашествию прожорливых животных, ненасытной когорты во главе с самым лютым хищником на свете — *Homo sapiens*. Вместе с человеком явились все его дорогие друзья: собака, крыса, свинья и — в данном случае, пожалуй, второй после человека хищник — обезьяна.

В невероятно короткий срок сгинули уникальные виды: дронг, огромный бескрылый черный попугай, гигантская маврикийская черепаха, за которой вскоре последовала и ее родригесская родственница, удивительная птица пустынный. Исчезли толпив-

шиеся вдоль рифов дюгони, и от всей неповторимой и безобидной местной, фауны сохранилась лишь горстка птиц и ящериц. Да и те, вместе с остатками исконного леса, испытывают сильнейшее давление. Мало того, что Маврикий — одна из наиболее густонаселенных стран мира; помимо собак, кошек, крыс и обезьян, человек с присущим ему опасным недомыслием интродуцировал здесь множество других чужеземцев. Так, он привез двадцать видов птиц, включая вездесущего домового воробья и развязную назойливую майну. Назову также беспощадного юркого мангуста и не столь кровожадного, но все равно неуместного здесь ежеподобного мадагаскарского тенрека. А сколько интродуцировано деревьев и кустарников! Китайская гуайява, дикая малина и полчища других растений теснят и душат аборигенную растительность. В итоге можно сказать, что исконная флора и фауна Маврикия цепляются за жизнь из последних сил.

Вопреки дурным предчувствиям, которые посеяло в моей душе общение с представителем, Маврикий, хотя и впрямь не ближний свет, оказался достаточно известным и вполне досягаемым. Не прошло и нескольких дней, как заботами французской авиакомпании «Эр Франс», превосходно обставившей все путешествие, мы в обстановке роскоши и неги пересекли по воздуху половину земного шара, и полногрудые стюардессы с такой готовностью выполняли все наши пожелания, что мы с Джоном Хартли с тревогой думали, каково-то будет нам покинуть самолет и снова взглянуть в лицо внешнему миру. Однако едва вдали показался

остров, как нами овладело возбуждение, неизбежное при внезапном лицезрении новой, неведомой вам земли. Зеленый и огневой, с голубыми и пурпурными вкраплениями гор, остров напоминал исполинский драгоценный камень в голубой эмалевой оправе; вместе с белопенным кольцом рифа он красовался на фоне густой синевы Индийского океана, словно ювелирное изделие на бархате. Наш толстокожий самолет с рыканьем зашел на посадку, и мы увидели лежащие внутри рифа зеленые островки, ослепительно белые пляжи и четырехугольные плантации сахарного тростника, которые заняли, казалось, все ровные участки, обрамляя зеленой клетчатой скатертью диковинные горы. Было что-то парадоксальное в том, что мы, бескрылые млекопитающие, на одном из самых крупных в мире летательных аппаратов приземляемся на клочке земли, скрывающем останки одной из самых удивительных бескрылых птиц на свете: кладбище дронта, откуда извлечены кости, послужившие источником того немногого, что нам известно о дронте, покоится под бетоном аэропорта Плэзнс.

Открылись двери самолета, и нас обдала волна горячего благоухающего воздуха и ослепили яркие краски, какими располагают только тропики. В теплой одежде — в Англии шел снег — мы сразу вспотели, по спине и груди побежали неприятные струйки. Через таможеню мы прошли без хлопот, благодаря обаятельнейшему джентльмену с благозвучным именем Ли Эспиталье Ноэль (позднее мы установили, что семейство Ноэлей насчитывает свыше двухсот членов, вследствие чего им пришлось

отказаться от обычая обмениваться рождественскими подарками), обладателю прелестного французского акцента, перед которым речь Мориса Шевалье показалась бы грубой и простонародной.

Так мы на первых же шагах столкнулись с одним из многочисленных алогизмов Маврикия. На острове, который свыше полутора года лет был английской колонией и все еще оставался членом Содружества, где английский преподают в школе как основной язык, все запросто болтают по-французски. И в других отношениях мы наблюдали своеобразный сплав английской и французской культур: хотя движение на улицах левостороннее, и жесты водителей учтивостью и изяществом не уступают движениям балерины, манера вождения явно отдавала свойственной французской нации самоубийственной лихостью.

Наш водитель-креол гнал с бешеной скоростью по дороге между рядами молодого сахарного тростника, чьи нежные розовато-голубые стебли оттенялись ядовито-зелеными листьями, и через деревни с жестяными и деревянными домиками, где толпились женщины в цветастых, точно крылья бабочек, сари, окруженные развеселой ватагой псов, кур, горбатых коров, коз и ребятишек. Каждая деревня встречала нас благоуханием цветов и плодов и сиянием длинных шалей бугенвиллеи под сенью исполинских баньянов, напоминающих сотни огромных черных оплывших свечей, зеленое лиственное пламя которых, соединяясь, создавало переливающийся летучими тенями сплошной титанический полог.

Меня очаровали пронесившиеся мимо вывески и

указатели. «Мистер Тин Вин Вэнк» («Денежки — пенсы — винцо») торговал табачными изделиями и спиртными напитками, часы торговли нерегулярные (вероятно, они определялись недобором двух первых слагаемых названия, а не перебором третьего). Таинственный указатель среди протянувшихся на километры сахарных плантаций гласил просто и без экивоков «Нарушать»; и не поймешь, как его толковать — как предостережение или приглашение. Когда мы сбавили скорость, пропуская деловито похрюкивающих, облепленных мухами свиней, которым вздумалось пересечь дорогу, я с удовольствием отметил вывеску деревенского часовщика «Ми Ту» («Я Тоже»), а также некоего мистера с громкой фамилией Гунгадин — его лавка расположилась на перекрестке, и хозяин, не претендуя на большую изобретательность, назвал ее «Гунгадин Корнер Шоп». Я уже не говорю про мелькающие под баньянами среди плантаций аккуратные маленькие указатели «Автобусная остановка» и обращенные к водителям призывы: «Тихий ход — школьное пересечение». Зараженный атмосферой этой Страны Чудес, я живо представлял себе набитое очаровательными детьми деревянное школьное здание на колесах, катающееся взад-вперед через дорогу. Еще в Англии, знакомясь с Маврикием по карте, я был пленен названиями населенных пунктов; теперь мы проехали через некоторые из них.

Наконец, одурманенные жарой, мельканием кадров и всевозможными тропическими запахами, ослепленные красками и солнцем, натерпевшись

страху из-за склонности нашего водителя ездить на волосок от смерти, мы подкатили к гостинице, привольно разбросавшей свои здания среди гибискуса, бугенвиллеи и казуарин на берегу безмятежной голубой лагуны, за которой странным Маттергорном в миниатюре высилась гора Морн. Славные люди, излучая томное очарование, встретили нас и развели по комнатам, а в тридцати шагах на белом пляже искусительно шептало что-то голубое море.

На другой день мы отправились в Блэк-Ривер знакомиться с супругами Маккелви, которые занимались программой разведения животных в неволе, финансируемой Международным советом по охране птиц, Всемирным фондом дикой природы и Нью-Йоркским зоологическим обществом. Дэвид Маккелви и его миловидная жена Линда тепло встретили нас и сразу же начали рассказывать о трудностях и испытаниях, связанных с попытками выследить и отловить экземпляры соколов и розовых голубей. Эти птицы относятся к редчайшим в мире; первые представлены всего лишь восемью, вторые — тридцатью тремя особями, и обитают они в лесном краю площадью около четырех тысяч квадратных километров. Просто чудо, что Дэйв вообще сумел добиться успеха. Голубые глаза его светились энтузиазмом; он малость гнусавил и несколько форсировал голос, словно обращался к задним рядам большой аудитории. Этот симпатичный тридцатипятилетний брюнет был в полной мере наделен живостью ума и речи, которые придают особый колорит и юмор говору

американского весельчака. Быстрый остроумный рассказ, пестрящий превосходными степенями, как далматский дог пятнами, сопровождался поразительно верным звукоподражанием: Дэйв не просто описывал, как голуби, пролетев над его головой, садились на ветки и ворковали, но и чрезвычайно точно воспроизводил все звуки, так что вы ощущали себя очевидцем происходящего.

— Хожу я по этому проклятому лесу, гнезда высматриваю, а дождь так и хлещет, по мне реки-ручьи текут, честное слово. Прямо хоть вторую профессию осваивай — грибы между пальцами ног выращивать. Надежды на успех не больше, чем если бы я задумал дронга искать. До самой темноты бродил, а темень в этих горах, скажу вам, такая — похлеще, чем в брюхе дохлого овцебыка. И вдруг в один прекрасный день — вот они, пожалуйста, спускаются в криптомериевую долину, крыльями воздух секут «хуф, хуф, хуф». Сели, поклонились друг другу и завели «каруу-куу-куу, каруу-куу-куу».

Продолжая в том же духе, Дэйв провел нас от жилого дома к обнесенному забором саду, где один местный птицевод-энтузиаст выделил ему участок под вольеры.

— Сейчас, — продолжал Дэйв, подходя к первому вольеру, — вы увидите одну из самых редких птиц на свете — и одну из самых чертовски красивых, и притом они ручные, как новорожденные морские свинки, с первого дня совсем ручные. Прошу!

В вольере сидели три голубя; ничего не скажешь — хороши! Намного крупнее, чем я представлял себе, и неожиданно стройные благодаря чрезвычайно

длинным хвосту и шее. Рыжевато-коричневое оперение отливало на груди и шее розово-цикламеновым оттенком. Маленькая голова венчала длинную изящную шею, придавая этим элегантным представителям семейства голубиных сходство с пернатой антилопой. Когда мы подошли к проволочной ограде, они обратили на нас типичный для голубей туповато-любопытный взгляд, прикинули что-то в уме, отключились и снова задремали. Я понимал, что такие редкие птицы исключительно ценны для биологов и птицеводов, однако яркой индивидуальностью тут и не пахло.

— Те же лесные голуби, только крашенные, — ляпнул я, и Дэйв уязвленно посмотрел на меня.

— Их всего тридцать три осталось, — сказал он, словно эта цифра делала розовых голубей куда более красивыми и желанными, чем если бы их было двадцать пять миллионов.

Мы перешли к вольеру, где содержалась пара маврикийских соколов. Маленькие плотные птицы с дикими злыми глазами были до того похожи на европейскую и североамериканскую пустельгу, что только специалист отличит, и непосвященному человеку вполне простительно задать себе вопрос, чего это с ними так носятся. Может быть, я несправедлив к маврикийскому соколку именно потому, что очень уж он похож на знакомую мне с детства птицу, которую я сам держал и с которой охотился на воробьев? Может быть, я потому и не восторгаюсь им, как восторгался бы диковиной вроде дронта? Поразмыслив с полминуты, я решил, что это не так. Взять, скажем, вест-индскую хутию — куда

как похожа на самую обыкновенную морскую свинку, а ведь я всем сердцем привязался к этому грызуну, чье будущее выглядит не менее мрачно, чем будущее соколка. Нет, просто моя душа больше лежит к млекопитающим, чем к птицам, оттого-то неказистый маленький зверек в моих глазах стоял выше маленькой неказистой птицы. Решив, что это никуда не годится, я дал себе обет исправиться. Тем временем Дэйв живописал судьбу четы соколов, которая по недомыслию свила себе гнездо на недостаточно неприступной скале.

— Обезьяны, — говорил он взволнованно, — леса кишат этой мерзостью. Самцы бывают ростом с шестилетнего ребенка. Бродят огромными стаями. Издали слышно: «а-а-агх, а-а-агх, а-а-агх, и-и-ик, и-и-ик, и-и-ик, я-ах, я-ах» — это старый самец, — а вот детеныши: «уи-ик, уи-ик, уи-ик, и-и-ик, и-и-ик, и-и-ик, я-ах, я-ах, я-ах».

За потоком звуков, производимых голосовыми связками Дэйва, я совершенно явственно увидел стаю злокозненных обезьян, от престарелых патриархов до новорожденных младенцев. Эти сметливые всеядные вредители наводнили отнюдь не заслуживающий такой кары остров, опустошая гнезда не только соколов, но и розовых голубей.

Отдав дань восхищения голубям и соколкам, мы направились в Кьюрпайп, где находится контора лесничества, и познакомились со старшим лесничим Вахабом Овадалли, по-юношески симпатичным молодым азиатом, обладателем заразительной улыбки и еще более заразительного энтузиазма. После того как мы обменялись в кабинете учтивыми

фразами, Вахаб и его европейский заместитель Тони Гарднер повели нас осматривать прилегающий к конторе прекрасный ботанический сад, и здесь энтузиазм Вахаба побудил меня в корне изменить свое отношение к пальмам. Я привык без особого восторга созерцать пыльные заплесневелые экземпляры этих древовидных, окаймляющие улицы тропических селений или дрожащие на ветру английского суррогатного лета на курортах вроде Борнмута или Торки, но тут, на просторах великолепно спланированного ботанического сада, пальмы смотрелись совсем иначе. Здесь были высокие и стройные «харрикейны», королевские пальмы со стволами, подобными колоннам Акрополя, знаменитые сейшельские пальмы, но больше всего мне пришлось по душе бутылочные пальмы. Вахаб познакомил нас (я намеренно употребляю этот глагол) с маленькой плантацией этих прелестных деревьев. Ствол молодых пальмочек в точности напоминал бутылку для кьянти с зеленым фонтаном растрепанных листьев вверху. Листва шевелилась на ветру, и казалось, диковинный пузатый народец приветственно машет нам.

Возвратившись в кабинет Вахаба, мы обсудили, что надлежит посмотреть и сделать на Маврикии. Мне не терпелось в первую очередь посетить криптомериевую рощу, где гнездились розовые голуби, затем лес Макаби и заповедник Блэк-Рпвер-Годж — последнее прибежище соколов и маврикийских попугайчиков. Вахаб настаивал на том, чтобы мы непременно побывали на маленьком островке Круглом, расположенном к северу от

Маврикия.

— Это, так сказать, маврикийский Галапагос, — говорил он, улыбаясь. — Площадь — всего сто пятьдесят гектаров, а на нем три вида деревьев, три вида ящериц и два вида змей, каких нет больше нигде на свете. Сейчас остров под угрозой, интродуцированные кролики и козы поедают всю растительность. Положение отчаянное, я еще расскажу об этом, когда мы там будем. Пока не решим эту проблему, эрозия будет продолжаться, и тамошние рептилии могут вовсе исчезнуть.

— А известно, сколько всего особей насчитывает сейчас популяция ящериц? — спросил я.

— Ну-у, — Вахаб оттопырил губы, — точное количество установить трудновато, но, по нашим прикидкам, гекконов Гюнтера, сцинков Телфэра и ночных гекконов осталось около пятисот. Что до змей, то земляного удава за последние двадцать лет наблюдали всего несколько раз, так что он, вероятно, вымер. От второго вида уцелело что-нибудь шестьдесят-семьдесят особей.

— Надо бы для страховки отловить несколько экземпляров и содержать в неволе, — предложил я.

У Вахаба загорелись глаза.

— Разговоры о размножении в неволе давно идут, — сказал он. — И в докладе Проктора есть такое предложение, но пока что не нашлось желающих этим заняться.

— Я займусь, если вы не против, — отозвался я. — Мы как раз отстроили с этой целью превосходный новый комплекс для разведения рептилий.

— Это было бы замечательно, — произнес Вахаб

так, словно его только сейчас осенило. — А как вы себе это представляете?

— Ну, я предложил бы действовать поэтапно. Попробуем для начала взять наиболее выносливые виды и, если дело пойдет, то в следующем году, когда я приеду, чтобы помочь с отбором кандидата на курсы, продолжим с другими видами. По моему, лучше начать со сцинков и с геккона Гюнтера — он, как я понимаю, покрупнее и покрепче.

— Идет, — обрадовался Вахаб. — Я организую для вас поездку на остров Круглый, как только установится погода. А пока Дэйв покажет вам лес Макаби.

— Точно, — подхватил Дэйв. — Я как раз хотел попробовать поймать еще одного соколка, вот и проведем там денек. Возьмем с собой сети, захватим мою американскую пустельгу для приманки и попытаем счастья. Места там красивые, даже если ничего и не поймает. Хотите, завтра же и отправимся.

— И покажи ему дерево дронта, — вставил Вахаб.

— Что это за дерево дронта? — спросил я.

— Потерпите — увидите, — последовал загадочный ответ. И на другое утро мы отправились на денек в Макаби. Чтобы попасть в этот лес, надо пересечь Шампанскую равнину — еще одно знаменательное название. Мы сделали короткую остановку, чтобы осмотреть немногие уцелевшие клочки маврикийской вересковой пустоши. Маленькие выносливые растения образуют уникальную экологическую нишу, и было бы жаль лишиться ее. По всему свету люди уничтожают леса

и прочую флору, проявляя преступную расточительность — ведь при нынешнем уровне знаний ничего не стоит истребить виды, которые могут представить огромную ценность для медицины.

Оставив позади Шампанскую равнину с красно-черными птицами, которые гвардейцами торчали среди вереска или проносились языками пламени над дорогой, мы на опушке Макаби въехали на неровную просеку. В глубине леса, на поляне, где просека разветвлялась на четыре луча, Дэйв остановил машину, и мы вышли. Озаренные солнцем, в неподвижном жарком воздухе висели, будто вертолеты, золотисто-зеленые мошки с большими переливчато-синими глазами. Время от времени, торопливо взмахивая шоколадными крылышками, мимо пролетала бабочка — ни дать, ни взять престарелая дама, опаздывающая на свидание. Крохотные грозди кремовых орхидей внесли на эбеновых деревьях; со всех сторон нас окружали стройные коричневатые и серебристо-зеленые стволы китайской гуайявы и кусты бирючины, нежные, молодые бледно-зеленые листья которой морщились по краям, словно балетные пачки. Тихо, тепло, уютно... В этом лесу некого было опасаться. Единственный по-настоящему злокозненный обитатель здешних мест — скорпион, но за три с половиной месяца, что я бродил по Маврикию, переворачивая камни, роясь в гнилых стволах и копаясь в старой листве, будто пес, натасканный на поиск трюфелей, я не встретил ни одного скорпиона. Макаби — дружелюбный лес, тут можно спокойно

сесть или лечь на землю, точно зная, что единственный представитель местной фауны, способный причинить тебе неприятности, — комар.

— Глядите, — сказал Дэйв, — глядите вон туда, не пожалее: геккон на дереве дронга.

Он показал на высящееся рядом с просекой дерево с серебристым стволом. Судя по трещинам в корнях-контрфорсах, дерево было старое и уже начало гнить. На высоте около пятнадцати метров его венчало густое сплетение ветвей с темно-зеленой листвой, а в полутора-двух метрах над землей к стволу прилепилась ящерица поразительной красоты, длиной сантиметров двенадцать-тринадцать. Преобладающая интенсивная бархатисто-зеленая окраска переходила на шею и голову в темно-голубую с алыми и вишневыми метинами. Глаза — большие, умные, черные; пальцы снабжены расширенными пластинками-присосками, позволяющими ящерице удерживаться на гладкой поверхности ствола. Мы собирались отловить несколько этих красивых дневных гекконов, и Джон захватил для этой цели длинное тонкое бамбуковое удилище с нейлоновым силком на конце. С удочкой в руках он начал приближаться к геккону, который созерцал его с самым простодушным видом. Подпустив Джона метра на два, геккон тронулся с места и заскользил по коре, словно камень по льду. К тому времени, когда Джон подошел вплотную к дереву, ящерица была уже за пределами досягаемости: поднялась вверх метров на шесть да еще, на всякий случай, укрылась за стволом.

— Они здесь малость недоверчивые, — сказал

Дэйв. — Должно быть, потому, что просекой часто пользуются. Дальше в лесу они не такие пуганые, там мы что-нибудь добудем.

— А почему это дерево называется деревом дронта? — спросил я.

— Ах да, — отозвался Дэйв, — это очень просто. Дело в том, что перед вами тамбалакоке, одно из самых древних маврикийских деревьев, их всего-то сохранилось двадцать или тридцать экземпляров. Взгляните-ка на это семя.

Он сунул руку в карман и извлек светло-коричневое семя величиной с каштан, с одной стороны сравнительно гладкое, будто абрикосовая косточка, а с другой — узорчатое, словно кто-то задумал вырезать на нем восточное лицо, да на полдороге остановился. Семя было довольно тяжелое и явно твердое.

— Так вот, — продолжал Дэйв, — по этому поводу есть гипотеза, бог ведает, кто ее выдумал, но звучит красиво. В разных ботанических садах и в питомнике лесничества пытались прорастить эти чертовы семена, но почему-то из этого ничего не получается. Зато в те времена, когда здесь еще водились дронты, тамбалакоке росли в изобилии, вот и придумал кто-то, что дронты охотно ели плоды этого дерева. Переварят мякоть, потом желудочные соки принимаются разъедать твердую скорлупу, и к тому времени, когда семя выходило с пометом, оно было достаточно мягким, чтобы прорасти.

— Прелестная гипотеза, — сказал я, восхищенный мыслью о необычной связи между птицей и деревом, так что истребление первой повлекло за собой

исчезновение второго. — Да только боюсь, что слабых мест в ней вагон и маленькая тележка.

— Это верно, — нехотя согласился Дэйв. — Но туристам она нравится, и ведь это факт, что тамбалакоке почти вымерли.

Продолжая углубляться в лес, мы почти на каждом стволе замечали яркие пятна гекконов. В воздухе парили золотистые крылатые тли, на них охотились крупные светло-зеленые стрекозы с хрупкими прозрачными крылышками, а в одном месте через просеку брел расписанный в черный и сургучно-красный цвета палочник длиной около двадцати сантиметров. Раза три-четыре смертоносной стрелой дорогу перед нами пересекали стремительные мангусты, а однажды за поворотом мы застигли врасплох ватагу обезьян, которые растворились в зарослях гуайявы с такой волшебной быстротой, что впору было усомниться — видели ли мы их на самом деле. Дальше над просекой стая ожереловых попугайчиков, едва ли не половина уцелевшей полусотни особей этого вида. Потом мы остановились, чтобы полюбоваться четой маврикийских дроздов, — еще один вид, численность которого убывает с пугающей быстротой. Дэйв так поразил этих красивых пернатых умением воспроизводить их переливчатый клич, что они подлетели совсем близко, разглядывая нас из-за веток и удивленно переключаясь.

Наконец мы свернули с просеки на тропу, которая вилась вдоль острого гребешка над спадающими в обе стороны крутыми склонами. Между деревьями просматривались живописные ущелья Блэк-Ривер —

зеленые, красные, золотистые заросли, крутые скальные стенки с перистыми струями водопадов. На дне теснин реки то распластывались блестящими полотнищами, то с грохотом скакали в белой пене через мшистые камни, а в воздухе над ними парили и кружили светлыми крестами белохвостые фазтоны. Вскоре мы вышли к большому сухому дереву, которое торчало сбоку от тропы, нависая над ущельем, и Дэйв объявил, что именно здесь он видел соколов, отдыхающих на ветвях после очередного вылета за добычей.

Развернув сети, мы с некоторым трудом развесили их на дереве; затем Дэйв снял колпак со своей пустельги и привязал ее за лапы к сухой ветке. Пустельга взмахнула крыльями раз-другой, потом угомонилась. Спрятавшись в кустарнике вдоль тропы, мы стали ждать. Я спросил свернувшегося в калачик поблизости Дэйва, кто пользуется этими извивающимися через лес узкими тропами. Наша тропа не позволяла уклоняться в сторону больше, чем на шаг; зазеваешься — будешь лететь не одну сотню метров до дна долины. Если раньше не напорешься на гуайяву.

— Это тропы лесничества, — ответил он. — А еще ими пользуются возделыватели марихуаны.

— Возделыватели марихуаны? — удивилась Энн Питерс, удобно расположившаяся ниже по тропе.

— Выращивать эту травку — выгодный бизнес, — объяснил Дэвид. — Они забираются в лес, расчищают небольшой участок, снимают урожай и продают.

— Разве это не запрещено законом? — спросил

Джон.

— Конечно, запрещено, — отозвался Дэйв. — У Маврикия нет армии, но есть так называемые специальные мобильные отряды, что-то вроде командос или американской морской пехоты, и одна из задач этих отрядов — охота на возделывателей травы. Даже с вертолетами охотятся. Не так давно я набрел на большой участок и сообщил. Давно у них не было такого улова, и я подозреваю, что надолго впал в немилость у торговцев наркотиками.

Медленно тянулись утренние часы — и вот уже полдень, самая жаркая пора. Под солнечными лучами мы чувствовали себя, как перед раскаленной топкой, и объятый зноем лес притих. В это время дня ни одно здравомыслящее существо не покидает свое убежище, и соколки, конечно, где-то отдыхали. Мы решили перекусить, расправили затекшие конечности и расположились со своими припасами на относительно широкой части тропы подле сухого дерева. Только мы от бутербродов перешли к сочным плодам манго, как на тропе показались два стройных юнца в пестрых рубашках и расклешенных брюках. Длинные, по господствующей на острове молодежной моде, черные, лоснящиеся волосы обрамляли на редкость красивые и мягкие лица. Перед преградой, образованной нашими телами и нашими яствами, юнцы остановились, робко и угодливо улыбаясь.

— Добрый день, — вежливо поздоровались мы.

— Добрый день, сэр, — мягко отозвались они, приподнимая соломенные шляпы.

— Хотите пройти? — спросил Дэйв. — Проходите, только не наступите на меня.

— Что вы, что вы, сэр, — ответили они, потрясенные таким предположением, и с легкостью газелей проследовали через наши лежащие тела и припасы.

Благополучно миновав препятствие, они сказали:

— Благодарим, всего доброго, сэр, — учтиво приподняли шляпы и двинулись дальше по тропе.

Я заметил, что оба вооружены секачами.

— Что это за ребята? — любопытно спросила Энн.

— В лесничестве таких нет, — сказал Дэйв, — стало быть, это возделыватели травки, потому что в такое время дня только они да чокнутые вроде нас бродят по лесу. И сдаётся мне, они не одни. Теперь жди их шефа.

Его предсказание сбылось: минут через пять появился еще один стройный красавчик с походкой газели. Что-то в его облике сразу выдавало горожанина. Костюм лучше сшит, и материал подороже, рубашка поэлегантнее, шляпа более стильная. При виде беспорядка на тропе он на секунду замер в нерешительности, потом подошел вплотную, обворожительно улыбаясь.

— Доброе утро, сэр, — произнес он, снимая шляпу размашистым движением. — Простите, вы не видели моих друзей?

— Видели двоих, они направились вон туда, — ответил Дэйв, как будто можно было направиться еще в какую-то сторону. — Желаете пройти?

— Э-э... нет-нет, — отозвался парень. — Я должен предупредить одного друга.

— О, у вас есть еще друг? — осведомился Дэйв.

— Да, он ждет там сзади. Я должен сказать ему, куда пошли остальные мои друзья. Всего доброго, сэр.

— Всего доброго, — отозвались мы и проводили взглядом молодого горожанина, который ступал по тропе, будто некий грациозный дымчатый представитель копытных.

— Что все это значит? — озадаченно спросил Джон.

— Возвращается, чтобы предупредить своих приятелей, — объяснил Дэйв. — Теперь они пойдут на участок нижней тропой. Она подлиннее, но не такая рискованная, как эта, где мы торчим.

Медленно тянулась вторая половина дня. Стало ясно, что нам вряд ли удастся поймать соколка. Сети убрали, Дэйв посадил свою пустельгу на пень поблизости, и мы устроили чаепитие. А затем, к нашему удивлению, на тропе снова показался «шеф», но теперь уже с другой стороны. Когда он приблизился, бросилось в глаза, что за последние часы его, как говорится, малость укачало. Шляпа сдвинута на затылок, черные кудри спутаны, глаза мутновато-стеклянные, как у человека, которого вдруг разбудили и он еще не переступил рубеж между сном и явью. Походка его не утратила грациозности, однако в движениях ощущалась некоторая неуверенность. Подойдя вплотную к нам, он остановился и небрежно прислонился к дереву.

— Привет, — сказал Дэйв. — Хорошо прогулялись?

— Да-да, я гуляю, — подтвердил «шеф»,

добродушно улыбаясь. — Я гуляю по лесу.

— Хорошо провели время? — спросила Энн.

— Великолепно, мадам, — ответил он и объяснил:
— Гуляю, потому что это полезно для здоровья.

Неожиданное объяснение, однако мы не стали придираться. «Шеф» перевел сонный взгляд в глубь дикой теснины, где снежинками кружили фаэтоны. Казалось, он забыл о нашем существовании. Лицо его выражало бездумное спокойствие. Внезапно он очнулся.

— Вы англичанин? — обратился он ко мне.

— Да, — ответил я.

— Из Лондона?

— Примерно, — сказал я, чтобы не вдаваться в долгие разъяснения о местоположении Нормандских островов.

— У меня в Лондоне много родственников, — заявил он. — И много родителей.

— В самом деле? — заинтересовался я.

— Очень много, — подтвердил он. — А еще у меня много родственников и родителей в Бирмингеме.

— Красивый город — Бирмингем, — заметил Джон.

— Очень красивый — и Лондон тоже. Мои родители говорят, оба города очень красивые, и... — Веки «шефа» сомкнулись, и я уже решил, что он, подобно соне в «Алисе», уснул на ходу, но тут он вдруг открыл глаза, глубоко вздохнул и продолжал: — ...Вот соберусь как-нибудь и поеду ко всем своим родителям.

— И часто вы гуляете в лесу? — спросил Дэйв.

— Часто гуляю, это полезно для моего здоровья,
— ответил «шеф».

— А птицы вам встречаются? — допытывался Дэйв.

— Птицы? — «шеф» задумался. — Птицы? Вы спрашиваете про птиц?

— Ну да, — подтвердил Дэйв. — Голуби там или попугаи.

— Птицы? — снова повторил «шеф». — Как же, я встречаю птиц, а иногда и слышу, как они поют.

— Вам попадался когда-нибудь маленький сокол — соколок? Его еще называют куроедом.

Последнее слово Дэйв произнес по-французски. «Шеф» посмотрел на Дэйва, потом на американскую пустельгу, которая чистила перышки в метре от нас. Он зажмурился, облизнул губы, открыл глаза, снова посмотрел на Дэйва и на пустельгу.

— Сокол? — молвил он неуверенно.

— Ну да, мы его ищем, — вяло объяснил Дэйв.

— Вы ищете маленького сокола? — «Шеф» добивался полной ясности.

— Да-да, — сказал Дэйв. — Куроеда.

«Шеф» еще раз внимательно рассмотрел Дэйва и пустельгу. Опять зажмурился и открыл глаза, явно надеясь, что птица исчезнет. Но она не исчезла.

Затруднительное положение... Может быть, пустельга — плод его воспаленного марихуаной воображения? Но стоит ли в таком случае привлекать к ней внимание? А если она настоящая, почему эти люди, у которых, похоже, есть родители в Лондоне и Бирмингеме, ее не видят? Не в силах решить столь сложную проблему, он в отчаянии озирался по

сторонам. Мы старались не глядеть друг на друга, чтобы не прыснуть со смеху. В конце концов «шеф» нашел выход из положения.

— До свидания, — сказал он, снял шляпу, поклонился, переступил через наши простертые тела и нетвердыми шагами удалился вниз по тропе.

Часом позже, спускаясь к просеке, мы вновь увидели «шефа». Он сидел с книгой в руках на земле, прислонясь спиной к дереву и уплетая большущий бутерброд.

— Уже нагулялись? — добродушно осведомился он, вставая и стряхивая крошки с брюк.

— Да, теперь направляемся домой, — ответил Дэйв.

— В Лондон? — удивился «шеф».

— Нет, в Блэк-Ривер.

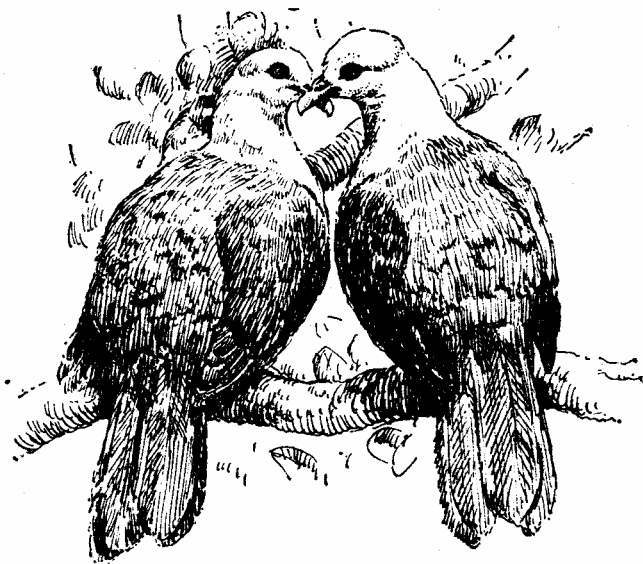
— Тогда всего доброго, — сказал «шеф». — А мне надо дождаться друзей.

Мы сели в машину, и «шеф» весело помахал нам на прощание.

— Ты разобрал, что он читает? — спросила Энн.

— Нет, — ответил я, — никак не мог рассмотреть.

— «Отелло», английское издание, — сообщила она. И я понял, что мне суждено полюбить Маврикий.

Глава вторая ГОЛОС РОЗОВЫХ ГОЛУБЕЙ

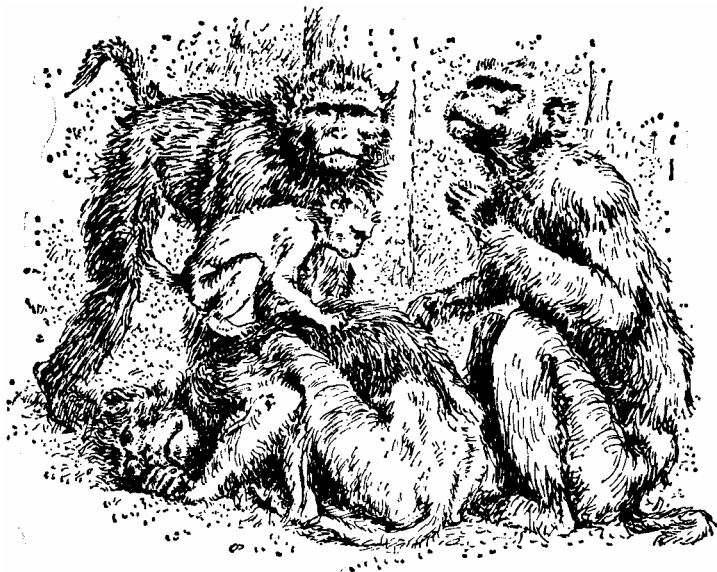
Наступил день, намеченный нами для охоты на розовых голубей, и, когда занялась заря (если сей оборот годится для столь хмурого утра), оказалось, что небо над Индийским океаном от края до края застилают плотные слои противных клубящихся облаков. Как и следовало ожидать, облака эти обрушили на землю потоки дождя, наиболее примечательного тем, что температурой он приближался к горячему душу. Мы смотрели на небо и чертыхались. Такая погода нас никак не устраивала по двум причинам. Во-первых, это был единственный день недели, когда мы могли рассчитывать на крайне необходимое содействие специальных мобильных отрядов Маврикия —

доблестных ратников, которые под водительством английского майора Глэйзбрука должны были помочь нам в выслеживании птиц, лазании по деревьям, переноске прожекторов и (хоть бы сбылось!) поимке розовых голубей. Во-вторых, если потоп не прекратится, всякий поход в мокрый и скользкий лес будет совершенно пустой затеей.

К нашему облегчению, во второй половине дня облачный полог раздвинулся и наметились голубые просветы, словно куски мозаики на грязном шерстяном платке. К четырем часам небо совсем расчистилось, и в жарком воздухе над землей курились струйки пара. Яркое солнце высветило пойманные листвой и цветками дождевые капли, и они мерцали среди зелени ветвей, точно упавшие с неба созвездия. Ливень безжалостно исхлестал пышные деревья по бокам дороги, ведущей в лес розовых голубей, и каждое дерево, пылающее алым и желтым цветением, стояло в широком круге из мятых лепестков, будто в луже собственной крови.

В приподнятом настроении мы покатали в горы. Дорога извивалась и петляла на склонах, открывая чудесный вид сверху то на лес в обрамлении плантаций, которые с высоты казались ровными и яркими, как бильярдный стол, то на переливающееся темно-голубыми оттенками море с небрежно разложенной на его поверхности гирляндой белопенного рифа. Мелодично переключаясь, в сверкающем влагой придорожном кустарнике кормились стаи черно-белых бульбулей с острым хохолком и красными щеками. Время от времени две птицы поворачивались друг к другу, поднимали

крылья, словно ангел на могильном камне, и часто-часто помахивали ими в знак нежной любви. Несколько раз дорогу впереди стремительно перебежали стройные пятнистые мангусты — маленькие глаза хищно поблескивают, нос обнюхивает землю, предвкушая кровопускание. За очередным поворотом мы вдруг увидели сидящую на обочине стаю из восьми макак. Свиные глазки и отдающее фальшью надменное выражение придавали им поразительное сходство с членами правления какого-нибудь сомнительного консорциума в лондонском Сити. Старый бдительный самец испустил отрывистое «я-а-а-х», самки подхватили своих большеголовых и тощеньких, словно Оливер Твист, отпрысков, стая нырнула в стену китайских гуайяв у дороги и исчезла, как по мановению волшебного жезла.

Добравшись до питомника лесничества, мы

свернули с шоссе на неровную, но вполне сносную просеку и почти сразу увидели рядом с дорогой машину Дэйва и армейский лендровер. Дэйв вприпрыжку кинулся приветствовать нас.

— Здорово! — крикнул он. — Нет, вы когда-нибудь видели такую погоду? Небо то черное, будто задний фасад крота, то синее, как обезьянья задница. Лило-то как — я уж думал, придется отменить всю затею. Теперь в долине внизу воды, как в колодце, ну да ничего, управимся. Пошли, познакомлю вас с ребятами.

Мы выбрались из машины, выгрузили снаряжение и проследовали за Дэйвом к лендроверу, у которого выстроились щеголеватые воины в зеленой форме и беретах, с отливающей шоколадом кожей и с геркулесовым телосложением. Руки и ноги — вдвое больше, чем у простых смертных, грудь — колесом, пятерней только деревья выкорчевывать, а обнаженные в широкой улыбке зубы сверкали, точно рояльные клавиши. Несмотря на исполинские пропорции этих выходцев из Бробдиньяга, улыбавшихся нам с высоты своего могучего роста, движения их отличались спокойной плавностью, присущей лошадям-тяжеловозам. Когда их огромные длани мягко сжали наши ручонки, я сказал себе, что с такими людьми лучше дружить, чем враждовать. Командира никак нельзя было отнести к недомеркам, но рядом с ними и он выглядел несколько тщедушным.

Наше войско привезло с собой сети, фонари, переносной прожектор, а также огромный бидон с чаем, без чего, как свидетельствует история, ни один

британский солдат или иной воин, прошедший британскую выучку, не в состоянии функционировать гладко и эффективно, когда надо перехитрить и одолеть противника. Распределив между собой диковинное снаряжение, мы зашагали гуськом по узкой тропе сквозь кустарник, который припас для нас столько влаги, что уже через сто шагов мы промокли насквозь до пояса. Затем тропа нырнула в долину, и дальше путь шел через заросли прямых китайских гуайяв, чередующихся где с искривленными черными стволами эбенового дерева, где с группой дерева путешественников, напоминающего воткнутый в землю изящный веер восемнадцатого века. Крутую тропу узловатыми венами пересекали корявые корни. И столько воды кругом, что после каждого шага оставались лужицы, точно осколки разбитого зеркала в мягкой и скользкой грязи карамельного цвета, которая в сговоре с корнями норовила сломать вам ногу, как ломают хрусткий грифель. Солнце склонялось к западу, и косые тени еще подбросили нам хлопот. По мере того как мы, скользя и спотыкаясь, спускались в долину, воздух становился все гуще и горячее, и к окружающей влаге добавился наш собственный пот. После крутого откоса, по которому мы буквально скатились, смешанный лес сменился кущами темно-зеленых криптомерии с тяжелыми пучками хвои, напоминающих на первый взгляд какие-то особенно ершистые сосны.

— Долина Розовых Голубей, — гордо возвестил Дэйв. — Не сразу я ее отыскал, пришлось порыскать. Большая часть стаи обретается здесь.

Не успел он договорить, как с деревьев слева от нас донесся громкий, хриплый, влекущий призыв: «Кару-у, кару-у, кару-у, ку-у, ку-у, ку-у».

— Ага! — воскликнул Дэйв. — Слышите? Что-то они сегодня рано явились.

В приливе восторга он запрокинул голову и воспроизвел переключку целой стаи голубей, изображая широчайшую гамму чувств — от злобы до искательной любви. Голуби примолкли, явно пораженные этим внезапным звуковым каскадом; так человек, напевающий в ванне, наверное, был бы ошарашен, подпой ему вдруг ансамбль песни и пляски Советской Армии.

— Чудно, — удивился Дэйв. — Обычно они отвечают. Ладно, давайте-ка лучше рассыпемся и приступим к поиску, они вот-вот начнут устраиваться на ночевку.

Выполняя его указания, мы рассыпались и начали пробираться сквозь криптомериевую чащу, высматривая деревья, обеспечивающие хороший обзор, или же прогалины, позволяющие без помех следить за прилетом голубей. Я заметил на склоне большую криптомерию с сучьями почти от самой земли, так что лезть на нее было все равно, что подниматься по трапу. В десяти-двенадцати метрах над землей я втиснулся в удобную развилку, снял с шеи бинокль и приготовился к встрече с розовыми голубями. С моего наблюдательного пункта открывалось широкое поле зрения, включающее ту часть лесистого откоса, где, заверил меня Дэйв, собирались на ночь голуби.

В ожидании я размышлял над своеобразным

методом отлова, который разработал Дэйв. Птицеловы прибывают на место перед самым заходом солнца и ждут прилета голубей. С началом сумерек птицы, неторопливо взмахивая крыльями, направляются к дереву, избранному ими для ночевки. Ваше дело — взять это дерево на заметку. Когда сгустится мрак (лунные ночи — смерть для таких предприятий), участники охоты подходят с фонарями к дереву, окружают его и направляют лучи света на спящего голубя. Затем вы живо лезете вверх по стволу и либо руками, либо сетью, напоминающей сахарные щипцы, хватаете птицу, которая при этом продолжает крепко спать или же пребывает в таком голубином оцепенении.

Послушать — ни за что не поверишь, что так можно кого-нибудь поймать, однако я слишком много поездил и повидал разных способов звероловства, чтобы спешить с выводами.

Солнце опустилось совсем низко, и темно-голубое с металлическим оттенком небо как-то потускнело и посерело. Лощина переливалась зеленью и золотом, и весь пейзаж дышал миром и покоем. Внезапно на ветвях надо мной появилась стайка зеленых белоглазок — маленьких хрупких пичуг с бледно-желтым кольцом вокруг глаз. Взволнованно чирикающая и пересвистываясь, они исполняли причудливые акробатические трюки, выискивая крохотных насекомых среди иголок. Я сложил губы трубочкой и пискнул. Пичуги реагировали очень потешно: разом перестав стрекотать и добывать себе ужин, они собрались на толстом суку и воззрились на меня через свои монокли. Я снова пискнул. После

секундного замешательства белоглазки возбужденно зачирикали и стали приближаться ко мне. Вот они уже оказались на расстоянии вытянутой руки; я продолжал пищать, и пичуги, все больше волнуясь и наклонив голову набок, придвинулись еще ближе. Повиснув вниз головой меньше чем в полуметре от моего лица, они озабоченно рассматривали меня и обсуждали сей странный феномен пронзительными тоненькими голосками. Я приготовился к тому, что белоглазки вот-вот усядутся на меня, но в эту минуту над гребешком пролетели два розовых голубя и опустились на криптомерию метрах в пятнадцати от моего дерева. Я поднес к глазам бинокль и спугнул этим мою лилипутскую публику.

— Только что два пролетели, — крикнул Дэйв с берега речушки на дне долины. — Кто-нибудь их приметил?

Он говорил мне, что голуби совсем ручные, и все же я с удивлением смотрел, как эта пара воркует и кивает у себя на дереве, не обращая внимания на человеческий голос.

— Я приметил! — крикнул я в ответ и снова подивился, как это птицы не улетают в испуге.

Они сидели рядышком друг с другом, время от времени соприкасаясь клювами в голубином страстном поцелуе, и грудь их отливала нежным цикламеновым оттенком в лучах заходящего солнца. Один из них, очевидно, самец, то и дело кланялся и громко ворковал, при этом самка, подобно всем горлицам, ухитрялась выглядеть в одно и то же время безучастной, негодующей и истеричной — ни дать ни взять манерная девица, настроившаяся на меланхолию.

Вскоре появились еще голуби, общее их число выросло до шести, и каждого из вновь прибывших приветствовали возгласы кого-нибудь из членов нашего отряда. Наблюдая в бинокль, я увидел, как пара голубей, прилетев из-за гребня, опускается на ветку в полтора-двух метрах от майора Глэйзбука, который старательно карабкался на разлапистую макушку криптомерии по ту сторону долины. Один голубь сел рядом со мной и несколько минут сосредоточенно созерцал меня, прежде чем решил, что лучше поостеречься, и улетел. Как тут не поражаться, что столь ручные (а может быть, просто глупые?) птицы, идеальная мишень для

неразборчивого стрелка, еще не перевелись совсем.

Примостившись поудобнее, мы продолжали наблюдать за голубями, и, когда по долине поползли вечерние тени, птицы стали медленно перелетать с дерева на дерево. Пара, за которой я следил, снялась с места и пропала среди ветвей, но только я приготовился слезть на землю и отправиться на поиски, как они появились опять и уселись на высоком суку. Вид у них был довольный и убогаторенный, и я надеялся, что они сделали наконец свой выбор, но, когда я уже едва различал их в сумерках, голуби, к великой моей досаде, снова взлетели. К счастью, они ограничились тем, что поднялись на другой сук, метров на шесть-семь повыше, и угомонились. Вскоре вся долина погрузилась в мрак. Поминутно рискуя сорваться, я осторожно спустился на землю. В глубине долины Дэйв по каким-то лишь ему ведомым соображениям вздумал изобразить стадо кабанов — плескаясь в речушке, хрюкал, ухал и повизгивал так похоже, что не отличить от природы. Казалось, цель этого концерта — лишить сна всех розовых голубей в округе, но они знай себе продолжали мирно поживать, явно привычные к таким звукам.

У меня пересохло во рту, и по пути к дереву, на котором спали мои голуби, я сорвал несколько сочных алых плодов гуайявы, чтобы утолить жажду их кислотоватой мякотью. Сев на землю и прислонясь спиной к стволу голубиной спальни, я съел целую горсть. С приходом темноты начался концерт цикад. Мало того, что их резкий, пронзительный стрекот беспощадно сверлил уши и череп, он еще обладал

своего рода чрсовещательным эффектом: цикада изощряется в пении метрах в десяти от тебя, а чудится, будто она сидит на твоём плече. На бледно-изумрудном тельце длиной около трёх сантиметров крылышки мерцали, словно матированное стекло церковных окон, а глаза насекомого отливали золотом.

Под неистовый звон цикад я размышлял над ожидающими нас проблемами. Поскольку мы были вынуждены сообразовать голубиную операцию с возможностями оперативного отряда маврикийских богатырей, пришлось остановиться на этом вечере, не дожидаясь безлунных ночей. А это означало, что нам теперь следует действовать побыстрее и попытаться отловить птиц раньше, чем лунный полукруг озарит лес, освещая голубям путь к отступлению.

Вскоре отряд в полном составе собрался у моего дерева, чтобы разработать стратегию предстоящей операции. Поскольку все засеченные нами розовые голуби (счетом пять особей) расположились на ночевку в самых разных концах крпштомериевой рощи, постановили начать с птицы, которая избрала наиболее низкое и удобное для лазанья дерево поблизости от тропы, и затем постепенно двигаться дальше. Сказано — сделано: мы окружили дерево номер один, включили фонари и направили слепящий луч прожектора на ветви на высоте около десяти-двенадцати метров, где сидел тучный, сонный и озадаченный голубь.

Казалось, нет ничего проще, как вскарабкаться по стволу и схватить птицу руками или накрыть сачком, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что конструкция дерева не позволит сделать это бесшумно, а от поднятого нами треска голубь мог преодолеть страх и нырнуть в ночную темноту. Проснувшаяся птица с благодушным интересом наблюдала, как мы шепотом совещаемся внизу. Решили, что сержант — хоть и самый рослый среди наших геркулесов, зато лучший древолаз — взберется на одно из соседних деревьев, а длиннорукий Джон Хартли на другое, и оба поищут наверху подходящую позицию для решительных действий. Дальше этого наши планы пока не шли, поскольку для человека, болтающегося в воздухе на высоте десяти с лишним метров, все выглядит несколько иначе.

Чрезвычайно ловкий, несмотря на тяжелый вес, сержант полез на свое дерево, долгоногий Джон Хартли — на свое. Голубь, слегка наклонив голову набок, увлеченно и без тени тревоги наблюдал за их подъемом. Ловцы одновременно поравнялись с его насестом, и после короткой передышки сержант хриплым шепотом донес, что может подползти по ветке достаточно близко, чтобы дотянуться до птицы сачком. Мы нетерпеливо призвали его исполнить задуманный маневр. Казалось, ветка, по которой только белке бегать, ни за что не выдержит тяжести ста тридцати килограммов костей и мышц, однако чернокожий Голиаф, к нашему удивлению, благополучно добрался до ее конца и протянул вперед орудие лова. Как я уже говорил, оно напоминало щипцы для сахара с сачками на концах, которые захватывали добычу, если соединить их быстрым движением.

При виде ловушки голубь проявил первые признаки настороженности, а именно наклонил голову набок и дернул крыльями. Тем временем сержант установил, что не дотягивается до птицы примерно на метр, надо перебираться выше. Поскольку голубь начал заметно нервничать, мы решили погасить наши светильники, предоставляя сержанту выходить на новую позицию в темноте. Спустя некоторый промежуток времени, заполненный цветистой бранью, сержант доложил, что передислокация благополучно завершена.

Включив свет, мы с удивлением обнаружили, что голубь воспользовался случаем соснуть, спрятав голову под крыло. Когда снова зажглись огни, он

недовольно выпростал голову, явно раздраженный нашей назойливостью. Сержант, цепляясь за новую, столь же непрочную опору, с отчаянным видом маневрировал ловушкой. Затаив дыхание, мы смотрели, как сачки приближаются к птице; с неожиданным проворством голубь вдруг отпрянул в сторону, однако улетать не стал. Прильнув всем телом к зловеще поскрипывающей ветке, сержант подался вперед и снова взмахнул сачками. На сей раз они сомкнулись вокруг добычи, но при этом ветка так сильно наклонилась, что сержант был вынужден отпустить ловушку, чтобы не сорваться вниз.

Онемев от ужаса, мы следили за ее падением. В полете «щипцы» раскрылись, так что только один сачок удерживал нашего драгоценного розового голубя и он вполне мог выскользнуть из ловушки. Какой-то сук перехватил ее, и она повисла в воздухе. Голубь нерешительно взмахнул крыльями раз другой, и мы приготовились увидеть, как он освобождается из плена и исчезает в кромешной тьме среди криптомерии. Однако наш пернатый узник, посопротивлявшись для видимости, покорился своей судьбе — и слава богу, поскольку ловушка едва держалась на ветке.

Тем временем мы рассмотрели, что упомянутый сук, устремляясь под острым углом вверх, почти дотягивается до того дерева, на котором примостился Джон Хартли. Видя это, Джон быстро спустился до нужного уровня и пополз по ветке, пока не очутился всего лишь в метре с небольшим от ловушки. С величайшей осторожностью, ибо его ветка отнюдь не отличалась твердостью и крепостью, он потянулся к

«сахарным щипцам». На какое-то мгновение мне показалось, что у Джона руки короткие, но тут его пальцы, к моему облегчению, обхватили устье сачка. Розовый голубь наш!

Осторожно подавшись назад в зеленую глубь криптомерии, Джон пересадил птицу в припасенный для такого случая мешочек из мягкой ткани, после чего бережно опустил добычу вниз на бечевке. Темная хвоя расступилась, пропуская качающийся мешочек, я благоговейно принял его двумя руками, с великой осторожностью развернул и предъявил Дэйву пленника. Голубь спокойно лежал на моих ладонях и не думал вырываться, только помаргивал, как бы слегка удивленный необычным приключением. Окраска его даже при искусственном освещении была великолепна: крылья и спинка светло-шоколадные, гузка и хвост ржаво-красные, широкая грудь, шея и голова светлосерые с цикламеновым отливом. Удивительно красивая птица.

Рассматривая ее вблизи, осязая пальцами шелковистое оперение, улавливая ровное дыхание и трепетное биение сердца, я вдруг ощутил глубокую печаль. Передо мной была одна из тридцати трех особей погибающего вида, который, подобно жертвам кораблекрушения, влачил зыбкое существование на криптомериевом плоту. Вот так же в свое время крохотная группа дронтов, последних представителей безобидного неуклюжего рода, истребляемого свиньями, собаками, кошками, обезьянами и человеком, встретила свой смертный час и сгинула навеки, потому что некому было

подумать об этих птицах и поместить их в надежно охраняемый питомник. С нашей помощью теперь хоть розовым голубям предоставлялась возможность выжить, несмотря на то что их численность сократилась до угрожающе малой цифры.

На поимку голубя ушло столько времени, что луна успела подняться высоко над горизонтом, а небо, как назло, было совершенно безоблачным, так что продолжать охоту не было никакого смысла: при таком ярком свете птицы могли спокойно летать. Первая же попытка влезть на следующую криптомерию кончилась тем, что голуби снялись, хлопая крыльями, и исчезли в долине. Выслеживать их было бы пустой тратой времени. Обливаясь потом, скользя и спотыкаясь, мы выбрались из долины на глазурованный лунным сиянием простор. Язык не поворачивался роптать: ведь с нами была драгоценная ноша — розовый голубь. В такой местности с первой попытки поймать одну из уцелевших тридцати трех птиц — это ли не чудо!

Возвратившись в гостиницу, мы приняли душ, переоделись, смазали комариные укусы и собрались в столовой.

— А почему бы не отпраздновать наш улов? — предложил я. — Что вы скажете насчет дюжины устриц и жареного омара с салатом, а на третье — бананы в жженке и хорошее белое вино?

Энн и Джон сочли, что для легкого ужина это будет совсем неплохо, и я продиктовал заказ официанту, коего родители нарекли Горацием. Через некоторое время официант вернулся.

— Простите, сэр, — обратился он ко мне, — но я

сожалею об омарах.

Хотя английский — официальный язык Маврикия, мне уже приходилось сталкиваться с затруднениями. Не так-то просто привыкнуть к маврикийскому обычаю говорить для краткости «стоит» вместо «не стоит благодарности». И вот передо мной новая проблема. Гораций сожалеет об омарах. Может быть, он штатный сотрудник Королевского общества борьбы против жестокого обращения с животными, и сама мысль о кончине восхитительных ракообразных внушает ему такую скорбь, что он не в силах заставить себя подать нам это блюдо? По виду его этого нельзя было сказать, но я все же не хотел бы огорчить нашего учтивого официанта.

— Почему вы сожалеете об омарах, Гораций? — мягко осведомился я, готовый разделить его добрые чувства.

— Потому что омаров нет, сэр, — ответил Гораций. Мы довольствовались рыбой.

Глава третья ОСТРОВ КРУГЛЫЙ

В отличие от большинства морских экспедиций в тропиках наша вылазка на остров Круглый¹ увенчалась полным успехом. Если не считать, конечно, что Вахаба укачало, Дэйв получил тепловой удар, а я сделал серьезную заявку на олимпийскую золотую медаль за самое длинное и болезненное скольжение по склону на локтях, когда-либо совершенное на данном острове.

Подъем в четыре утра в незнакомой гостинице всегда как-то отрезвляет, особенно если по горькому опыту, приобретенному в других частях земного

¹ В русской номенклатуре название этого острова — Раунд, что по-английски означает «круглый». — *Прим. ред.*

шара, подозреваешь, что ты — единственный член экспедиции, который достаточно неразумен, чтобы являться к месту сбора вовремя или вообще являться. Меня неизменно грызет чувство вины, когда приходится вставать в гостинице ни свет ни заря, и я считаю своим долгом двигаться возможно осторожнее, чтобы не потревожить менее эксцентричных постояльцев. Увы, передвижение по незнакомой территории неизбежно сопряжено с трудностями. В данном случае трудности начались с поисков выключателя, в ходе которых была опрокинута тумбочка вкупе с графином, стаканом, часами и тремя брошюрами о фауне острова Круглого. Затем раздался грохот сорвавшегося сиденья унитаза (некое подобие пушечного залпа прямо в лоб крепко спящим соседям), сопровождаемый частым ружейным огнем (это водопровод прочищал свою глотку) и рыканьем душа, которое в сей предрассветный час смахивало на чудовищное извержение Кракатау в 1883 году. Во всем этом безотрадном спектакле меня утешала лишь мысль о том, что теперь-то уж мои товарищи, коим давно пора встать, непременно проснутся.

В конце концов, борясь с сонливостью, мы погрузили в машину весь положенный звероловам инвентарь (мешки для змей, сачки, бутылки, бечевку, а также фотокамеры и бинокли), разместились сами и покатали по глянцевой от ночного дождя дороге между шуршащими стенами сахарного тростника в сторону местного яхт-клуба, на пирсе которого была назначена встреча с остальными членами отряда. На полпути мы едва не разминулись с Дэйвом — он

весьма искусно и целеустремленно гнал свою машину в противоположную сторону. К счастью, Дэйв вовремя заметил нас, повернул и пристроился сзади. Вскоре после этого мы увидели стоящую под деревом машину Вахаба. Он ждал нас, чтобы указывать путь, и его белозубая улыбка озорного школьника выражала такой задор, что мы немедленно прониклись верой в успех нашего предприятия и убеждением, что ради него подъем в четыре утра — сплошное удовольствие.

Прибыв во владения яхт-клуба, мы поставили машины под деревьями. Уповая на отсутствие в столь ранний час членов садовой комиссии, Джон и я покусились на живую изгородь и срезали длинные палки, чтобы сделать удочки для лова ящериц, после чего наш отряд с полными сумками провианта и снаряжения проследовал к пирсу и осмотрел выделенное нам судно.

Оно смахивало на кукольный буксир: крохотная носовая палуба, закрытый бридждек и колодезная палуба с лакированными скамьями по периметру. Сверху колодезную палубу защищала крыша, в остальном же она была открыта для стихий. Курносая и с виду норовистая посудинка производила впечатление тудяги, которому не до забот о своей внешности, и уже это внушило мне доверие к ее мореходным качествам. Латунная пластинка извещала, что суденышко построено около двадцати лет назад в Колчестере, известном своим... пехотным училищем. Вступая в жизнь, он носил отдающее душегубством имя «Корсар», но затем его переименовали в «Дораду».

На борту «Дорады» уже находился двуногий прямоходящий груз: лихой капитан в форменной фуражке, помощник капитана, смахивающий на Хайле Селассие в юности, смуглый маленький ныряльщик (видимо, на случай, если мы пойдём ко дну), благодушный судейский чиновник-мусульманин (друг Вахаба), Тони Гарднер и три лесника (тоже из «команды» Вахаба); далее некий дородный джентльмен, его сонная пухлая супруга и ещё две особы женского пола — эта четверка щеголяла в ослепительно белых нарядах, более уместных, показалось мне, на берегах Темзы во время Королевской регаты, чем на неприютном острове Круглом. И когда мы присоединились к этой группе, я невольно подумал, что вместе мы чем-то напоминаем пеструю братию, сопровождавшую Беллмэна во время охоты на Спарка.

Последовали неизбежные в таких случаях крики, споры и перераспределение людей, наконец наш багаж был уложен надлежащим образом, и сами мы благополучно разместились на колодезной палубе. Отдали швартовы, и добрая, крепкая «Дорада» заскользила по бархатисто-черному морю, пестрящему бликами тусклых звезд, — небо на востоке уже светлело, контрастируя с темным легионом маленьких кучевых облаков, похожих на стадо курчавых черных овечек, пасущихся на серебристом лугу. Море вело себя на удивление тихо, дул приятный тёплый ветерок, и те из нас, кто сомневался в мореходности своих внутренних органов, заметно успокоились.

Вскоре слева от нас возникла сумрачная громада

острова Ганнерс-Куойн, или Пушкарский Клин, названного так за сходство с треугольным куском дерева, которым в старину изменяли вертикальную наводку пушечного ствола. Правда, мне он скорее напомнил нос «Титаника», уходящего под воду кормой вниз. Серебристая заря сменилась желтой, и ползущие над горизонтом барашки налились густой чернью в золотой оправе, а те, что паслись повыше, стали синевато-серыми с нежной росписью из пурпурных полос и пятен. Тем временем вдали возник силуэт острова Флат (сиречь Плоский), вполне отвечающего своему прозванию, если не считать бугра на конце. За ним показался остров Серпент, или Змеиный, похожий на опрокинутую форму для пудинга, и наконец — наш пункт назначения, остров Круглый, который вовсе не выглядел круглым. Скерее, при некотором воображении, его можно было сравнить с лежащей на воде головастой черепахой.

— Послушай, — обратился я к Тони, поскольку географическая номенклатура, как и зоологическая, подчас нуждается в толковании, — ты не можешь объяснить мне непоследовательность в наименовании этих двух островов?

— Каких именно? — спросил Тони, исторгая из своей трубки клубы ароматного дыма.

— Круглого и Змеинового.

— Не понял, — недоумевающе произнес Тони.

— Ну как же: Змеиный — круглый, и на нем совсем не водятся змеи, а Круглый — вовсе не круглый, но на нем обитают два вида змей.

— А ведь и в самом деле странно, — согласился

Тони. — По-моему, их просто перепутали, когда составляли карту. Сам знаешь, всякое бывает.

— Наверно, ты прав, — сказал я. — У меня однажды была официальная карта Камеруна, так на ней один крупный город разжаловали в деревню да еще перенесли на триста с лишним километров к северу от его истинного местоположения.

Постепенно все небо окрасилось в серо-голубой и нежно-розовый цвета, и облака стали гладкими и белыми, громоздясь на горизонте, словно деревья в снежном уборе. Внезапно из этого кучевого леса тигром выскользнуло солнце и выжгло на поверхности моря блестящую световую дорожку, которая даже в столь ранний час обдала жаром нашу «Дораду».

Чем ближе мы подходили к острову Круглому, тем нелюдимее он казался. Солнце всходило как раз над ним, так что нашим глазам в основном представлялся торчащий из моря силуэт с рваной пальмовой оторочкой поверху. Наш добрый кораблик проталкивался через пологие синие валы, пусть не буйные, но полные дремлющей до поры могучей силы, словно мускулы сонной голубой пантеры.

— Счастье, что нет волнения, — заметил Тони. — Поверишь, я еще никогда не видел такого спокойного моря. Иной раз на высадку уходит не меньше часа. Бывает и так, что приходится обрубать якорь, если застрянет под выступом там под водой.

— Знаю, — отозвался я. — Читал с почтением и даже с трепетом записки Пайка о его пребывании на острове Круглом. Описание первой высадки

заставляет призадуматься.

— Что правда, то правда, — сказал Тони. — Незаурядный был человек.

Николас Пайк — один из тех неутомимых путешественников XIX века, коим так обязаны нынешние натуралисты и зоологи. Облаченные в предельно неудобную одежду, зато наделенные острым всеобъемлющим умом и обуреваемые неутолимой жадью к познанию, они странствовали по всему свету, кропотливо записывая свои наблюдения, причем большинство из них отличает своеобразная архаичная манера письма и чувство юмора, подобное которому теперь найдешь разве что в старых выпусках «Панча». Их отчеты о виденном и собранном полны свежести, энтузиазма и очарования, чего не скажешь о большинстве бесцветных страноведческих книг, навязываемых нам путешественниками-натуралистами реактивного века. Вот, например, рассказ Николаса Пайка о первой высадке на острове Круглом.

«Сразу было видно, что все, говоренное мне о трудностях высадки, не преувеличение. По счастью, наши рыбаки искусно подошли к делу. Судно остановилось в нескольких футах от омываемого прибоем плоского камня, который играл роль пристани.

Теперь оставалось ждать, когда представится возможность одному из членов команды прыгнуть на берег с канатом, чтобы можно было удерживать судно носом к острову. Как только это было выполнено, канат надежно закрепили за железные кольца, помещенные здесь для этой цели много лет

назад, после чего началась выгрузка нашего провианта, воды и пр.

Но вот весь груз благополучно переправлен на берег, и мы стали выжидать, когда волна поднимет судно, и по очереди совершали прыжок, от которого замирало сердце, и требовался верный глаз и устойчивая нога, чтобы твердо приземлиться на скользкий камень.

Если бы наше суденышко, качаясь на десять-двенадцать футов по вертикали, врезалось носом в отвесный выступ, мы в два счета отправились бы вместе с ним рыб кормить. Глубина здесь около четырех морских саженей».

Наша «Дорада» то скатывалась в ложбину между волнами, то взмывала вверх на лоснящемся синем гребне, и я вполне понимал чувства Пайка. Прощупывая взглядом приближающиеся скалы, я пришел к выводу, что здесь только горный козел может высадиться.

— А где же пристань? — спросил я Тони.

— Вон там, — он небрежно показал рукой на скалистый обрыв. — Тот плоский камень, на который высаживался Пайк.

Присмотревшись, я с трудом различил выступающую каменную площадку не шире обеденного стола, перед которой зловеще толпились волны прибоя.

— Вон там? — усомнился я.

— Там, там, — подтвердил Тони.

— Не сочти меня излишне привередливым, — сказал я, — только, на мой взгляд, чтобы там зацепиться, нужно одновременно обладать способ-

ностями шерпа и сверхпроворного геккона.

— Не беспокойся, Джерри, — усмехнулся Вахаб, — больше одного раза не умрешь.

— Знаю, — ответил я. — Оттого-то и не хочется раньше времени профукать единственную возможность.

— Никогда еще не видел такого спокойного моря, — серьезно сказал Тони. — Запросто высадимся.

На носу «Дорады» закипела работа, якорь с рокотом шлепнулся в прозрачную, словно джин, воду и лег на дно на глубине шести-семи саженей.

— А вот и пещерка, где укрывался Николае Пайк, когда налетел циклон, — Вахаб показал на подковообразную выемку в скале рядом с пристанью.

— Свод с тех пор обрушился, но примерные очертания еще видно, — добавил Тони.

Глядя на углубленный в скалу полукруг, где сейчас совсем не по-рыбьи ползали по камню черные полчища лоснящихся ильных прыгунов и сновала стайка алых и пурпурных крабов, я с почтением вспоминал жуткий рассказ Пайка; передо мной было то самое место, где он едва не остался без своих невыразимых:

«Как мы ни торопились, а стихии еще энергичнее собирались с силами; около половины седьмого море внезапно пошло на приступ, и вот уже огромные валы высотой десять-двенадцать футов обрушились на плоский камень, где наш отряд высадился всего двумя часами раньше. Струи захлестывали наши бочонки с водой, которые стояли в полусотне ярдов от камня на высоте двадцати пяти футов, и вскоре ворвались в пещеру, лишь немного не доходя до

места, откуда мы с тревогой созерцали эту картину, и отрезая нам путь к отступлению.

Как только обнаружилась внезапная перемена погоды, капитан судна поднял якорь и стал уходить от шторма, и вскоре мы потеряли его из виду за могучими валами.

Теперь паши усилия сосредоточились на спасении всего, что можно было спасти, однако задолго до того, как мы управились с этим делом, спустилась ночь, и небо заволокли тяжелые тучи. Гора содрогалась от глухих раскатов грома, яркие молнии озаряли своими вспышками клокочущие, пенистые волны под нами, которые бешено бились о камни, окатывая нас брызгами.

Ко всем нашим бедам добавился еще и проливной дождь, и вскоре несущиеся по склонам ручьи перевалили через выступ, образующий кровлю нашей пещеры. Поток двадцатифутовой ширины нес с собой большие и малые камни, которые с силой ударялись о дно пещеры и отскакивали в море, а иногда наносили и нам ощутимые удары. Мы оставались на месте, и море, наступая на наше убежище, постепенно оттеснило нас в дальние углы; приходилось крепко держаться за выступы, чтобы нас не смыло. Излишне острые переживания не доставляли нам никакого удовольствия; было ясно, что надо что-то предпринять, чтобы выбраться из коварной ловушки.

Накануне мы прочно укрепили веревку на скале выше пещеры, так что конец ее свисал с выступа. Правда, он свисал в самой низкой части козырька, где скатывалась основная часть потока. К счастью,

веревка была длинная, и мой товарищ выбрался из своего укрытия, улучил минуту, поймал конец и, вцепившись мертвой хваткой, сумел подтянуть веревку и сдвинуть ее в сторону от каскада, так что она легла на выпуклую часть скалы, образующую тридцатифутовый отвес. Это был самый отважный поступок, какой я когда-либо наблюдал, притом совершенный с риском для жизни; один неверный шаг, и ничто не спасло бы его. Да и то ему сильно ушибло летящим камнем голову и бок.

Ничуть не обескураженный, этот смельчак, самый маленький и легкий среди нас, первым полез вверх по веревке, и должен сказать, что мы с великой тревогой ждали сигнала о благополучном завершении подъема: ведь никто не мог поручиться, что веревка выдержит или что наш храбрец устоит против натиска ветра и ливня.

Наконец, к величайшей нашей радости, мы сквозь рев стихий услышали его долгожданное «все в порядке!». Настала моя очередь; оставшись лишь в брюках и старой синей рубашке, я взялся за веревку, подтянулся к отвесу и полез вверх, перехватываясь руками. Несладко было болтаться в воздухе между жизнью и смертью — сорвись рука, и я полетел бы в зияющую пучину. Вскоре я поднялся настолько, что мог отдохнуть, упираясь ступнями в камень, и услышал подбадривающие возгласы моего друга; казалось, голос его доносится до меня с небес. Я выбрался наверх с чувством неопишуемой благодарности, хотя ободранные руки и ноги кровоточили, не говоря уже о потере большей части моих невыразимых».

Наша высадка на остров Круглый прошла куда более мирно. Как только якорь зацепился за грунт, Тони и ныряльщик, захватив по канату, скользнули за борт, точно каланы, и быстро закрепили концы на берегу. Подобно тому как паук, натянув шелковистую нить, бежит по ней, когда попадет добыча, так и нам предстояло подтягивать к пристани шлюпку, держась за канаты. Итак, мы погрузили в шлюпку провиант и снаряжение, втиснулись сами и направились к берегу.

Теперь, когда мы подошли вплотную, гора закрыла спящий солнечный диск, и мы могли оценить своеобразие геологического строения острова Круглого. Он сложен туфом, и ветры вместе с дождями избороздили мягкую породу поперечными и продольными складками, так что остров напоминает лежащий на поверхности моря огромный каменный криолин с торчащими тут и там башенками, арками и аркбутанами. И на весь остров, отметил я с огорчением, только один ровный участок — каменистая площадка, играющая роль пристани. В остальном же — сплошные неприступные на первый взгляд кручи.

Однако сейчас было некогда раздумывать, чем нам грозит Круглый: настала трудная минута высадки. Конечно, наши трудности не шли ни в какое сравнение с тем, что выпало здесь на долю Пайка, и все же, хотя мои друзья никогда не видели более спокойного моря, волны достигали метровой высоты, и нос шлюпки с треском бился о каменную плиту. В принципе сойти на берег было не сложнее, чем шагнуть на детский столик со спины коня-

качалки, но, убедившись, как нещадно колотит шлюпку слабый, по видимости, прибой, я живо представил себе, что будет с моими костями, если я оступлюсь и нога окажется между бортом и камнем. Впрочем, выгрузка прошла без урона для людей и снаряжения, мы разобрали корзины и сумки и следом за Вахабом и Тони двинулись вверх по склону между причудливыми каменными изваяниями.

— Хороши скалы? — выдохнул Дэйи. — Где еще ты видел такую чертовскую красоту! Этаким местный Большой Каньон!

В небе над нами белым мальтийским крестом висел, сварливо крича, белохвостый фаэтон, и Дэйв остановился, чтобы отереть пот со лба и ответить птице зарядом брани на ее родном языке. Озадаченный фаэтон скользнул по ветру вбок и пропал.

— Где еще ты видел таких чертовски красивых птиц? — спросил Дэйв.

Я не ответил. Нагруженный портативным холодильником с прохладительными напитками, а также фотоаппаратами и биноклями, я был не в силах говорить, не то что заниматься звукоподражанием, и только дивился, откуда у Дэйва хватает дыхания на эти упражнения. Гладкую с виду поверхность скалы кое-где покрывала тонкая корка, которая шелушилась не хуже, чем спина оголтелого любителя загаров, а в других местах лежала мелкая крошка. Наступишь неосмотрительно — поскользнешься и съедешь назад на метр-полтора, а повезет, так и вовсе скатишься с хорошим ускорением кувырком вниз по склону прямо в море.

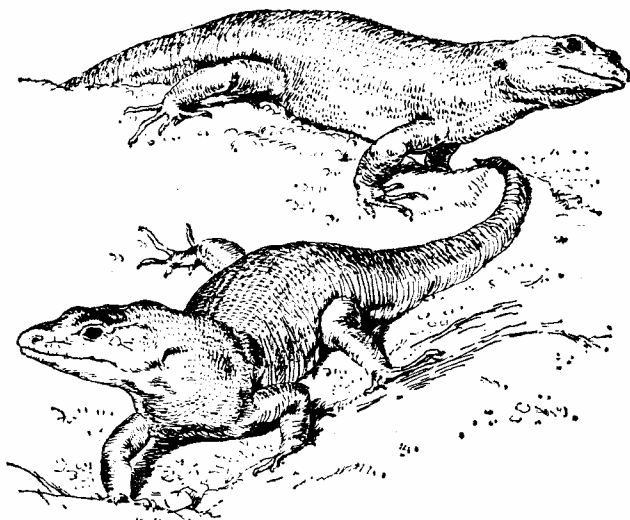
Хотя часы показывали всего семь утра, воздух уже пропитался зноем, влагой и липкой морской солью, и пот катил с нас ручьями. Снаряжение с каждым шагом делалось тяжелее, и склон казался все более отвесным. Шедший первым Вахаб остановился и с улыбкой поглядел на нас, вытирая потное бронзовое лицо.

— Теперь уже немного осталось, — сообщил он.
— Вон дерево экскурсантов.

Проследив за его указательным пальцем, я увидел высоко над нами недостижимые, как вершина Эвереста, причудливые веерные листья пандануса, который словно махал нам зелеными руками. Понадобилась целая вечность, чтобы добраться до дерева, опирающегося на толстые ходульные корни. Мы с облегчением опустились на землю с пятачками тени, укрыли от солнца свои припасы и стали отбирать снаряжение, необходимое для охоты. Внезапно со всех сторон, точно вызванные дудочкой незримого волшебника, высыпали полчища больших, блестящих, тучных сцинков с живыми умными глазами.

— Смотрите! — прохрипел Джон; у него даже очки запотели от волнения. — Нет, вы поглядите! Сцинки Телфэра!

— Они самые, — улыбнулся Вахаб восторгу Джона. — Они совсем ручные. Всегда присоединяются, когда кто-нибудь устраивает привал под деревом. Мы их покормим потом.

— Вы когда-нибудь видели такую чертовскую прелесть? — допытывался Дэйв. — Посмотрите на этих негодников. Ручные, что твои кролики!

Плотные, длиннохвостые и коротконогие ящерицы были хороши собой. Высоко подняв голову, они легкими скользящими движениями подбежали к нам и принялись лазить по нашему имуществу. Кожа окрашена в строгий, но приятный серый или коричневый оттенок; когда же угол освещения менялся, чешуйки вдруг, подобно мозаике, вспыхивали пурпуром, зеленью, синью и золотом, переливаясь, будто радужная пленка нефти на придорожной луже. Сцинки Телфэра, *telfairii*, относились как раз к одному из тех видов, ради которых мы совершили столь далекое путешествие, и они вовсе не стремились ускользнуть, напротив, сами встретили нас и приступили к скрупулезному

досмотру нашего багажа не хуже настоящих таможенников в элегантной форме.

Поскольку этим особям явно не терпелось попасть в плен, мы решили направить свои усилия на два других нужных нам вида, а именно на геккона Гюнтера, представленного на острове всего пятью сотнями особей, и на маленького сцинка, область обитания которого, как ободряюще сообщили нам Тони и Вахаб, ограничивалась самой вершиной Круглого. Тони полагал, что лучше всего начать с гекконов, поскольку они водятся на одиночных пальмах западного склона, где солнце еще не так лютовало.

Перед тем как нам идти дальше, Вахаб торжественно раздал припасенные для участников охоты соломенные шляпы. Самые широкополые были предназначены для гостей, себе же Вахаб взял роскошный фуксиново-белый, с розовыми лентами, капор своей супруги. Важно надел его и несколько удивился, услышав наш смех.

— Солнце-то вон какое, — объяснил он. — Без шляпы нельзя.

— И она тебе очень идет, Вахаб, — сказала Энн. — Не обращай на них внимания, просто они завидуют.

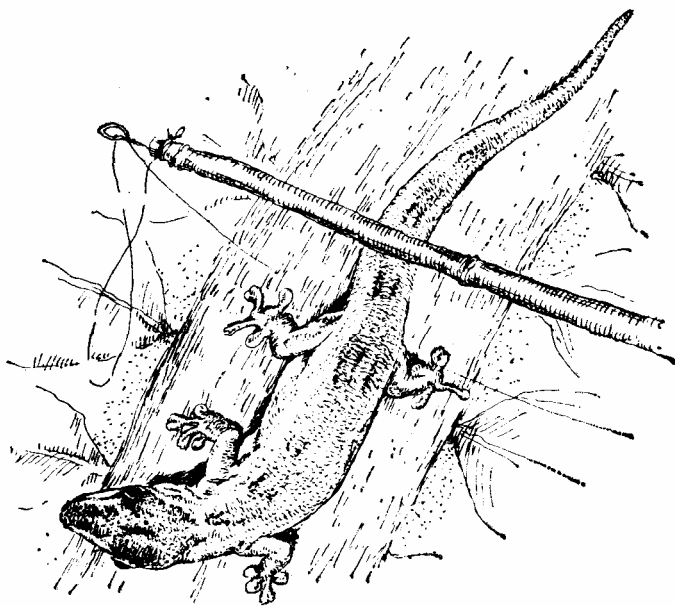
Утешенный ее словами, Вахаб расплылся в ослепительной улыбке и уже до конца дня не расставался с забавным головным убором.

Мы высадились на восточном берегу и теперь пробирались по сухому склону между редкими пальмами и кущами пандануса к северной оконечности острова. В дополнение к ровным

продольным складкам и гребешкам зимние дожди и недавний циклон (незаслуженно получивший нежное имя Жервез) пропахали в мягком туфе от крутых верхних склонов до самого моря длинные глубокие борозды, по которым скатывались крупные камни и остатки скудного почвенного слоя. Некоторые борозды достигали трех-пяти метров в глубину и двенадцати-пятнадцати в ширину. Пыхтя и обливаясь потом на раскаленных скалах, я с горечью думал, что этот лунный пейзаж — плод вмешательства человека.

Мы шли цепочкой, с надеждой всматриваясь в пальмовые кроны, и уже через каких-нибудь сто метров Вахаб крикнул, что видит геккона. Мы бросились к нему по горячим камням, тяжело дыша и цепляясь ногами за стебли похожего на вьюнок мелкого травянистого растения, которое местами образовало сплошной ковер, расшитый светло-лиловыми и розовыми цветками, доблестно, но тщетно пытаясь, вопреки натиску кроликов, защитить почву от ярости ветров и дождей. Дождавшись нас, Вахаб показал рукой на главный черешок панданусового листа. Протерев глаза, залитые потом, я напряг зрение и на конец рассмотрел геккона. Он распластался на черешке, широко расставив ноги, — крапчато-серая кожа с шоколадными и зеленоватыми пятнами придавала ему сходство с выцветшим куском коры. Он был довольно крупный для представителей этого семейства, около двадцати сантиметров в длину; на пальцах — расширенные пластинки с щеточками, которые позволяют геккону не хуже мухи цепляться

за гладкие поверхности. Уверенный в надежности своего камуфляжа, наш геккон спокойно созерцал нас большими, золотистыми в коричневую крапинку глазами с вертикальным зрачком, придающим ему странное сходство с кошкой.

— Нет, вы только поглядите! — выдохнул Дэйв.
— Где еще вы видели такого чертовски большого геккона? Великолепный экземпляр!

После некоторой дискуссии мы решили, что честь поимки первого экземпляра должна принадлежать Дэйву. Подыскав надежную опору для ног, он осторожно протянул вперед бамбуковую палку с нейлоновой петлей на конце. Нейлон поблескивал на солнце, точно рыба чешуя, и я молил бога, чтобы это сверкание не спугнуло геккона, а он знай себе висел на черешке, добродушно разглядывая нас.

Затаив дыхание, мы смотрели, как петля сантиметр за сантиметром приближается к жертве. Вот уже болтается перед самым носом геккона... Момент критический: надо было, не спугнув ящерицу, надеть ей петлю на голову и туго затянуть на толстой шее. Нейлон чуть заметно скользил по черешку, и, когда уже казалось, что петля сейчас коснется жертвы, геккон поднял голову и с любопытством воззрился на нее. Мы окаменели. Так прошло несколько секунд, затем Дэйв тихо-тихо, словно он гладил паутину, стал надевать петлю на голову ящерицы. Сделал глубокий вдох и рывком затянул леску вокруг ее шеи. Геккон еще крепче вцепился в черешок, будто приклеился к нему, и замотал головой, стараясь сбросить петлю. Теперь требовалось поскорее брать его, пока нейлон не поранил нежную кожу. Вот когдагодились Джоновы сто восемьдесят пять сантиметров! Поймав черешок одной рукой, он пригнул его вниз и другой рукой схватил добычу.

— Есть! — Ликующий голос Джона сорвался на визг.

Бережно освободив от петли бархатисто-мягкую шею ящерицы, мы посадили ее в матерчатый мешок и продолжили поиск, причем выяснилось, что гекконы Гюнтера не такая уж редкость, как нам говорили. Правда, эта сторона острова, относительно более богатая деревьями, явно была их любимым прибежищем, здесь они находили и тень, и корм — столько тени и корма, сколько вообще могла выделить скудная природа острова Круглого.

Мы осторожно пробирались через овраги и по изрезанным склонам, где малейший неосмотритель-

ный шаг срывал камни, и они с грохотом катились вниз по кручам, увлекая за собой сухую туфовую крошку. То и дело из-под ног у нас выскакивали пестрые кролики, и повсюду бросались в глаза следы их нерадивого хозяйничанья: выюнки объедены, макушки молодых пальмовых ростков ампутированы, склоны испещрены норами, усугубляющими эрозию.

За час мы обогнули примерно четверть окружности острова. Солнце вышло из-за горы, и мы сразу почувствовали себя так, словно очутились перед открытой топкой. Тяжелый воздух насытился круто посоленной влагой. Марсианский ландшафт переливался в струях знойного марева, будто морское дно под волнами.

Я с интересом наблюдал за своими товарищами. Энн отделилась от нас, так что образовался чисто мужской коллектив. Вахаб с его потешным капором сосредоточенно осматривал пальмы, напевая себе под нос и периодически извлекая из кармана бумажный кулек с липкими леденцами, которыми он потчевал всю компанию. Высокий и тощий Джон дрожал от возбуждения и поминутно протирал очки, полный решимости ничего не упустить в этом герпетологическом раю, о котором он столько мечтал и говорил. Звонкоголосый Дэйв, весь нетерпение и задор, трещал как сорока и сыпал превосходными степенями, что твоя голливудская реклама, перемежая речь звукоподражанием в таком количестве, что за ним не угнался бы никакой артист-имитатор, изображающий утро в деревне. Тони в выгоревшей зеленой рубаше и защитных

брюках, сливаясь с ландшафтом, будто хамелеон, отвечал на любой вопрос пулеметной очередью информации и всех нас превосходил организованностью и обстоятельностью. По первому требованию он был готов извлечь из маленькой корзинки все что угодно, от горячего чая до бутербродов с джемом, от холодного кэрри с рисом до апельсинового сока. Потрясенный талантом этого иллюзиониста, я не сомневался, что стоит мне попросить, и Тони сотворит обеденный стол, подсвечники, столовое белье и смокинги, чтобы мы могли на нелюдимых склонах острова Круглого устроить трапезу по всем правилам этикета, соблюдаемого англичанами в тропиках, если верить легенде.

Отловив часа за два дозволенное количество гекконов, мы сели поджариваться на крохотном пятачке тени подле купы пальметто. Джон ухитрился обнаружить в своем костяке шестнадцать неизвестных дотоле сочленений и свернулся клубком на клочке, где даже чихуахуа почувствовал бы себя стесненным. Вахаб обвился вокруг пальмы и раздавал отнюдь не утоляющие жажду липкие леденцы. Тони присел на корточки возле обросшего вьюнками камня и сразу превратился в невидимку, время от времени ошарашивая нас своим появлением, словно Чеширский кот, чтобы предложить апельсинового сока или бутерброд с джемом. Дэйв распределил свою плоть между тремя пятнышками тени величиной с суповую тарелку и затеял перепалку с фазтонами, которые с резкими криками кружили и пикировали, точно скопище

обезумевших метеоритов. Вахаб продемонстрировал, как, взмахивая каким-нибудь белым предметом — носовым платком, мешком для змей, рубашкой, — можно заставить фаэтонов пикировать прямо на человека. Этот маневр вкупе с нескончаемым каскадом едких реплик Дэйва на птичьем языке, возымел такое действие, что вскоре над нами, на фоне синего неба, уже металось два-три десятка белых, как морская пена, голосистых тонкоклювых птиц с длинными хвостами-иглами и заостренными крыльями.

— Ну так, — сказал Джон, обуреваемый жаждой деятельности после нашего кратковременного отдыха, — что будем делать теперь?

— Теперь, — отозвался Тони, возникая из ничего, — если вы желаете... так вот, если хотите поймать несколько малых... малых сцинков, то они обитают преимущественно на макушке острова, так что надо нам подниматься на макушку.

И он указал большим пальцем себе за спину. Шутит, подумал я. Склон, вдоль которого мы следовали до сих пор, был настолько крут, что здесь не мешало бы обладать разными по длине ногами, а позади нас возвышалось нечто такое же отвесное, недоброе и опасное, как Юнгфрау в жаркий день, и сколько я ни всматривался, не мог обнаружить никаких опор для рук и для ног.

— А я-то склонялся к мысли, Тони, что ты хороший человек, — сказал я. — Нет, правда, не мешало бы тебе обуздать немного свое пристрастие к черному юмору. А то ведь если примет тебя всерьез кто-нибудь такой же стройный и моложавый, как я,

может запросто схлопотать сердечный припадок от твоих острот.

— Но я не шучу, — возразил Тони. — Это самый подходящий путь, и он совсем не трудный, если идти зигзагом.

— Зигзагом, — протянул Дэйв. — Что за чертовский бред я слышу? Чтобы подняться здесь зигзагом, надо быть горным козлом с липкими копытами.

— Уверяю вас, это вовсе не так трудно, как кажется, — настаивал Тони.

— Мы забыли кислородные маски, — заметил Вахаб. — Но есть верное средство — задержать дыхание до самой вершины.

— И зачем только я с вами связался, — сказал я. — Вообще, надо же было такую глупость учудить, тащиться в эти края!

— Ты что, в самом деле предпочел бы дома остаться? — спросил Джон таким тоном, словно я учинил богохульство.

— Да нет, вряд ли, — признался я, вставая и вешая на себя фотоаппарат. — Недаром говорят: нет хуже дурака, чем старый дурак.

И мы двинулись, петляя, вверх по отвесному склону. Волей-неволей нам пришлось признать правоту Тони — неприступная на первый взгляд круча оказалась в общем-то одолимой, если передвигаться по ней зигзагами, наподобие пьяной многоножки. Время от времени мы вздрагивали от жутковатых воинственных криков, вырывавшихся как будто из самых недр земли. Это краснохвостые фазтоны, сидя в гнездах под лавовыми плитами,

пытались отогнать нас. Величиной они с небольшую чайку; голова с большими трогательными глазами похожа на голову крачки, клюв сургучного цвета; оперение на голове, груди и в основании крыльев отликает нежным светло-розовым оттенком, словно птиц искупали в растворе некоего эфирного красителя. Убедившись, что их дикие крики не возымели действия, фаэтоны смолкли и продолжали созерцать нас из своих убежищ. Эта глупая привычка сидеть на месте, примирясь с судьбой, — главная причина массовой гибели фаэтонов: птицы становятся легкой добычей рыбаков, которые высаживаются на острове Круглом, убивают их и везут на Маврикий, чтобы продать в китайские рестораны.

Вершина упорно не желала нам покоряться. Только одолеешь склон и думаешь — все, а перед тобой уже дыбится новая стена. В конце концов мы все же выбрались на плоскую площадку с каменными плитами, словно сброшенными с неба чьей-то небрежной рукой. Здесь было куда жарче, чем на склонах, поскольку между камнями росли одни лишь жиденькие кустики вьюнков, и не нашлось даже самого хилого пандануса, чтобы даровать нам толику тени. Гекконы Гюнтера тут не водились, зато по камням струйками ртути скользили юркие, словно колибри, маленькие сцинки длиной десять-одиннадцать сантиметров, с длинным хвостом, острой головой и такими маленькими ножками, что их можно было принять за змеек.

— Нет, вы только посмотрите! — выдохнул Дэйв.
— Вы поглядите на них! Где еще вы видели таких

чертовски маленьких тварей? Прелестные малыши, правда?

Ясноглазые сцинки знай себе продолжали стремительно скользить по туфу, точно дождевые капли по стеклу, не придавая значения адресованным им дифирамбам. Сверкая на солнце гладкими блестящими чешуями бледно-зеленого и кофейного цвета, они занимались поиском пропитания и отвлекались от этого важного дела лишь для того, чтобы устроить притворную потасовку, когда их пути нечаянно скрещивались.

Дэйв вытер о брюки потные ладони, крепко сжал в руках удочку и стал подкрадываться к довольно крупному, плотному сцинку, который исследовал трещины в скале с придирчивостью детектива, обыскивающего дом в погоне за торговцем наркотиками. Его рвение и добросовестность несомненно были бы поощрены начальником любой полиции. Сцинк не обратил никакого внимания на склонившегося над ним Дэйва.

— Ну-ка, малыш, давай сюда, — ворковал Дэйв, поднося петлю к ящерице. — Давай, давай...

Петля закачалась перед глазами сцинка, он заметил блеск нейлона, остановился и поднял голову. В ту же секунду Дэйв ловко накинул петлю ему на шею, затянул и поддернул кверху. С таким же успехом он мог бы попытаться изловить радугу. Нейлон не задержался на гладкой, словно полированной, поверхности чешуи, и под весом тела голова ящерицы свободно выскользнула из петли. Полет на высоту пятнадцати сантиметров и последующее падение ничуть не обескуражили

сцинка. Сделав маленький перерыв, чтобы аккуратно облизать губы, он как ни в чем не бывало возобновил охоту на насекомых. Дэйв еще дважды накинул петлю на голову сцинка, и оба раза нейлон соскальзывал, словно ящерица была намаслена.

— Черт подери, эти паршивцы скользкие, как бочонок с жиром, — возмутился Дэйв, отирая пот с лица. — Вы когда-нибудь видели такую прыткую дрянью? И ведь этот паршивец нисколько не испугался! Верно я говорю, курицын сын? Ну так как, малыш, дашь ты Дэйву поймать тебя или нет?

Словно внимая этому заклинанию, сцинк остановился, облизнул губы, зевнул прямо в лицо Дэйву и возобновил захватывающую охоту на шестиногий провиант. Дэйв еще четыре раза закидывал свою удочку — и все четыре безуспешно. Забавно, что сцинк точно и не замечал совершаемых им кратких вылазок в космос; выскользнув из петли и шлепнувшись на камень, он ничтоже сумняшеся вновь начинал гоняться за своей добычей с прежним рвением.

В конце концов, поскольку было очевидно, что нейлоновая петля бессильна против существа, наделенного свойствами жидкости, Джон изловчился и поймал его рукой. Мы единодушно заключили, что это самый лучший — хотя и весьма утомительный — способ, и продолжили охоту. Спустя некоторое время меня начало беспокоить отсутствие тени. На вершине не было ни единого деревца, одни только камни, и поскольку дело шло к полудню, солнце висело почти прямо над нашими головами, так что и от камней в смысле тени не было особого прока. Я

боялся за драгоценные мешочки со сцинками Гюнтера. Было решено, что мои товарищи продолжат охоту без меня, а я вернусь к древу экскурсантов, чтобы в тени под ним укрыть наши редкостные экземпляры. И я тронулся в путь, заслоняя мешочки от солнца собственным телом, предоставив остальным рыскать по горячему туфу и слушая, как они кричат: «Не зевай! Он нырнул вон туда!.. Живей! Заходи на перехват с другой стороны!.. Черт! Не могу перевернуть этот окаянный камень!»

Петля между каменными грудами, я продвигался вдоль вершинного гребня, пока не вышел в точку, которая, по моим расчетам, находилась примерно над древом экскурсантов. После чего стал на самый край обрыва и взглядом поискал внизу «Дораду», чтобы определить свое местонахождение. В отличие от неразумной ватаги, которая покинула уютное суденышко, чтобы гоняться по жаре за ящерицами, остальные пассажиры облюбовали риф метрах в восьмистах от острова и наслаждались нырянием в прохладной воде и подводной охотой. А вот и «Дорада»: беленькая, чистенькая, величиной со спичечный коробок, она возвращалась к месту нашей высадки. На склоне подо мной росла молодая пальма, которая отбрасывала некое подобие тени. Присев под ней со своим драгоценным грузом, я продолжал наблюдать за «Дорадой», чтобы наметить курс, когда она бросит якорь. Сверху местность выглядела совершенно иначе, древа экскурсантов и вовсе не было видно, а ходить лишний раз по такой жаре мне не хотелось, и я решил ориентироваться на «Дораду». Вскоре она перевалила через рубеж, отделяющий

синее и пурпурное глубоководье от ярко-голубой и нефритово-зеленой отмели, и до моего слуха донесся невнятный рокот якорной цепи. Я вытер лоб, повесил на плечо фотоаппарат, поднял с земли мешочки с гекконами и двинулся к морю.

Очень скоро обнаружилось, что на пути к цели меня подстерегают затруднения не меньшие, чем те, на которые натолкнулась Алиса в саду Зазеркалья. Обычно сверху засечь нужную точку легче, чем если ты находишься с ней на одной прямой. На острове Круглом дело обстояло иначе. Как я уже говорил, остров напоминает плывущий по морю каменный кринолин, и на какой бы складке вы ни стояли, охватить взглядом все одеяние практически невозможно. После того как я дважды терял из виду судно и трижды был вынужден поворачивать назад или в сторону перед лицом таких круч, что дальнейшее продвижение грозило переломом ноги, я вдруг заметил далеко внизу красное пятнышко и опознал в нем свое полотенце, которым накрыл от солнца запасные пленки и продукты, сложенные под деревом экскурсантов. Итак, ориентир — полотенце.

Не выпуская из поля зрения красное пятно, я продолжал ковылять и скользить вниз по склону. Вторую передышку устроил у купы панданусов, которые то нервно стучали, то призывно шелестели бороздчатыми листьями, когда с моря налетал порыв горячего ветра. Желая проверить, как переносят странствие мои гекконы, я осторожно пощупал мешочки. Сильный укус одного из узников склонил меня к выводу, что они чувствуют себя значительно бодрее, чем я. Мои поры выделили уже столько пота,

что казалось: потеряй я еще толику влаги — превращусь в сухую былинку, и меня сдует ветром. Только мысль об ожидающих под деревом холодных напитках поддерживала меня.

Собравшись с силами, я поднял свой груз и затопал дальше. Вскоре путь мне преградила почти отвесная скала, верхняя половина которой была заткана тонким ковром вьюнков с россыпью розоватых цветочков. Как ни опасен был этот участок, мне надо было пересечь его, чтобы выйти к ведущей вниз лощине. Боясь поскользнуться на голой скале, я решил идти по вьюнкам и медленно двинулся вперед, тщательно проверяя надежность каждой опоры. Только я приготовился похвалить себя за альпинистскую сноровку, как зацепил ногой петлю из вьюнков и шлепнулся на спину. Фотоаппарат весело запрыгал по камням, но мешочки с гекконами я не выпустил из рук и успел поднять вверх, чтобы не раздавить при падении.

Я грохнулся с такой силой, что явственно услышал, как мой позвоночник издал звук, подобный которому обычно можно получить только с помощью марака. Теперь подо мной был голый камень, и не за что ухватиться, чтобы затормозить, а потому я продолжал скользить с нарастающей скоростью на спине, увлекая за собой туфовую крошку и чрезвычайно острые обломки застывшей лавы. Настал момент, когда я почувствовал, что возрастающая кинетическая энергия грозит перевернуть меня на живот. Больше всего я боялся, как бы нечаянно не подмять мешочки с ящерицами, которые по-прежнему изо всех сил стискивал в

руках. Отпустить их я не решился: если застрянут на этой коварной плите, вряд ли я потом решусь лезть за ними.

Оставалось одно средство — использовать собственные локти как тормоза. Что я и сделал, причем с радостью обнаружил, что не напрасно подверг себя такой пытке. Я не только ухитрился сохранить прежнее положение, но затормозил

ободранными локтями скольжение настолько, что под конец и вовсе остановился. С минуту я лежал неподвижно, смакуя полученные травмы, потом стал на пробу двигать разными частями тела, проверяя, нет ли переломов. К моему удивлению, все кости были целы, и обилие крови на правой руке никак не вязалось с незначительностью полученных мною ссадин. Морщась от боли, я кое-как боком пересек скальную плиту, отыскал фотоаппарат и добрался до лощины. Здесь спуск был намного легче, и у первой же группы пальм я сел перевести дух. Удостоверился, что гекконы и фотоаппарат нисколько не пострадали, вытер кровь с локтей, посидел немного, наконец встал и поглядел вниз, приготовившись увидеть на склоне над морем мой красный ориентир.

Ориентир пропал.

Не только полотенце, «Дорада» тоже пропала, и вообще открывшаяся мне картина разительно отличалась от всего виденного и пройденного мной в этот день. Досада — не то слово. Я изнемогал от жары, усталости и жажды, все тело ныло, голова раскалывалась от боли. Не зная я точно, где нахожусь, мог бы подумать, что меня занесло в сердце Австралии, в дебри Тибета или в какой-нибудь из наиболее угрюмых кратеров Луны. Хорошенько отругав себя за дурацкое падение, я двинулся вниз по лощине, надеясь, что выбрал правильный курс. Этот участок острова был совершенно лишен растительности, и, когда я решил наконец перевести дух, пришлось довольствоваться клочком тени под бугорком на откосе. Затем, стиснув

зубы, я побрел дальше и вскоре, к несказанной радости, услышал голоса и разного рода морские звуки, свидетельствующие, что я очутился близко от пристани. Насколько близко, я осознал лишь после того, как, обогнув торчащую скалу, оказался почти у самой воды. Высоко на склоне надо мной красовалось древо экскурсантов и лежало мое красное полотенце. Каким-то образом я просчитался при спуске; в итоге тень, холодные напитки и целебная мазь для моих разнотипных травм теперь находились метрах в восьмидесяти выше меня.

Заключительный подъем был тяжелее всего. Кровь стучала в висках, голова разламывалась, и я был вынужден поминутно отдыхать. Наконец одолел последний участок и свалился в жидкой тени древа экскурсантов. Через несколько минут сверху явился Дэйв, и я не без удовольствия отметил, что он такой же дохлый, как я. Когда ко мне вернулась способность говорить, я справился о его самочувствии, и он признался, что раза два терял сознание от жары. Бледное лицо и взъерошенные волосы Дэйва были достаточно красноречивы. Немного погодя он уже был готов подробно поведать мне о своих злоключениях. Самым тяжелым был для него момент, когда Джон Хартли, заметив простертого на земле Дэйва, кинулся помогать ему, однако тут же отвлекся при виде крупного сцинка Телфэра и нескольких гекконов, которые сидели рядышком друг с другом. Поймав ящериц, бездушный Джон, за неимением другой тары, преспокойно реквизирует тенниску и носовой платок Дэйва и торжествующе удалился, предоставив

ему выкарабкиваться своими силами. По мнению Дэйва, такому человеку нечего делать в конкурсе на звание «Доброго самаритянина».

— Так и бросил меня, — прохрипел он. — Хвост крючком, и пошел, а я лежу там такой-же никчемный, как соски на животе у кабана, только вдвое неказистее. Этот твой Джон — настоящий изверг. Нет, в самом деле, что бы ты сказал о человеке, который способен бросить умирающего товарища ради какого-то геккона?

Он все еще живописал свои переживания, украшая рассказ предсмертным хрипом, криками птиц и язвительным шипением бесчувственных рептилий, когда к дереву экскурсантов, с трудом переставляя ноги, подошли остальные члены отряда. Они были на грани полного изнеможения, один лишь Тони выглядел чуть ли не еще свежее и опрятнее, чем в начале нашей охоты. Все поспешили укрыться в тени, поближе к холодным напиткам, а Тони присел на корточки на самом солнцепеке и жестом фокусника извлек из пустоты чашку дымящегося чая и несколько клейких, но несомненно питательных бутербродов с кетчупом.

Собравшись с силами, мы приступили к последней задаче: отлову нескольких сцинков Телфэра, которые окружали нас в таком количестве, что каждый раз приходилось смотреть, куда садишься и куда ставишь чашку или кладешь еду. Стоило Дэйву неосмотрительно отложить бутерброд с арахисовым маслом на камень подле себя, чтобы взять чашку, как два крупных сцинка разом схватили добычу и покатались вниз по склону, словно

регбисты, сражающиеся за мяч. Другой сцинк вцепился в кожуру от банана, вскинул ее вверх, точно знамя, и помчался по камням, преследуемый нетерпеливыми сородичами. Он благополучно донес свой трофей до купы пальметто поодаль, однако полчаса спустя, когда мы покидали остров, жаркий спор за владение кожей все еще продолжался.

Поимка ящериц, ведущих себя, как домашние животные, не представляла труда. Знай сиди на месте и набрасывай петлю на голову экземпляра, исследующего термос, или бутерброд, или бутылку с кока-колой. В иные минуты их скапливалось такое множество, что немудрено было и спутать, поймать не того сцинка (скажем, самца вместо самки). В таком случае мы отпускали жертву на волю, и она, выразив свое негодование быстрым и болезненным укусом, продолжала как ни в чем не бывало изучать наше имущество.

Наконец дозволенная квота этих очаровательных созданий была добыта, и мы стали собираться в обратный путь. Все тело болело, мы устали и обгорели на солнце, однако ни о чем не сожалели. Нам не пришлось увидеть никого из представителей двух здешних видов змей (вполне естественно, если учесть, как мало их осталось), и мы не добыли ночных гекконов, но в наших мешочках копошились гекконы Гюнтера, маленькие гляцевые сцинки и сцинки Телфэра. Мы были довольны достигнутым.

И вот уже «Дорада» скользит по мягким складкам голубого моря, уходя от озаренного пламенным закатом острова Круглого. Издали он выглядел все таким же унылым и бесплодным, но теперь в нашем

сознании жили дарующие благословенную тень купы пальм и крутостенные овраги, туфовые валы с выточенными ветром норами для краснохвостых фаэтонов, пальмовые ветви в уборе из гекконов, жаркая лысая макушка острова, пестрящая юркими малыми сцинками. Мы знали, что под древом экскурсантов легион элегантных и энергичных сцинков Телфэра с нетерпением ждет следующую партию людей. Для нас остров был уже не голой глыбой вулканических пород, опаленной солнцем, омытой волнами и обтесанной ветром, а живым творением, не менее важным, интересным и деятельным, чем какое-нибудь человеческое поселение, обителью прелестных беззащитных созданий, с радостью приветствующих гостей в своем неуютном жарком пристанище.

Море было спокойным, небо совсем безоблачным, и вечерняя заря простерлась вдоль горизонта раскаленным слитком золота, зеленея по мере того, как уходило солнце. Большинство членов отряда спали. Вахаб, съев ананас, огурец и порцию холодного кэрри, тотчас почувствовал себя плохо и как-то посерел (дав этим повод для дискриминационных шуток), после чего свернулся клубком по-кошачьи и задремал.

Проделав на машине долгий и ухабистый обратный путь до Блэк-Ривер, мы сложили мешочки с драгоценным грузом на прохладном полу комнаты, которую выделил нам Дэйв, и с трудом дотащились до кроватей. На другое утро разобрали улов и с облегчением убедились, что наши пленники благополучно перенесли заточение. Бархатистые

гекконы, по-черчиллевски хмуро озираясь, равнодушно проследовали в свои клетки. Малые сцинки юркнули в новую обитель с живостью и проворством победителей ежегодного конкурса на звание лучшего коммивояжера. Не меньший интерес к новой квартире — щедро украшенному вольеру — проявили сцинки Телфэра. Как только мы вытащили их из мешочков, они принялись внимательно изучать все уголки и в пять минут совершенно освоились, словно родились в неволе. Обступив нас, они лезли к нам на колени и с подкупающим доверием брали из рук жирных черных тараканов и сочные куски банана.

Глава четвертая ПОЛНЫМ-ПОЛНО ПЛОДОВ

Вахаб остановил машину у маленькой лавчонки, владелец которой вместе со всей семьей, от бабушки до младших ребятишек, при желтом свете мерцающих масляных ламп усердно готовил пирожки с начинкой из чечевицы с пряностями. Мы закупили добрую порцию этой прелести, после чего доехали до озаренного лунным светом холма за городом, уселись на холодке под звездным небом и, уписывая пирожки, стали обсуждать предстоящую экспедицию за крыланами на соседний остров Родригес.

— Только непременно возьми с собой фрукты, — сказал Вахаб, старательно вытирая пальцы носовым платком.

— Фрукты? Это еще зачем? — спросил я с полным ртом.

Брать с собой фрукты на тропический остров представлялось мне таким же нелепым занятием, как возить уголь в Ньюкасл.

— Понимаешь, — объяснил Вахаб, — на Родригесе с фруктами вообще очень плохо, а сейчас к тому же конец сезона.

— Разумеется, — уныло отозвался я.

— А не сложно это? — спросил Джон. — Перевозить фрукты на маленьком самолетике?

— Нисколько, — ответил Вахаб. — Упакуете как багаж и оплатите лишний вес, только и всего.

— Мне думается, стоит запастись разными плодами — спелыми, недозревшими и совсем зелеными, — сказал я. — Как мы это делаем, когда перевозим животных на пароходе.

— Верно, — подтвердил Вахаб. — А я попытаюсь найти для вас джак.

— А что это такое — джак? — осведомилась Энн.

— Это такой крупный плод, крыланы его просто обожают, — ответил Вахаб. — Понимаете, у него сильный запах, и крыланы чуют его издалека.

— Он вкусный? — спросил я.

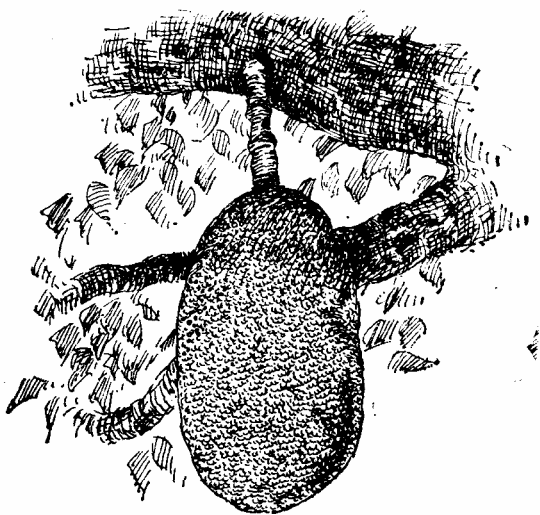
— Очень, — сказал Вахаб и осторожно добавил: — Смотря на чей вкус.

К тому времени, когда завершилось наше путешествие на Родригес, я проникся убеждением, что в конкурсе тропических деликатесов плод джак вряд ли может рассчитывать на призовое место, но в эту минуту мне рисовалось, как, привлеченные восхитительным ароматом, прямо в наши руки летят

полчища крыланов.

Следующие два дня мы проверяли ловчие сети и прочее снаряжение, читали наличную литературу о Родригесе и использовали каждую свободную минуту, чтобы поплавать с маской у рифа, любясь бесконечным разнообразием многоцветных картин обитающей на нем и около него морской фауны. До нас дошло, что Вахабу оказалось не так-то просто раздобыть плод джак, а на Родригесе впервые за восемь лет идет дождь. Мы тогда не придали большого значения этим слухам, а между тем речь шла о вещах, которым было суждено существенно повлиять на наши планы.

За два дня до нашего вылета на Родригес позвонил Вахаб и сообщил, что ему удалось выследить и реквизировать для нас последний и единственный на острове Маврикий плод джак. Каковой он и посылает нам с нарочным.

— Плод уже спелый, Джерри, — объяснил он, — так что лучше во что-нибудь завернуть его, чтобы запах сохранился, и держать подальше от тепла.

— Это каким же образом? — саркастически спросил я, вытирая потный лоб. — Я и сам не прочь бы оказаться подальше от тепла.

— Но ведь у тебя номер с кондиционером? Вот и держи его там.

— В моем номере уже хранятся двадцать четыре пучка бананов, два десятка авокадо, штук двадцать ананасов, два арбуза и четыре десятка манго — все это мы припасли для охоты на этих чертовых крыланов. Фруктовый базар в Порт-Луи меркнет перед моим номером. Впрочем, один плод джак такой уж роли не сыграет, верно?

— Верно, — ответил Вахаб. — Да, кстати, этот неожиданный дождь на Родригесе... Он может повлиять на ваши дела.

— Как повлиять? — встревожился я, ибо любая задержка сокращала срок, отведенный нами на поимку крыланов.

— Понимаешь, аэродром на Родригесе — земляной, — объяснил Вахаб. — Он совсем раскис от дождей. Вчерашний самолет вынужден был вернуться. Ладно, будем надеяться, что все обойдется.

— Дай-то бог, — уныло произнес я. — А то ведь, если долго прождем, придется вовсе отменить это путешествие.

— Ну, что ты, до этого не дойдет, я уверен, — весело произнес Вахаб. — Непременно дай знать, если еще что-нибудь понадобится. А плод джак жди

в первой половине дня. Пока.

Наши телефонные переговоры с Вахабом всегда начинались и оканчивались одинаково внезапно.

Плод джак, запеленатый в полиэтилен и дерюгу, прибыл около полудня в объятиях лесничего в щегольской форме. Судя по размеру свертка, плоды этого сорта были куда крупнее, чем я думал. Мне представлялось нечто величиной с кокосовый орех, но плод явно не уступал размерами большому кабачку. В пути сверток сильно нагрелся, поэтому я отнес его в спальню и почтительно развернул, открывая доступ прохладному воздуху. Моим глазам предстал безобразный с виду зеленый шишковатый плод, смахивающий на трупик марсианского младенца. Впечатление это усиливалось тяжелым, сладковатым и весьма едким духом, напоминающим о гниющих останках. Мне еще предстояло узнать, что этот тошнотворный густой аромат все пропитывает и всюду проникает, как бывает с керосином, попавшим в неопытные руки. В невероятно короткий срок весь номер приобрел запах огромного плода джак — или морга с испорченной морозильной установкой. Наша одежда пахла джаком, пахла обувь, пахли книги, фотоаппараты, бинокли, чемоданы и сети для ловли крыланов. Выбежав из гостиничного номера, чтобы глотнуть свежего воздуха, вы обнаруживали, что запах не отстает от вас. Вся округа смердела плодами джак.

В попытке спастись от вездесущего аромата, мы отправились на риф и погрузились в воду. Пустая затея — можно было подумать, что у каждого в маске по плоду джак. Все, что мы ели за ленчем,

было приправлено джаком, в обед — то же. В день отъезда за завтраком с привкусом джака я был счастлив, что мы вылетаем на Родригес, где можно будет оставить сатанинский плод в лесу и избавиться наконец от его миазмов.

Стоило нам прибыть в аэропорт, как через несколько минут зал ожидания наполнился запахом джака до такой степени, что остальные пассажиры начали покашливать и беспокойно озираться. Нашу разношерстную компанию вполне можно было принять за угонщиков: уж очень странно выглядел наш багаж — горы каких-то сетей и набитые самыми неожиданными фруктами корзины, посреди которых лежал и прел запеленатый в дерюгу и полиэтилен джак.

А когда пришла пора регистрироваться, выяснилось, сколь пагубен для нашего дела первый за восемь лет дождь на Родригесе, будь он трижды желанным для самого острова. Родригес явно страдал от нехватки не только влаги, но и денег, а потому нашему самолету было предписано доставить туда добрую толику сего дефицитного продукта. К сожалению, деньги не только полезны, но и тяжелы на вес. И так как дожди превратили аэродром в трясины, излишний вес никак не устраивал авиаторов, опасавшихся, что самолет выйдет из подчинения при посадке. Поскольку деньги, разумеется, важнее всего на свете, даже на краю света, пассажирам было предложено облегчить свой багаж. Мы лихорадочно принялись отбрасывать наиболее тяжелые предметы одежды и снаряжения, без которых могли обойтись. Получился довольно

интересный набор. Если прежде кто-то сомневался в нашей психической полноценности, то теперь сомнения быстро отпали: какой же нормальный человек откажется от рубашек, носков, обуви и других жизненно важных вещей ради бананов, манго и плода джак, чей запах давал себя знать за пятьдесят шагов?

Затем нам пришлось подождать, пока на взлетную полосу выкатил под надежной охраной джип, из которого принялись выгружать для взвешивания ящики с деньгами. Последовала массовая математическая вакханалия с неистовым размахиванием рук и бурными препирательствами; в конце концов до нашего сведения было доведено, что наш багаж, несмотря на жертвоприношения, по-прежнему превышает норму. К нескрываемому удовлетворению мужа, олицетворяющего Палату мер и весов, мы сели и умяли половину наших фруктов. Так и так подошло уже время ленча. В ту минуту, когда мы почувствовали, что на всю жизнь наелись бананов, диктор объявил, что из-за плохого состояния посадочной полосы на Родригесе вылет откладывается. Просьба явиться завтра в то же время.

Забрав свой плод джак, запах которого стал уже почти смертоносным, мы покатали обратно в гостиницу. Ее персонал только-только успел изгнать из наших спален въедливый аромат, так что нас приняли без особого восторга. На другой день, заменив гниющие фрукты свежими, мы снова явились на аэродром. Почему-то наш багаж решили взвесить повторно; деньги — тоже. У нас обнаружили излишний вес. Я позволил себе усомниться в

математических способностях маврикийцев, однако всякий, кто хоть однажды пытался спорить со служащими аэрофлота, знает, что это бесполезный труд. Выбросив практически все, кроме ловчих сетей и одежды, что была на нас, мы сели и опять налегали на драгоценные фрукты. Тот факт, что теперь излишний вес перекочевал в наши желудки, явно не смущал чиновников аэропорта. Меня так и подмывало заодно избавиться от плода джак, но я сознавал, что его миазмы могут приманить крыланов в наши тенета (если раньше того они не отравят либо нас, либо всех рукокрылых в округе). Только мы упрямились с очередной кучей бананов, как объявили, что вылет опять переносится.

— Если наше путешествие на Родригес и дальше будет продолжаться в том же духе, мне грозит серьезное расстройство желудка, — заключил я, когда мы возвратились в гостиницу, где нас встретили страдальческие лица.

Я и впрямь был обеспокоен: еще одна заминка, и придется вообще отменить всю затею с крыланами. Приближалась дата нашего вылета в Европу.

На другой день, заменив все перезрелые бананы и манго и в сотый раз пожалев о том, что у нас нет герметичного ящика для плода джак, мы опять направились в аэропорт. Снова нас и деньги тщательно взвесили, но на сей раз, к нашему удивлению, нам не пришлось пожирать половину багажа. И вот мы уже сидим в кабине крохотного самолетика в разношерстной компании пассажиров, которые не без тревоги и скорби восприняли появление в тесной клетушке плода джак.

Вооруженная охрана удалилась, самолет покатил по дорожке, взлетел над ярко-зеленым лоскутным одеялом из сахарного тростника, вознеся в гиацинтово-синее небо, оставил позади риф и пошел над густой искристой синью Индийского океана.

Родригес лежит почти в 600 километрах к востоку от Маврикия; длина острова — около восемнадцати, наибольшая ширина — около девяти километров. У него интересная история и еще более интересная фауна, включавшая удивительную эндемичную птицу пустынный, которая вымерла вскоре после дронга; причиной ее гибели было уничтожение среды и жестокая охота. А еще на Родригесе в огромном количестве водилась гигантская черепаха. В своей увлекательной книге об этом острове Альфред Норс-Кумбс останавливается на использовании черепах:

«Гигантские черепахи достигают зрелости к тридцати-сорока годам и живут до двухсот-трехсот лет. Только уединенное местоположение островов, отсутствие человека и естественных врагов позволили им развестись в поистине сказочных количествах. В самом деле, по словам Лега, на Родригесе они были настолько многочисленны, «что порой можно наблюдать стада, насчитывающие до трех-четырёх тысяч особей, и пройти по их спинам свыше ста шагов... не ступая на землю».

В итоге ко времени прибытия на Иль-де-Франс Бертрана Франсуа де Лабурдоннэ с Родригеса уже были вывезены тысячи черепах для Иль-де-Бурбона, Иль-де-Франса и кораблей Компании. Последние занимались беспардонным грабежом, часто брали

куда больше черепах, чем требовалось для удовлетворения нужд команды и пассажиров. Некоторые капитаны сбывали излишек на Иль-де-Бурбоне, где, очевидно, спрос был больше и плата лучше, отказывая Иль-де-Франсу в просьбах выделить черепах даже для больных. Лабурдоннэ восклицает: «Вы не поверите, сэр, иные капитаны везут с Родригеса по семьсот-восемьсот черепах и отказываются выгружать их здесь для больных с других кораблей, предпочитая продать на Иль-де-Бурбоне или обменять там на цыплят!»

За время своего губернаторства Лабурдоннэ не вел строгого учета вывозимых с Родригеса черепах. Наверно, в год вывозилось не менее десяти тысяч. Один из его преемников — Дефорж-Буше, который прежде был губернатором Иль-де-Бурбона и в 1725 году пытался основать колонию на Родригесе, — более точен. Во время его губернаторства четыре небольших корабля доставляли черепах на Иль-де-Франс: «Миньон», «Уазо», «Волан» и «Пенелопа». Всякий раз привозились тысячи черепах, как показывает приводимая выдержка из его отчетов Компании:

14 декабря 1759 года — «Уазо» прибывает с Родригеса с грузом из 1035 сухопутных и 47 морских черепах. Всего было погружено 5000, но на путь до Иль-де-Франса ушло восемь дней, и за это время большая часть груза погибла.

15 мая 1760 года — «Уазо» привозит 6000 черепах. 29 сентября 1760 года — «Уазо» привозит 1600 сухопутных и 171 морскую черепаху. 12 мая 1761 года — «Волан» прибывает с грузом из 4000

черепках.

— 6 декабря 1761 года — «Уазо» привозит живыми 3800 черепак из первоначального количества 5000.

Военные моряки тоже запасались черепаками, когда оказывались в районе Родригеса. Так, 26 июля 1761 года два корабля погрузили 3000 черепак».

Через два с половиной летных часа мы увидели впереди извилистый беспокойный шлейф ослепительно белой пены, обозначающий риф Родригеса. Огромный коралловый бастион вокруг острова служит в то же время мощным основанием, на котором покоится Родригес. Местами просвет между рифом и островом достигает тридцати километров, и защищенные им тихие изумрудно-зеленые воды испещрены мелкими островками; тут и просто песчаные косы, и более обширные клочки суши, некогда служившие приютом гигантских черепак и огромной, ныне тоже вымершей, ящерицы.

Самолет заложил вираж, снизился и сел на крохотном красноземном аэродроме. С воздуха остров выглядел коричневатым и бесплодным, если не считать растительности в долинах и разбросанных тут и там пятачков пыльной зелени. Выйдя из самолета, мы тотчас окунулись в атмосферу волшебного очарования, какое испытываешь только на далеких солнечных островках. По красному латериту мы проследовали в миниатюрное здание аэропорта с радушной надписью на фасаде: «Добро пожаловать на Родригес». А внутри я с удивлением узрел возле открытого окна конторку с дощечкой «Иммиграционный контроль».

— Иммиграция? — обратился я к Джону. — Как это понимать? Они принимают в неделю всего-то один самолет с Реюньона и три с Маврикия.

— Не спрашивай меня, — ответил он. — Может быть, это нас не касается.

— Прошу приготовить паспорта для иммиграционного контроля, — развеял наши сомнения добродушный полицейский чин в щегольском зеленом мундире.

Хорошо, что мы случайно захватили паспорта; Родригес входит в государство Маврикий, и нам в голову не приходило, что они могут здесь понадобиться. В эту минуту появился и сам представитель иммиграционных властей, тучный шоколадный островитянин в красивой форме защитного цвета. Блестя от пота, он нес в руках кипу торчащих в разные стороны папок. Озабоченное и хмурое лицо придавало ему сходство с ищейкой, перенесшей нервное потрясение. Он занял место за конторкой, сбил папками дощечку «Иммиграционный контроль» и поправил ее, нервозно улыбаясь нам. Мы выстроились перед ним, послушно приготовив паспорта. Чиновник приветствовал нас легким поклоном, прокашлялся и важно распахнул папку с въездными анкетами, содержащими всевозможные нелепые вопросы, от даты вашего рождения до состояния ногтей на ногах вашей бабушки. Строгий образ блюстителя закона был несколько смазан, когда порыв горячего ветра из окна подхватил бланки и разбросал их по местному эквиваленту зала ожидания. Опустившись на четвереньки, мы собрали разлетевшиеся бумажки, и

чиновник рассыпался в благодарностях.

Обливаясь потом, он во избежание новых инцидентов прижал анкеты грузными локтями и взял паспорт Энн. Старательно переписал место и дату рождения, возраст и профессию. Задача была несложная, и он вернул паспорт хозяйке с широкой белозубой торжествующей улыбкой человека, полностью контролирующего положение. Увы, торжество его было преждевременным: в приливе энтузиазма он наклонился вперед за моим паспортом, и новый порыв коварного ветра раскидал его бланки по всему помещению, словно конфетти. Несколько минут ушло на то, чтобы собрать их; при этом на анкете Энн отпечатался аккуратный след от башмака полицейского, который остановил ногой скользившую мимо него бумагу.

Мы водворили представителя иммиграционных властей на его престол за конторкой, и он с благодарностью принял предложение Энн, которая вызвалась придерживать бланки, стоя за его спиной, чтобы он мог всецело сосредоточиться на их заполнении. Освободившись от части бумажного бремени, он получил возможность вложить всю душу в дела иммиграционные. Взял мой паспорт, перелистал его шоколадными пальцами, словно шулер карточную колоду, и устремил на меня взгляд острый и пронизательный, как ему представлялось, а на самом деле, скорее, плутовской.

— Откуда вы прибыли? — последовал вопрос.

Поскольку Родригес уже две недели не просыхал, и за все это время наш самолет был первым, прилетевшим с Маврикия, и никаких других

самолетов на аэродроме не было, я слегка опешил. Задайте мне такой вопрос, скажем, в Лондонском аэропорту, где каждый час садится сотня самолетов, еще куда ни шло, но на Родригесе, где в лучшем случае прибывало четыре машины в неделю, он отдавал Алисиным Зазеркальем. Подавив желание сказать, что я только что добрался вплавь до берега, я ответил, что прибыл с Маврикия. Чиновник поразмыслил над словами «писатель/зоолог» в графе «Занятие» в моем паспорте, явно заподозрив, что за ними кроется что-то опасное, вроде ЦРУ или английской контрразведки, затем старательно («зоолог» дался ему не сразу) вписал их в бланк. Прощетпелевал паспорт и с чарующей улыбкой вернул его мне, после чего я уступил место Джону. Тем временем Энн воевала с бланками, поскольку ветер заметно прибавил в силе. На помощь ей пришел тот самый полицейский, который снабдил ее анкету отпечатком своего каблука. Он явно полагал, что полиции не след отставать от иммиграционных властей в преданности долгу.

А чиновник уже допытывался у Джона, откуда он прибыл, держа в руках его паспорт.

— Из Йоркшира, Англия, — простодушно сознался Джон прежде, чем я успел его остановить.

— Нет-нет, — возразил чиновник, озадаченный таким потоком информации. — Мне надо знать, откуда вы теперь?

— О, — сообразил Джон. — С Маврикия.

Чиновник тщательно записал ответ. Раскрыл паспорт и добросовестно скопировал данные о появлении Джона на свет. Потом перевел взгляд на

графу «Занятие» и увидел непонятное, ужасное слово «герпетолог». Глаза его зажмурились, и все лицо тревожно сморщилось. Казалось, перед нами человек, уже не первый год с криком пробуждающийся каждую ночь от страшного сна, в котором начальство требует от него не только объяснить, что значит «герпетолог», но и произнести это слово по слогам. И вот ночной кошмар стал явью. Он облизнул пересохшие губы, открыл глаза и нервно взглянул на жуткое сочетание букв, надеясь, что оно исчезло. Непонятное и непроизносимое слово в ответ безжалостно смотрело на него. Чиновник сделал доблестную попытку.

— Герпа... э... герпер... — произнес он и обратился молящий взгляд на полицейского.

Полицейский наклонился над плечом коллеги с довольным видом человека, которому решить кроссворд в «Таймсе» — раз плюнуть, но тут глаза его наткнулись на «герпетолога», и он слегка оторопел.

— Герп... герп... — уныло и бестолково забормотал он.

— Герпа... герпер... — повторял чиновник.

— Герп... герп... герп... — бубнил полицейский. Это было похоже на одну из наименее известных и наиболее невразумительных немецких опер.

— Герпетолог, — буркнул я.

— Ну конечно же, — глубокомысленно изрек чиновник.

— А что это такое? — Полицейский явно уступал ему в сообразительности.

— Так называют человека, который изучает змей,

— объяснил я.

Полицейский смотрел, не отрываясь, на мудреное слово.

— Вы прибыли сюда изучать змей? — спросил он наконец с видом человека, ублажающего психопата.

— У нас здесь нет змей, — властно произнес его коллега; было очевидно, что уж он-то сделает все, чтобы ни одна змея не могла проникнуть сквозь рогатки иммиграционного контроля.

— Да нет же, мы прибыли ловить летучих мышей, — неосторожно сказал я.

Они недоверчиво воззрились на меня.

— Летучих мышей? — переспросил полицейский.

— Летучие мыши — никак не змеи, — возвестил чиновник с пафосом Чарлза Дарвина, одаряющего мир плодами своих многолетних изысканий.

— Конечно, конечно, — согласился я. — Мы прибыли сюда ловить летучих мышей по приглашению Высокого комиссара, мистера Хэзелтайна.

Я в глаза не видел мистера Хэзелтайна, однако был уверен, что он простит мне этот невинный обман. Услышав фамилию Высокого комиссара, полицейский и чиновник дружно стали навтыяжку.

— Вы знакомы с мистером Хэзелтайном? — спросил чиновник.

— Он пригласил нас, — ответил я.

Представитель иммиграционных властей умел признавать свое поражение. Тщательно выведя слово «герпетолог», он протемпелевал паспорт Джона и с нескрываемым облегчением улыбнулся нам. Мы обменялись рукопожатиями с ним и с любезным полицейским и услышали пожелание успехов на

Родригесе. Я спрашивал себя: зачем понадобилось навязывать простым, прямодушным и счастливым островитянам бюрократию, столь неуместную и столь никчемную в этом уголке земли.

Мы разместились в гостиничном джипе, и он повез нас по змеистой дороге среди ландшафта, отмеченного эрозией и сушью. Кое-где на обочинах росла зелень; вокруг лачуг из рифленого железа сгрудились серые деревья и кусты. Водитель заверил нас, что остров стал совсем зеленым после дождей. Глядя на опаленный немилосердным солнцем пыльный, засушливый край, я пытался представить себе, как он выглядел раньше.

Наконец джип въехал на главную улицу Порт-Матурина, который служит столицей Родригеса. Улицу окаймляло беспорядочное скопище жилых и торговых строений из дерева и железа, но толпы занятых покупками ярко одетых горожан делали ее похожей на цветочную клумбу. Сразу за портом джип остановился у пригорка, на котором примостилась гостиница — низенькая постройка с широкой крышей, круто нависающей над просторной и тенистой круговой верандой с широким крыльцом и коваными железными перилами, выкрашенными в белый цвет. На веранде были расставлены столы и плетеные кресла. С пригорка открывался вид на весь Порт-Матурин и на риф километрах в пяти от берега. В целом это напоминало сильно увеличенные декорации для какого-нибудь фильма по рассказам Сомерсета Моэма. Сходство усугублялось поднимающейся по откосу крутой дорожкой в обрамлении гибискуса с большими, словно вырезанными из

бумаги, оранжевыми и ярко-красными цветками и стадом не слишком чистых, зато чрезвычайно общительных и приветливых свиней, устроивших сходку под гостиницей и вокруг нее.

Заняв отведенные нам номера и посетив Высокого комиссара, мистера Хэзелтайна, обитающего в импозантном старинном особняке среди обвешанных эпифитами могучих деревьев за стеной с воинственного вида пушкой у ворот, мы познакомились с директором лесничества, мистером Мари, и он предложил отвезти нас в лес, чтобы мы посмотрели на крыланов. По его словам, колония поселилась в долине Каскад-Пиджин, километрах в пяти от Порт-Матурина. В других частях острова, говорил он, можно встретить две-три особи, ведущие одиночный образ жизни, но основная популяция сосредоточена в этой долине. Мы втиснулись в его лендровер и вместе с молодым лесничим, страстным натуралистом Жаном Клодом Рабо, который в свое время помогал экспедиции Энтони Чика, двинулись в путь.

На гребне мы оставили джип и на скользком каменистом откосе нашли тропу, более всего похожую на русло. На полдороге вниз торчал утес; с него открывался вид на склон слева, покрытый невысокими, метров шесть-семь, деревьями, среди которых возвышались могучие, тенистые мангиферы с широкими глянцевыми листьями. Эти великаны и служили обителью крыланов.

Посмотришь в бинокль — в первую минуту кажется, что мангиферы увешаны странными мохнатыми плодами шоколадного и рыжеватого

цвета, но когда крыланы зевали и потягивались, становились видны перепончатые, как зонт, кожные крылья. Крыловые перепонки — темно-коричневые; голова и тело покрыты мехом от ярко-желтого, будто золотая канитель, до густо-рыжего цвета. Никогда еще я не видел таких красивых крыланов. Округлые головы с маленькими аккуратными ушками и короткими притупленными мордочками придавали им сходство с шпирцем. Основная масса колонии пристроилась на трех мангиферах, но отдельные особи разместились на меньших деревьях по соседству.

Итак, мы установили местонахождение колонии; теперь надо было поточнее определить ее численность. Это оказалось не так-то просто: многие крыланы укрылись в гуще листвы, сразу и не рассмотришь, к тому же время от времени то один, то другой крылан перелетал с дерева на дерево или не спеша описывал круг над склоном, после чего возвращался на старое место. Стоя на утесе, все члены нашей пятерки порознь произвели подсчет; итоги сложили и разделили на пять. Конечно, этот средний результат был весьма приблизительным, поскольку часть крыланов находилась в непрерывном движении, но нас ободрило уже то, что двое насчитали больше, чем Энтони Чик двумя годами раньше.

Жан Клод уверял, что колония заметно выросла за эти годы, и подчеркивал, что лучше считать крыланов либо утром, когда они только возвращаются с ночной кормежки, либо в полдень, когда солнце особенно припекает; в эти часы они

ведут себя всего спокойнее. Сейчас было одиннадцать, поэтому мы решили дождаться полудня и повторить подсчет, а до тех пор — присмотреть место для сетей на случай, если решим отловить несколько экземпляров. Джон обнаружил на склоне очень удобную прогалину; окружающие ее высокие деревья как нельзя лучше подходили для развешивания сетей и вместе с тем надежно защищали нас от солнца.

В тишине знойного полудня мы еще раз посчитали крыланов; они почти не двигались, лишь изредка расправляли темные крылья и обмахивались ими для прохлады. Получилось более ста особей. Эта цифра нас обрадовала, но во имя осторожности я попросил Джона и Жана Клода повторить подсчет с другого склона. Кроме того, для полной уверенности мы посчитали, сколько крыланов вылетело вечером на кормежку и сколько возвратилось с охоты на другое утро. Окончательная цифра колебалась между ста двадцатью и ста тридцатью особями. Внушительной ее не назовешь, но все же она ободрила нас, так как выходило, что после экспедиции Чика прибавилось около тридцати пяти особей.

Воодушевленные этим фактом, мы заключили, что максимум, какой можно отловить, не боясь подорвать жизнеспособность колонии, и минимум, потребный нам для образования плодовых групп — восемнадцать экземпляров. Я исходил из того, что летучие мыши, как и большинство колониальных животных, нуждаются в общении с себе подобными, чтобы успешно освоиться и размножиться на новом месте, а потому брать одну, даже две пары

бесмысленно. Должна быть пусть маленькая, но все-таки колония. Но одно дело постановить, сколько и какого пола особей отлавливать, даже если известно место; совсем другое — успешно выполнить задуманное.

Выбранная нами прогалина находилась, примерно в полукилometре от колонии, на пути, которым, как мы заметили, следовали крыланы, вылетая вечером на кормежку. Строго говоря, они летели чуть ниже прогалины, но я уповал на то, что плод джак (он сразу придал нашей гостинице совершенно неповторимый колорит) сыграет свою роль и привлечет летучих мышей на наш уровень.

Способ лова был предельно прост. С помощью Жана Клода и его товарища (который нанес чувствительный удар по моему самолюбию бесстрашного путешественника тем, что носил тенниску с красочной надписью «Я за президента Кеннеди») мы развесили на деревьях восемь марлевых сетей так, что получилось нечто вроде прямоугольного загона размером пятнадцать на двадцать метров, с высотой стенок около двенадцати метров. Затем из проволоочной сетки смастерили похуже на миниатюрный гробик вместилище для приманки и подвесили в середине загона, старательно замаскировав ветками. Закончив все необходимые приготовления, мы помчались обратно в гостиницу, перекусили и снова направились в долину, вооруженные фонарями и фруктами.

Наступили зеленоватые сумерки, предшествующие серому полумраку, и крыланы уже начали просыпаться, готовясь вылететь на ночную

кормежку. Они вели себя довольно шумно и поминутно снимались с мангифер, описывали беспокойные круги в воздухе, потом возвращались на место. С их точки зрения явно было еще недостаточно темно. Мы набил наш проволочный ящик перезрелыми плодами манго, бананами и ананасами, а я вооружился секачом и подошел к плоду джак. Прежде чем он успел оказать сопротивление, я рассек его пополам, о чем тут же и пожалел. Мое убеждение, что дивный фрукт просто не может пахнуть сильнее, не оправдалось. Казалось, весь остров Родригес в несколько секунд пропитался острым ароматом джака. Надеюсь, что крыланам в отличие от нас сей запах будет по душе, мы засунули плод в ящик и подтянули вверх вместе с маскирующими ветвями, так что он повис среди сетей на высоте шести-семи метров. После чего подыскали себе удобное укрытие в кустарнике и принялись ждать. К сожалению, нам пришлось для облегчения багажа оставить большую часть одежды на Маврикии, и мы были одеты лишь в шорты и майки с короткими рукавами — далеко не надежная защита от трех четвертей всей комариной популяции Родригеса, которым вздумалось разделить с нами бдение.

Под звон возбужденных, пронзительных, радостных комариных голосов мы проводили зеленый сумрак, небо посерело, и уже незадолго перед тем, как все потонуло в кромешном мраке, крыланы наконец тронулись в путь. Когда по одному, когда по три-четыре вместе, они летели над долиной в сторону Порт-Матурина. Пронсясь мимо

нашей прогалины, они казались неожиданно большими на фоне неба, и тяжелый, медленный их полет вызывал в памяти сцены из фильмов про Дракулу. С похвальной целеустремленностью крыланы держались избранного направления, не отклоняясь ни вправо, ни влево. И совершенно пренебрегая нами, нашими сетями и благоухающей приманкой. Окруженные комариной мглой, мы чесались и хмуро созерцали сторонящийся нас поток рукокрылых. Вскоре поток сузился до струйки, потом пошли отдельные лежебоки, догоняющие главную стаю. Но вот и они исчезли. И ни один крылан не проявил даже малейшего интереса к нашей прогалине, разящей джаком.

— А что, все правильно, — произнес Джон, высовывая из куста свои длинные ноги, словно раненый жираф. — Честное слово, хорошо, что мы сюда приехали. Страшно подумать, что все эти комары остались бы голодными без нас.

— Верно, — согласился я, — чем не мероприятие по охране природы. Представь себе, сколько комаров мы спасли сегодня вечером от голодной смерти. Глядишь, придет время, и Всемирный фонд дикой природы воздвигнет на этом месте золотой памятник, чтобы посмертно отметить наш вклад.

— Хорошо вам остричь, — мрачно сказала Энн. — Вам, я смотрю, хоть бы что, а я чешусь как проклятая и буду потом ходить с опухшей и красной физиономией.

— Плюнь, — попытался я ее утешить. — Лучше закрой глаза и попробуй представить себе, как мы будем управляться со всеми крыланами, которых

здесь отловим.

Энн только фыркнула в ответ.

Прошло часа два, крыланы больше не показывались, и, когда комары вернулись за главным блюдом, мы устроили военный совет. Я был за то, чтобы по меньшей мере один человек остался до утра на случай, если один или несколько крыланов, возвращаясь, попадут в сети. Убрать сейчас сложную ловушку не представлялось возможным, а мне не хотелось, чтобы какой-нибудь пленник провисел в ней всю ночь. Посоветовавшись, мы решили остаться все; устроимся в кустарнике поудобнее и будем дежурить по одному, пока остальные спят.

Под утро пошел дождь. Без всякого предупреждения — ни грома, ни молний, ни каких-либо еще бурных прелюдий. Внезапно раздался гул, как от лавины стальных подшипников, и тучи обрушили на нас яростный поток воды, словно вдруг распахнулись затворы большой плотины. В несколько секунд мы промокли насквозь, и нас окружила стремнина, которая обещала сравниться в мощи с Ниагарой. По контрасту с душным и жарким ночным воздухом казалось, что нас поливают струи с горного ледника, и мы стучали зубами от холода. Поспешили из кустов перебраться под дерево — все-таки укрытие получше. Огромные дождевые капли долбили листву пулеметными очередями; по стволам бежали ручьи.

Мы удерживали позицию целый час, потом разведка установила, что небо над всем островом черным-черно и тучи явно простерлись от Каскад-Пиджин через Индийский океан до самого Дели.

Было очевидно, что ни один уважающий себя крылан не станет летать под таким проливным дождем, а потому мы собрали мокрое снаряжение и направились обратно в гостиницу, чтобы скрыться от дождя и комаров и поспать два-три часа. Мы твердо намеревались вернуться к сетям на рассвете, когда летучие мыши, возвращаясь с кормежки, вполне могли угодить в наши тенета.

Причудливый зеленоватый рассвет застал нас, вялых, полусонных, подле ловчих сетей. Лес источал жаркое благоухание — точь-в-точь как свежее испеченный фруктовый торт. Но как ни сильно пахли омытые дождем и согретые воздухом земля, и мхи, и листья, все эти скромные источники обонятельных восприятий забивались трубным гласом подвешенного в шести-семи метрах над нами плода джек. Вскоре небо прояснилось и показались неспешно возвращающиеся к дневным обителям крыланы. Уже немалое количество их проследовало мимо, когда несколько особей отклонились, так сказать, от заданной траектории полета и осторожно покружили над нашей прогалиной, прежде чем направиться к своей мангифере. Ободренные этим проявлением интереса, мы остаток дня развешивали на деревьях дополнительные сети при деятельном участии внезапных ливней.

Наши помощники из лесничества, потрясенные тем, что мы провели ночь под одним из самых сильных дождей, какие обрушивались на Родригес за последние восемь лет, нарезали шестов и банановых листьев и соорудили в гуще кустарника небольшую лачугу, которую конголезский пигмей, возможно,

счел бы роскошной усадьбой. Однако дареному жилью в зубы не смотрят, и мы решили, что как укрытие от непогоды лачуга сгодится — если Джон оставит свои голени снаружи.

А еще мы предусмотрительно посетили неизбежные на Востоке китайские лавки в Порт-Матурине (других нам не попало) и приобрели полиэтилен и дешевые одеяла. С приходом темноты, когда крыланы проследовали мимо на кормежку, мы после бурных прений постановили, что Энн вернется в гостиницу, как следует выспится и присоединится к нам на рассвете. Проводив ее, мы с Джоном сделали из полиэтилена и одеял нечто вроде постелей и разместили в нашем листовенном коттедже свое имущество: солидный запас бутербродов и шоколада, термос с чаем, фонари, а также симпатичные плетеные корзиночки (один из главных предметов ролдригесского экспорта, местное название — «тант»), в которые надеялись поместить крыланов, буде они попадутся в наши сети. Бросили жребий, кому дежурить первым, я выиграл, свернулся калачиком и быстро уснул.

Когда пришел мой черед нести вахту, я для разминки совершил обход прогалины. Хотя уже несколько часов не было дождя, земля и растительность ничуть не просохли, и теплый воздух был до такой степени насыщен влагой, что при каждом вдохе казалось, будто легкие впитывают воду как губка. Лежавшие кругом гнилушки были облеплены множеством маленьких фосфоресцирующих грибов, излучающих сильный зеленовато-голубой свет, так что лесная подстилка местами

напоминала вид ночного города сверху. Подобрал несколько гнилушек, я убедился, что при свете десяти-двенадцати грибов можно даже читать, если поднести их близко к странице.

В разгар этого эксперимента я услышал странный хрустящий звук, который как будто доносился из чащи за нашей лачугой. Звук был довольно громкий и почему-то напомнил мне треск спичечного коробка, сокрушаемого пальцами силача. Поразмыслив, я был вынужден признать, что при всей эксцентричности жителей Родригеса вряд ли они будут в три часа ночи бродить по мокрому лесу, ломая спичечные коробки. Я взял фонарь, вылез из хлипкой лачуги и пошел на разведку. Правда, особой отваги для этого не требовалось, поскольку в животном мире Родригеса нет опасных особей, если не считать двуногих прямоходящих. Тщательно обследовав заросли позади лачуги, я не обнаружил ни одной твари, чей голос мог бы напоминать хруст спичечного коробка. Изо всех увиденных мной живых существ самым агрессивным был крупный мотылек, который настойчиво атаковал мой фонарь. Я вернулся в лачугу и предался размышлениям. Удастся ли нам утром поймать крыланов? Наше время на исходе — может быть, есть смысл перенести сети поближе к их обители? Внезапно опять послышался хруст, причем на этот раз совсем близко и не с одной, а с нескольких сторон. Тут и Джон проснулся, сел и воззрился на меня.

— Что это такое? — сонно осведомился он.

— Ума не приложу, а началось это уже минут десять назад. Я выходил и смотрел, но ничего не

высмотрел.

Тем временем хруст перешел чуть ли не в канонаду, и вся наша лачуга начала вибрировать.

— Что за чертовщина? — недоумевал Джон. Я посветил на листовенную крышу — она дрожала и качалась как от землетрясения. И пока мы соображали, что делать, крыша провалилась и на нас обрушился каскад огромных улиток величиной с яблоко. Жирные, мокрые, глянцевитые улитки поблескивали в лучах фонарей, щедро выделяя пену и расписывая наши постели интересными слизистыми узорами. Десять минут понадобилось нам, чтобы избавиться от незваных брюхоногих гостей и починить крышу. После чего Джон, завернувшись в одеяло, снова погрузился в сон, а я продолжил свои размышления. Может быть, крыланы относятся к плоду джак вроде меня и потому никак не ловятся?

Через час Джон проснулся и объявил, что хочет есть.

— Съем-ка я бутербродик-другой, — сказал он. — Кинь сюда, если не трудно.

Я включил фонарь, посветил в угол, где помещалась наша провиантская база, и опешил: гигантские улитки, которых мы так старательно выдворяли из лачуги, прокрались обратно и, облепив янтарной грудой бутерброды, с явным наслаждением поедали хлеб. В роли подстрекательницы и соучастницы выступала небольшая крыса с блестящим серым мехом, белыми лапками и пышными черными усами. Улитки ничуть не испугались света и продолжали уписывать наш ужин,

но у крысы нервы оказались послабее. Когда луч упал на нее, она замерла на секунду — только усы трепетали да глаза беспокойно вращались, — потом с пронзительным писком повернула кругом и метнулась ко мне под одеяло, явно посчитав мою постель безопасным пристанищем. Пришлось разобрать все ложе, чтобы изгнать ее оттуда. Выставив крысу из лачуги в лес, я отнял у улиток остатки бутербродов и, пока Джон выбирал наименее пострадавшие и сколько-нибудь пригодные в пищу, снова отправил улиток на дальний конец прогалины. Через час с небольшим Джон опять проснулся и заявил, что все еще хочет есть.

— Не может этого быть, — возразил я. — Ты ел всего час назад.

— Ел, что осталось после улиток, — обиженно сказал Джон. — Но ведь у нас еще должно быть печенье. Печенье и чашка чая — это то, что надо!

Я вздохнул, включил фонарь и с удивлением обнаружил на нашем камбузе прежнюю сцену. Улитки приползли назад и уплетали печенье, и моя серая подружка была тут же. Снова луч света заставил крысу с истерическим воплем кинуться к моей постели, причем на сей раз она явно заключила, что, чем ближе ко мне, тем безопаснее, и попыталась протиснуться в мою штанину. Я решительно изгнал ее в лес, вышвырнул следом улиток и перенес остатки наших припасов к Джонову ложу. Пусть теперь он поближе познакомится с крысой... Попятно, после всех этих приключений нам уже было не до сна, и мы сени дожидаться утра, перебрасываясь отрывочными репликами. Перед

самым рассветом мы услышали, как Энн пробирается к нам через лес.

— Поймали что-нибудь? — спросила она, подойдя к лачуге.

— Ничего, — ответил я, — если не считать улиток и крысу. Может быть, еще что-нибудь добудем, когда рассветет.

Постепенно небо приобрело лимонный оттенок, свет прибывал с каждой минутой, мы покинули нашу изъеденную улитками обитель и спустились к деревьям по соседству с сетями.

— Не могу понять, почему они не прилетают, — сказал я. — Запах этого окаянного джака наверно в Чикаго слышно!

— А я знаю, в чем дело, — отозвался Джон. — Я думаю... Однако нам так и не привелось услышать, что думал Джон, потому что он наклонился вперед, напряженно всматриваясь.

— Что это? — показал он рукой. — Там что-то попало в сеть. Уж не крылан ли?

Мы дружно уставились на прогалину, где тонкие как паутина сети совершенно терялись на фоне деревьев и теней.

— Точно! — взволнованно подхватила Энн. — Я тоже вижу. Конечно, крылан.

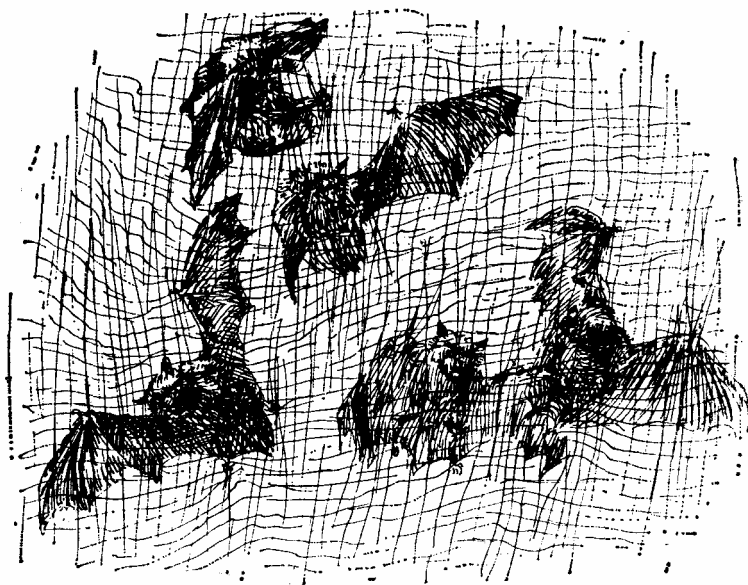
— Похоже, вы правы, — сказал я. — Но каким образом, черт возьми, ухитрился он попасть в ловушку так, что мы ничего не заметили?

В эту минуту над прогалиной возник крылан, произвел быструю и осторожную разведку и удалился, позволив нам установить, во-первых, что полет этих рукокрылых абсолютно бесшумен, и, во-вторых, что сверху, где стояла наша лачуга, мы бы его никак не увидели: стоило крылану опуститься над прогалиной, как его тотчас поглотили неровные тени.

К этому времени стало совсем светло, и мы с волнением обнаружили, что в сетях застрял не один, а целый десяток крыланов. Наш восторг не поддается описанию, ведь, по чести говоря, мы почти не надеялись на успех.

Крыланы висели неподвижно, не бились и не вырывались, и мы решили не снимать их с сети; подождем немного — может быть, поймается еще несколько штук. В последующие полчаса на прогалину залетал не один крылан, но они были слишком осторожны и держались слишком высоко, чтобы запутаться в тенетах. В конце концов, понимая, что больше улова не предвидится, мы приготовили корзинки и стали выбирать добычу из ячеи.

Первым делом, мы определили пол крыланов. И с досадой установили, что попались одни самцы. Вблизи они были еще красивее: спина — яркого каштаново-рыжевого оттенка, плечи и живот переливаются золотой рябью, мягкие, словно замша, тонкие крылья — угольно-черные. Пухлые золотистые мордочки с соломенно-желтыми глазами делали их похожими на сердитых игрушечных мишек с крыльями. Мелкая ячея сделала свое — крылья основательно запутались, и, истратив попусту четверть часа на попытку освободить одно крыло, мы сдались и стали просто разрезать сеть. Естественно, мы соблюдали предельную осторожность, чтобы не повредить нежные крыловые перепонки, да и сети старались не кромсать без нужды.

Это была нелегкая работа, тем более что негодующие крыланы при малейшей возможности вонзали в замешкавшийся палец острые, как иголка, зубы. Все же мы высвободили их без чрезмерного ущерба для сетей и разместили в корзиночках по одному. После чего нас еще ожидал кропотливый труд по починке и развешиванию сетей.

Тут подошли и оба наших помощника из лесничества, чтобы принять дневное дежурство. Они от души посмеялись, слушая наш рассказ о том, как обошлись с лачугой брюхоногие любители бутербродов, после чего приступили к ее ремонту, а мы, пообещав вернуться вечером, с торжеством повезли свою добычу в Порт-Матурин.

Городская школа великодушно предоставила в наше распоряжение новехонькое классное

помещение площадью три на шесть метров, еще не освоенное жадными до знаний юными островитянами. Мы заключили, что свежепокрашенный и нарядно убранный класс как нельзя лучше подходит для содержания крыланов, набросали на пол ветки и развесили проволочные подносы для привезенного с Маврикия множества фруктов. Решили предоставить самцам свободно летать по классу, а самок, когда поймаем, держать в корзинках. Не желая прослыть женоненавистником, спешу уточнить, что кажущаяся дискриминация всецело объяснялась тем, что самки были для нас несравненно ценнее самцов и мы приготовились беречь их как зеницу ока.

В конце дня мы возвратились на прогалину к нашим двум верным помощникам, сторожившим крыланов, и в свете угасающей зари взобрались на утес, с которого было видно колонию. В целом крыланы вели себя спокойно, хотя сон их временами прерывался и они весьма проворно меняли положение, ловко цепляясь за ветки когтистыми пальцами. Иногда то один, то другой из них снимался с дерева и вяло летал по кругу, чтобы затем вернуться на старое место или повиснуть на другой ветке. Царила почти полная тишина; лишь изредка завязывалась перебранка, когда какой-нибудь крылан случайно начинал теснить спящего сородича.

Впрочем, был в колонии один отнюдь не тихий экземпляр — толстый детеныш, которого мы нарекли Эмброузом. Мамаша не желала больше выкармливать его, а Эмброуза это никак не устраивало. Хотя детеныш размерами почти сравнялся с родительницей, он считал себя вправе по-прежнему висеть на

ней и сосать материнское молоко, когда вздумается. И так как мамаша твердо стояла на своем, Эмброуз изливал свое негодование в отвратительных капризных звуках. Визжа и пища, он гонял злосчастную родительницу с ветки на ветку, норovia зацепиться за нее передними конечностями, и после каждой неудачной попытки давал выход своей досаде в злобных криках. Безобразный концерт прерывался лишь в те минуты, когда мамаша, не выдержав нервного напряжения, снималась с ветки и перелетала на другое дерево. Тут Эмброуз поневоле смолкал на короткое время, потому что все силы его уходили на то, чтобы собраться с духом и лететь следом за ней. В конце концов он настигал родительницу и, передохнув, снова принимался визжать и вязаться к ней.

— До чего же, мерзкий отпрыск, — сказала Энн.
— Будь у меня такой, я бы убила его.

— Его место в интернате, — рассудительно заметил Джои.

— Тогда уже скорее в исправительной колонии,
— возразила Энн.

— По мне, так лишь бы он ненароком не попал в наши сети, — вступил я. — Вот уж кого я сразу отпущу на волю, пусть даже это будет самочка.

— Точно, — сказал Джон. — Не дай бог целыми днями слушать этот визг.

Когда стемнело, мы спустились в нашу листовную обитель и провели ночь в обществе настойчивых гигантских улиток, нескольких миллионов комаров и парочки воинственно настроенных здоровенных многоножек. Крыса не

показывалась, из чего я заключил, что она отсиживается в норе, оправляясь, от нервного потрясения.

Утром обнаружилось, что пойманы еще две летучие мыши, и обе, к нашей радости, самки. Мы извлекли их из сетей и с превеликими предосторожностями отвезли в классное помещение. Первые наши узники прекрасно освоились: по всему классу были разбросаны фрукты, пол покрыт толстым слоем помета.

На следующий день нам предстояло в два часа вылетать на Маврикий, из чего следовало, что мы должны успеть с утра пораньше отловить недостающее до полной квоты количество крыланов. Успех всего предприятия, что называется, висел на волоске, и мы облегченно вздохнули, когда зеленоватый рассвет озарил попавшихся в сети тринадцать крыланов, в числе которых были и столь нужные нам самки. Всего мы отловили двадцать пять крыланов, так что можно было отпускать на волю семь самцов. Собрав заключительный улов и разместив пленников по отдельным корзинкам, мы свернули сети и в последний раз поднялись по каменистой тропе. Покидая Каскад-Пиджин, мы слышали, как Эмброуз продолжает канючить, приставая к своей родительнице. Поистине, этот крылан твердо намеревался сделать все от него зависящее, чтобы не вымереть!

Доставив в классное помещение последнюю партию, мы приступили к проверке самцов, чтобы отобрать для своей колонии взрослых и молодых в надлежащем соотношении. Затем посадили в корзинки лишних, отвезли их к устью Каскад-

Пиджин и, выбрав место повыше, стали одного за другим подбрасывать в воздух. Каждый из них сразу взял курс на расположенную в долине колонию. Дул довольно сильный встречный ветер, и мы с интересом отметили, что крыланам было нелегко с ним справиться: они то и дело опускались по пути на дерево, чтобы передохнуть. Мы спрашивали себя, каково-то им приходится, когда зарядит буря на три-четыре дня, а то и на неделю.

После этого, разместив по корзинкам отобранные экземпляры, мы направились в аэропорт и погрузили необычный багаж в кабину. Представитель иммиграционных властей и полицейский приветливо помахали нам на прощание; самолет разогнался на пыльной дорожке и взлетел над рифом. Я с грустью покидал Родригес — он произвел на меня впечатление очаровательного и неиспорченного уголка природы. Хоть бы он подольше таким оставался... А то ведь стоит туристам открыть этот остров, как его постигнет тот же удел, что уже постиг множество прекрасных уголков земли.

Приземлившись на Маврикии, мы отвезли крыланов в оборудованные Дэйвом вольеры в Блэк-Ривер. Они отлично перенесли путешествие и быстро освоились на новом месте. Вися под проволочной крышей, обменивались негромким чириканьем, и заготовленный для них разнообразный корм пользовался большим успехом. Воодушевленные удачей, мы вернулись в гостиницу, приняли ванну и отправились обедать. Когда дошло до сладкого, Гораций осведомился, что мне подать.

— А что у вас есть? — спросил я, не желая

попасть впросак, как это было с омарами.

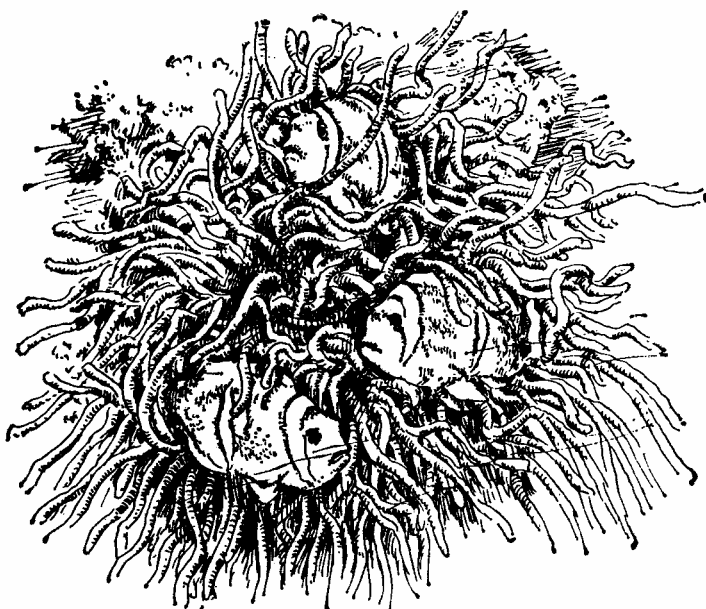
— Есть чудесные фрукты, сэр, — ответил он.

Я посмотрел на него. Да нет, на розыгрыш непохоже.

— Какие именно? — спросил я.

— Мы получили отличные, спелые плоды джак, сэр, — горячо произнес он.

Я попросил принести сыру.

Глава пятая ВОЛШЕБНЫЙ МИР

За стеклянной дверью гостиной номера-люкс тянулась широкая прохладная веранда. Каких-нибудь двадцать шагов по жесткой траве среди томно вздыхающих на ветру высоких казуарин отделяли веранду от просторного белоснежного пляжа, отороченного колеблющимся рваным ожерельем из кораллов и цветных раковин. Вдалеке белел рокочущий прибором риф, а за ним расстилась чистейшая синева Индийского океана. Промежуток между пляжем с его хрустящим кладбищем коралловой крошки и широким рифом в непрестанно меняющемся пенном уборе занимала лагуна — почти

километровая полоса светло-голубой воды, гладкой, словно молоко в тарелке, чистой, как алмаз, и таящей ни с чем не сравнимый волшебный мир.

Всякий натуралист, обладающий счастливой возможностью путешествовать по свету, испытывал безграничный восторг от красоты и сложности живой природы, но и уныние оттого, что жизнь одного человека — несправедливо короткий срок, когда подумаешь, как много надо увидеть, наблюдать, осмыслить в цветнике загадок, коим является наш земной шар. Вы проникаетесь этим чувством, впервые видя красоту, разнообразие и богатство тропического дождевого леса с его готическим скопищем тысяч различных деревьев в оплетке из лиан, в убранстве из орхидей и эпифитов — смыкание такого обилия видов, что недоумеваешь, как могло развиться столь великое множество разных форм. Вы проникаетесь этим чувством, впервые видя огромное сообщество копытных или беспокойные полчища птиц. Вы проникаетесь этим чувством, видя, как бабочка выходит из куколки, а стрекоза из личинки, наблюдая полные разнообразия изящные брачные игры, ритуалы и запреты, связанные с продолжением рода. Вы проникаетесь этим чувством, когда впервые видите, как палочка или лист оборачивается насекомым, а пятнистая тень оказывается стадом зебр. Вы проникаетесь этим чувством при виде гигантского, необозримого стада дельфинов, восторженно ныряющих и кувыркающихся в своем голубом мире, — и наблюдая крохотного паучка, исторгающего из собственного хрупкого тельца нескончаемую прозрачную нить,

вдоль которой он совершает воздушные вылазки, исследуя окружающее его безбрежное пространство.

Но есть еще одно, пожалуй, самое-самое важное впечатление, удивительное и смиряющее, которое всякий натуралист должен испытать, пока он жив, — я говорю о знакомстве с тропическим рифом. Думается, это тот самый случай, когда работают едва ли не все ваши органы чувств; более того, вы приближаетесь к таким восприятиям, о которых прежде и не подозревали. Вы превращаетесь в рыбу, насколько это вообще возможно для человека, слышите, видите, осязаете, как она, и в то же время вы подобны птице, парящей, скользкой, петляющей над морскими выпасами и лесами.

В первый раз я познал это сказочное ощущение на Большом Барьерном рифе в Австралии, но там, к сожалению, у нас были только маски и дыхательные трубки, а моя маска пропускала воду. Досада — не то слово: подо мной простирался пленительный многоцветный мир, я же мог наблюдать его лишь урывками, пока хватало воздуха в легких и пока маска, наполняясь водой, не грозила утопить меня. Увиденные мельком дразнящие картины подводного мира навсегда врезались в память, и я твердо, настроился при первой возможности познакомиться с ним основательно. Такая возможность представилась на Маврикии, где лагуна и обрамляющий ее риф находились буквально у порога моего номера в гостинице «Хмурый Брабант». Ближе некуда, разве что вынести кровать на пляж.

В первое же утро, приготовив чай и захватив маленький сладкий маврикийский ананас, я устроил

чаепитие на веранде. К соседнему участку пляжа приставали лодки с рыбаками. Кожа бронзовая, кожа смоляно-черная, красивые лица, живые глаза, длинные волосы... И яркие одеяния, перед которыми блекло пламя гибискуса и бугенвиллеи в гостиничном саду. Каждая лодка была до краев нагружена белоснежными кораллами, разноцветными конусами и пятнистыми каури. Переливаясь радугой, на воткнутых в борта палках висели ожерелья из мелких ракушек.

Солнце, только что выглянув из-за гор, окрасило небо и даль в нежный зеленовато-голубой цвет, позолотило флотилию степенно плывущих над океаном пухлых облаков, обсыпало белыми блестками пенистый риф, превратило тихую гладь лагуны в прозрачный сапфир.

Не успел я сесть за столик, как его осадили птицы, которым не терпелось разделить со мной утреннюю трапезу. Тут были майны в изящном черном и шоколадном оперении, с бананово-желтыми глазами и клювом; вьюрки — самочка в нежно-зеленом и бледно-желтом, самец в кричащем сернисто-желтом и черном убранстве; черно-белые красавцы краснощекие бульбули с роскошным хвостом.

Пернатые гости отведали молока из кувшинчика, решили, что чай чересчур горячий, и алчно уставились на мой ананас. Я соскоблил остатки сочной мякоти и положил бугристую, как у броненосца, кожуру на стол; в тот же миг она исчезла под сплошным покровом из порхающих и препирающихся пичуг.

Окончив чаепитие, я взял маску и трубку и не

спеша направился к пляжу. Стоило мне ступить на песок, как крабы-привидения (такие прозрачные, что, застыв на месте, они превращались в невидимок) заметались по песочной ряби и юркнули в свои норки. Море ласково облизывало белый берег, словно котенок, лакающий молоко. Я вошел по лодыжки в воду — она была теплая, как в ванне.

Дно вокруг моих ступней украшали причудливые узоры — казалось кто-то бродил по мелководью, рисуя на песке расплывчатые контуры морских звезд. Сотни таких узоров, располагаясь бок о бок, образовали некое удивительное песочное созвездие. Ширина самого большого между кончиками лучей сантиметров тридцать; самый маленький — диаметром с блюдце.

Песчаные привидения заинтриговали меня, я

поддел одно из них пальцем ноги и выковырял из грунта. Оно подскочило вверх, сбрасывая тонкий слой песка, и моему взгляду предстала роскошная, мясистая морская звезда с россыпью тускловатых белых и красных крапин на бледно-розовом фоне. С виду — мягкая и бархатистая, вроде звезд, которыми мы увенчиваем рождественские елки, а на ощупь твердая и шершавая, точно наждак. Бесцеремонно исторгнутая мною из песчаного укрытия звезда медленно опрокинулась в прозрачной воде и легла на дно спиной вниз. Брюшная сторона была окрашена в желтовато-белый цвет; посреди каждого луча тянулась глубокая борозда, напоминающая расстегнутый замок-молнию. В бороздах располагались бесчисленные крохотные ножки-щупальца длиной не более четырех миллиметров, оканчивающиеся плоским присоском. Каждая ножка двигалась самостоятельно, и в бороздах происходило непрерывное шевеление, щупальца то вытягивались, то сокращались, ища, за что ухватиться присосками. Не обнаружив ничего подходящего, морская звезда, вероятно, заключила, что лежит неправильно, подвернула кончик одного луча и нащупала опору. Луч продолжал сгибаться, мягко скользя по песку, за ним последовали два соседних, и звезда начала плавно подниматься, отталкиваясь этой треногой. В то же время противоположные лучи изогнулись вверх и вытянулись для баланса, словно пальцы; и вот уже звезда стоит на твердеющих лучах, подобно колесу. Затем верхние лучи растопырились, и звезда стала опускаться на них медленно и грациозно, будто йог, выполняющий сложную и красивую асану.

Наконец звезда легла правильно, оставалось только выпростать подогнутые лучи. Весь маневр был выполнен в темпе замедленного фильма с изяществом, которое вызвало бы слезы зависти у любой балерины.

Однако дальше морская звезда исполнила номер, недоступный даже самой блистательной звезде балета. Опустившись на песок она... пропала. На моих глазах исчезла, подобно Чеширскому коту, оставив не улыбку, а, так сказать, намек на морскую звезду, расплывчатый рельеф на песке. Все объяснялось очень просто: хотя звезда казалась совершенно неподвижной, сотни крохотных ножек на брюшной стороне зарывались в грунт, и в итоге животное скрылось из виду под слоем белых песчинок. И все, о чем здесь рассказано, с момента, когда я выковырнул звезду из грунта, до ее исчезновения, заняло от силы две минуты.

Спускаясь к лагуне, я думал сразу нырнуть и плыть туда, где поглубже, а между тем пять минут уже ушло на созерцание крабов-привидений, еще пять минут я любовался прибитыми к берегу ожерельями и две минуты, стоя в воде, смотрел, как гуру из мира морских звезд погружается в своего рода песчаную нирвану. Все это время рыбаки, сидя в лодках на манер ярких птиц на жердочках, рассматривали меня с таким же острым интересом, какой я уделял природе береговой линии. Впрочем, они умело скрывали свое любопытство, и ни один не пытался всучить мне свои товары с обычной для торгашей назойливостью. Маврикийцы слишком хорошо воспитаны. Я помахал им, и они дружно

замахали в ответ, широко улыбаясь.

Твердо решив больше не отвлекаться, я вошел в воду по пояс, надел маску и окунулся, чтобы немного остудить голову и спину, так как солнце даже в столь ранний час заметно припекало. И едва маска погрузилась в воду, морской простор исчез, все мое внимание сосредоточилось на подводном царстве вокруг моих ступней.

В то же мгновение я позабыл о своем решении отплыть подальше, ибо кругом простирался причудливейший мир, нисколько не уступающий тем, какие живописуют авторы фантастических романов, изображая марсианскую живность. В неприятной близости от моих ног лежало шесть-семь крупных приплюснутых морских ежей, словно выводок погруженных в спячку настоящих ежеиков. Из-за застрявших между иглами кусочков водорослей и кораллов в первую минуту вполне можно было принять их за обросшие зеленью темные обломки застывшей лавы. Между морскими ежами на песке лениво простерлись, словно греющиеся на солнце змеи, какие-то непонятные штуковины — круглые трубки длиной побольше метра и около десяти сантиметров в окружности. Казалось, под водой очутился шланг от не совсем обычного пылесоса, с сочленениями через каждые семь-восемь сантиметров, сделанный из влажной, полупрозрачной оберточной бумаги, местами обросшей косматой плесенью.

Сначала мне не поверилось, что это живые существа. От силы мертвые плети какой-то редкостной глубоководной водоросли, вынесенные прили-

вом на отмель, где они теперь беспомощно перекатывались, подчиняясь легкому качанию воды. Однако приглядевшись, я вынужден был признать, что передо мной живые твари. Известные под названием *Sinueta muculata*, эти диковинные создания и впрямь можно сравнить с длинной трубкой, которая одним концом засасывает воду с микроорганизмами, а другим выделяет фильтрат.

На дне лагуны возлежали также знакомые мне с детства по Греции старые приятели — голожаберные моллюски, толстые бородавчатые улитки длиной около тридцати сантиметров, смахивающие на ливерную колбасу наихудшего сорта. Я взял в руки одну улитку; она была склизкая на ощупь, но достаточно плотная, словно гниющая кожа. Оказавшись на воздухе, она повела себя в точности, как ее средиземноморские сородичи: с силой выбросила струю воды и обмякла. Исчерпав это средство самозащиты, улитка прибегла к другому и неожиданно выстрелила невероятно клейким белым веществом, вроде жидкого латекса, малейшая капля которого приставала к коже похлеще, чем липкая лента.

Казалось бы, много ли проку от такой обороны, ведь липучая завеса только привяжет атакующего врага к улитке. Однако вряд ли природа снабдила бы такое примитивное создание столь сложным оружием, не выполняя оно важную функцию. Я отпустил улитку, и она легла на грунт, чтобы, перекатываясь по дну, вести веселую, кипучую, полную впечатлений жизнь, заключающуюся в том, чтобы вбирать воду одним концом и выбрасывать ее

другим.

Неохотно оторвав взгляд от созданий, сосредоточенных в непосредственной близости от моих ног, я наконец всерьез приступил к изучению рифа. В первый миг, когда вы ложитесь лицом вниз на воду и она словно исчезает под стеклом маски, от неожиданности вам делается жутковато. Внезапно уподобившись ястребу, вы парите над морскими лесами, горами и пустынями. Вы чувствуете себя Икаром: солнце припекает спину, а под вами расстилается, будто географическая карта, многоцветный мир. И пусть всего метр-полтора отделяет вас от этого гобелена, звуки приглушены так, как если бы вы парили в тихом воздухе и за сотни метров слышали проявление жизни в игрушечных фермах и селениях под горой. Расфранченная рыба-попугай с хрустом крошит клювом коралл; негодуяще кряхтит, скрипит, пищит какая-нибудь из сотен других рыб, обороняя свою территорию от интервента; шелестит колеблемый течением песок, где-то шуршат тысячи кринолинов на модницах. И еще многие другие звуки возносятся к вам с морского дна.

Сначала шел ровный песок с разбросанными на нем кусками пемзы и с обломками коралла, которые обросли зеленью и стали обителью миллионов мелких тварей. Между этими следами деятельности штормов и ураганов чернели на песке полчища здоровенных морских ежей с непрерывно колышавшимися, точно компасная стрелка, длинными тонкими иглами. Коснитесь ежа, и плавно качающиеся иглы вдруг начнут неистово метаться с нарастающей скоростью, словно обезумевшие

вязальные спицы. Иглы чрезвычайно острые и чрезвычайно хрупкие: вонзится в вас — тут же обломится, окрасив место укола, как будто вам впрыснули каплю туши. Черными иглы кажутся только на первый взгляд, в лучах солнца они ярко-синие с зеленым основанием. К счастью, интенсивная окраска этого вида морских ежей делает их достаточно приметными. Отдельные экземпляры забились в трещины или под коралловые выступы, но большинство лежало, растопырив иглы, группами или поодиночке на грунте, где они сразу бросались в глаза.

Морские ежи перемежались уже описанными трубками и горсткой голожаберных, представляющих, однако, другой вид. Очень крупные, длиной до сорока сантиметров, в желтовато-зеленую крапинку, они к тому же были потучнее своих черных сородичей, достигая в диаметре десяти и более сантиметров, и не такие бородавчатые. Я нырнул за одной из этих трудно различимых и мало привлекательных тварей. На пути к поверхности она сперва, как водится, исторгла струю воды, а затем, поскольку я продолжал крепко держать ее, выпустила свой клейкий каучук.

Меня поразила упругость этого вещества под водой. На воздухе крайнее средство защиты улитки принимало вид густой и липкой белой струи; под водой оно выглядело совсем иначе и даже красиво. Я увидел около полусотни отдельных нитей длиной около двадцати сантиметров и толщиной с вермишель. Один конец соединялся с улиткой, а другой развернулся так, что вместе нити образовали

как бы изящный белый фонтан. Могут ли эти нити острекать или парализовать мелких рыбешек — не знаю. На моей коже от них не оставалось никаких следов, я и не испытывал неприятных ощущений, однако букет липких веточек явно был для врагов улитки опаснее, чем мне показалось сперва.

Плывя дальше, я вдруг обнаружил, что вокруг меня и подо мной, как по волшебству, возникла многочисленная стая диковинных рыб длиной с метр. Их было не меньше пятидесяти, но нейтральная сероватая окраска делала их почти незримыми. Рот и хвост вытянуты в длинный шип, сразу и не отличишь один от другого. Решить загадку помогли настороженно устремленные на меня круглые, чуть глуповатые глаза. Судя по всему, рыбы перед нашей встречей усердно потрудились и совершенно выбились из сил. Теперь они стояли неподвижно рылом к течению и о чем-то размышляли. Это были очень организованные рыбы, они соблюдали правильный строй не хуже вымуштрованных, хотя и несколько утомленных солдат. Интересно было видеть, как строго они выдерживали дистанцию, точно рекруты на плацу. Одно и то же расстояние отделяло каждую рыбу от ее соседок впереди, сзади, по бокам, сверху и снизу. Мое внезапное появление вызвало в их рядах изрядное замешательство, как если бы кто-то вдруг зашагал не в ногу на военном параде, и они в смятении удалились. Отойдя от меня подальше, восстановили правильный строй, развернулись рылом к течению и снова погрузились в транс.

Я поплыл дальше, не отрывая замороженного

взгляда от песка, расписанного золотыми солнечными полосами, на которые, в силу некоего оптического колдовства, были нанизаны трепещущие золотистые кольца. Неожиданно впереди возникло расплывчатое пятно, оказавшееся камнем длиной около трех метров и шириной в метр, формой напоминающим купол собора св. Павла в Лондоне. Вблизи я рассмотрел, что он сплошь инкрустирован розовыми, белыми и зеленоватыми кораллами, а макушку венчали, словно цветы на исполинском разноцветном капоре, четыре большущие бледно-бронзовые актинии.

Очутившись над удивительным камнем, я ухватился за коралловый выступ, чтобы меня не отнесло слабым течением, предварительно удостоверившись, что на выступе, под ним или внутри него не притаилась никакая гадость. Это была отнюдь не лишняя предосторожность, в чем я убедился, как только сфокусировал глаза: в обросшей кораллами и водорослями выемке в каких-нибудь тридцати сантиметрах от моей руки притаилась крупная, изумительно окрашенная скорпена — она же крылатка. Заденьте нечаянно спинной плавник, и рыба вонзит в вас колючки, которые причинят резкую боль; ее яд способен даже убить человека. Эта крылатка была немногим меньше двадцати сантиметров в длину. Притупленное рыло с тяжелой нижней челюстью; огромные красные глаза; преобладающая расцветка тела — розовая и оранжевая, с черными полосами и крапинами. Грудные плавники сильно вытянуты, как будто из-под жабр выросли две розовые руки с удлиненными

пальцами; вдоль спины — череда покрытых смертоносной слизью красных лучей. Такое яркое обличье придавало рыбе сходство с переливающимся на свету драгоценным камнем, — когда я ее увидел, а это случилось лишь после того, как она шевельнулась, настолько ее пестрый наряд сливался с фоном. Убедившись, что обнаружена, крылатка плавно взмахнула развевающимися плавниками и не спеша ушла вниз, огибая камень. При всей красоте этой рыбы я был только рад избавиться от ее соседства.

Около актиний и среди их щупалец ходили амфиприоны-клоуны — симпатичные ярко-оранжевые, с широкими белоснежными полосами рыбки длиной семь-восемь сантиметров. Амфиприоны состоят в симбиотических отношениях с актиниями. Для амфиприонов актиния и обитель, и грозная крепость, где они прячутся в минуту опасности, так как стрекательный аппарат щупальцев актинии убивает других рыб. А в обмен на защиту амфиприоны потчуют актинию крошками от своего корма. Как и почему возникло это любопытное сотрудничество, никому не ведомо. Вряд ли можно приписать актинии блестящий интеллект, и нам остается лишь гадать, каким образом она узнала о полезности амфиприона и постановила не стрекать его.

В нескольких местах среди кораллов втиснулись двустворчатые моллюски величиной с кокосовый орех; только и видно, что зубчатую кромку раковин да выступающие края мантии, как будто моллюски улыбаются вам толстыми переливчато-зелеными и

синими губами. Это были родичи знаменитой гигантской тридакны, обитающей на самом рифе, где она достигает метра в поперечнике при весе до ста килограммов. Сколько жутких историй написано про незадачливых ныряльщиков, погибших в пучине, потому что нога их нечаянно попадала в просвет между створками тридакны, которая тотчас смыкалась словно капкан (как это делают все двустворчатые в минуту опасности). Правда, достоверные случаи вроде бы нигде не зафиксированы; но в принципе такая возможность не исключена, ибо тридакна и впрямь способна зажать ногу ныряльщика, и, если у него не найдется ножа, чтобы разрезать мощные мускулы, выполняющие одновременно роль шарнира и замка, раздвинуть створки будет так же невозможно, как отворить крепостные ворота.

Тридакна тоже являет нам интересный пример симбиоза: ткани ярко окрашенной мантии заполнены крохотными одноклеточными водорослями с красивым названием зооксантеллы, которые питаются за счет фильтруемого моллюском корма, а в обмен делятся с тридакной кислородом. Платить за хлеб свой насыщенный воздухом — наверно, многие из нас пошли бы на такую сделку...

Продолжая наблюдения, я заплыл с другой стороны камня, убедился, что мне не грозит встреча со скорпеной, и оказался свидетелем еще одного случая симбиотических отношений. В моем поле зрения очутилась стайка пестрых рыбешек — один кузовок и два хирурга. Кузовок длиной каких-нибудь семь-восемь сантиметров поразил меня не столько

ярко-оранжевой в черную крапинку расцветкой, сколько причудливой формой тела — что-то вроде квадратной костяной коробки с отверстиями, из которых торчат плавники, анус, рот и глаза. Хвостовой плавник кузовка работает наподобие винта подвесного мотора, и сочетание такого способа передвижения с выпученными, словно вечно удивленными глазами, квадратным телом и пестрым убранством делает кузовка одним из самых курьезных обитателей кораллового рифа.

И как же непохожи на него хирурги! Желтое тело напоминает формой лунный диск; рот на крутолобой голове выступает наподобие пороссячьего рыла. Хирурги получили свое название от расположенных на хвостовом стебле двух острых, как скальпель, ножевидных шипов. Это грозное оружие может убираться в выемку на теле, словно лезвия перочинного ножа.

Как ни интересен был облик этих двух рыб, самое увлекательное заключалось в том, что с ними происходило. Хирурги застыли возле камня, словно в трансе; кузовик, похожий на необычную оранжевую лодку, медленно петлял, время от времени останавливаясь; а между ними сновали три маленьких юрких бычка, расписанных лазурными и небесно-голубыми пятнами. Исполняя роль чистильщиков, они прилежно обслуживали своих клиентов — подскочат вплотную, снимут ртом паразита с кожи и отступят, как бы для того, чтобы полюбоваться результатами своего труда. Ни дать, ни взять дамские парикмахеры, творящие новую прическу. Позже на главном рифе я не раз наблюдал,

как рыбы ждут своей очереди у парикмахерской, где маленькие голубые мастера лихорадочно трудились, чтобы всех обслужить.

Увлеченный открывшимся мне зрелищем (каждый сантиметр камня, за которым так и закрепилось ласковое прозвище «Св. Павел», был облеплен крохотными актиниями, акропорами, спирографисами, креветками, крабами и полчищами прочих тварей), я незаметно для себя час с лишним проплавал на одном месте, да и то не все успел рассмотреть. На одном только этом камне собралось такое множество органических форм, что любому натуралисту не хватило бы и десятка жизней, чтобы для начала сориентироваться в них. Неторопливо возвращаясь к берегу, где меня ожидал завтрак, я спрашивал себя, как же тогда выглядит собственно риф. Ответ последовал вскоре. Впечатление было потрясающее.

Как только представился случай, я договорился, что с утра пораньше за нами будет приходить лодка с лодочником, чтобы мы без ущерба для прочих дел могли проводить час-другой на рифе. Через два дня, протарахтев по шелковистой глади лагуны, в песок перед окнами наших спален с легким вздохом уткнулась моторка, и в нашу жизнь вошел Авель, стройный молодой креол, усач с пышными баками, располагающий белозубой улыбкой и странным высоким сипловатым голосом. Ему было двенадцать лет, когда на Маврикии разразилась эпидемия полиомиелита, и страшная болезнь не миновала его, но, хотя правая нога и рука Авеля были частично парализованы, он легко управлялся с лодкой, а

плавал и нырял как рыба. Подобно большинству сельских жителей и рыбаков, Авель прекрасно знал морскую фауну своего края, кто и где обитает. Правда, к этим знаниям примешивалась изрядная доля фольклора, однако риф он изучил вдоль и поперек и был готов показать все, что мы пожелаем, от осьминогов до устриц, от украшенных алыми пятнами длинных и острых, как рог, раковин до коралловых лесов, которые никакими словами не описать.

В первой же нашей вылазке Авель объяснил, что риф, грубо говоря, можно разделить на пять участков: глубоководье с внешней стороны лагуны, песчаную полосу с разбросанными вдоль берега камнями (вроде «Св. Павла») и три секции самой коралловой постройки. Каждый из пяти участков представлял особую картину. Для начала мы отправились на участок, который прозвали «Кладбище Оленей», или «Уголок Лэнсье».

Пока мы скользили над зоной песка, я лежал спиной к жаркому утреннему солнцу на маленькой носовой палубе и сквозь прозрачную толщу воды рассматривал обитателей грунта. Сперва в поле зрения возникло скопление голожаберных и диковинных членистых трубок *Sinuatus*, их сменили полчища больших красных морских звезд под тонким слоем песка, поверх которого расположилось множество звезд другого вида, круглых и толстых, словно пудинг, с короткими тупыми щупальцами, так что они казались зубчатыми по краю. На их желто-оранжевом теле блестел частокол черных как смоль конических игл, похожих на шипы розы.

Но вот замелькали коралловые глыбы, чаще и чаще; наконец песок совсем исчез, и мы пошли над цветистым персидским ковром из водорослей и кораллов, распугивая стайки ярких рыбок. У намеченной им точки Авель выключил мотор и бросил за борт якорь — железную болванку с кольцом. Глубина в этом месте была неполных два метра, и вода такая прозрачная, что рядом с ней водка показалась бы мутной. Быстро напялив маски, мы перевалили через борт в мир настолько волшебный, что он превосходил все когда-либо читанные или слышанные поэтические описания сказочных стран. Первое впечатление — оргия красок: золотой, пурпурной, зеленой, оранжевой, красной со всевозможными промежуточными оттенками. Придя в себя от восхищения, вызванного многоцветьем вы отдавали дань не менее восхитительным формам. На этом участке преобладали роговые кораллы, и он был в точности похож на огромное кладбище белых и цвета электрик охотничьих трофеев. Некоторые горгонарии не достигали и метра, но местами будто возвышались белые и голубые рождественские елки, между ветвями которых, как попугайчики среди деревьев тропического леса, сновали стайки цветных рыбешек. Заросли горгонарий перемежались мозговиками, величиной когда с пудинг, а когда и с мягкое кресло, с которыми соседствовал причудливый ансамбль изящных акропор, мягких альционарий и водорослей.

Обитатели подводного царства ничуть не уступали местообитанию по ошеломляющему и

захватывающему дух разнообразию форм и расцветок. Интересно было отмечать параллели с наземной жизнью. Разноцветные рыбки порхали в лесу горгонарий, словно птицы, а ниже черно-белые помацентры ходили среди акропор, подобно зебровым стадам. Из трещин в коралле навстречу вам, нарушителю границ, смело выскакивала шоколадная и розовая губастая рыбка, расправив плавники подобно тому, как слон, идя в атаку, расправляет уши. В густой тени рыскали потигриному оранжево-черные рыбы; с легкостью газелей или антилоп проносились стаи стройных оранжево-коричневых рыбок. В трещинах, подобно спящим ежам, лежали их морские тезки — ярко-синие, нефритовые, бледно-лиловые.

Плывя через этот волшебный мир, одурманенный красками и причудливыми формами, я обогнул рощу горгонарий с ярко-голубыми шипами на каждом луче и очутился над песчаной прогалиной, пестрящей улитками и морскими ежами двух цветов — пурпурными и черными. В воде над ними парило с полсотни рыбок длиной около десяти сантиметров, коим суждено было стать моими любимцами. В первую минуту они показались мне светло-зелеными; это был нежный, прекрасный оттенок зелени раскрывающихся липовых почек, и каждая рыбка переливалась так, будто ее покрыли лаком. Однако меня ожидал сюрприз: потревоженные моим появлением, рыбки начали уходить, я последовал за ними, они повернули и вдруг из нежно-зеленых стали синими с лаковым переливом. Это был изумительный синий цвет, каким средневековые

художники писали одеяния девы Марии.

Завороженный внезапным превращением, я обогнал рыбок, повернулся к ним лицом, и тотчас они опять оказались зелеными! Эффект этот был так красив, что я полчаса гонялся за несчастными рыбками, заставляя их поворачивать, и они становились то синими, то зелеными, смотря под каким углом падал солнечный свет. И так как все рыбки поворачивали вместе, цвет их менялся одновременно, что меня особенно поражало. В конце концов им надоело мое внимание, они решительно удалились в горгонариевые заросли, где я не мог за ними угнаться, и пропали из виду. Однако я уже определил им место в ряду самых изумительных обитателей рифа. Остальные — пурпурные, желтые, бронзовые, бордовые, пятнистые, полосатые, крапчатые, удивляющие глаз необычными формами и размерами, — тоже были великолепны, но олицетворением рифовой фауны для меня осталась рыба-лист, она же хромис, или, по-научному, *Cromiis selurialis*.

Авель не был молчуном, напротив, в нужных случаях он делался весьма речистым, но, если наши замечания или указания представлялись ему неразумными, он предпочитал отмалчиваться.

— Авель, — серьезно объявляли мы ему, — сегодня только короткая прогулка.

Взгляд Авеля устремлен на что-то в голубой дали; а может быть, он погрузился в транс.

— Короткая прогулка, — повторяете вы. — Нам нужно вернуться к половине девятого.

Авель переводит на вас невидящий взор.

— Ты слышишь? — стараетесь вы перекричать тарахтящий мотор.

Отсутствующие глаза Авеля отрываются от вашей персоны и снова созерцают горизонт.

Вы возвращаетесь в гостиницу к половине десятого, платите за экскурсию вдвое больше того, что намеревались потратить, и нисколько об этом не жалеете. АVELЬ лучше вас знал, что вам нужно.

После того как мы несколько раз насладились чудесами горгонариевого леса, АVELЬ без предупреждения привез нас на участок, который мы потом прозвали «посудной лавкой». Погрузившись в воду, мы с удивлением вместо ожидаемых нами колючих зарослей узрели коричневые кораллы в виде больших тарелок или мисок, с ямками, как у хрустящих хлебцев. Где-то они громоздились кучей, словно немытая посуда некоего великана, где-то складывались в грандиозные канделябры или же фонтаны в стиле рококо, какие можно видеть в прекрасном саду уединенного французского замка или итальянской виллы. Это было что-то совершенно новое: в горгонариевом лесу можно плавать вместе с рыбами, здесь же, если мы подходили слишком близко, они просто исчезали среди «посуды», и не последуешь за ними. Пришлось освоить новую тактику. Спокойно лежа на воде, мы ждали, когда рыбы сами к нам подойдут.

Здесь я впервые увидел занкла, или мавританского идола. Удивительнейшая рыба: представьте себе расписанный желтыми, белыми и черными полосами, летящий боком самолет с заостренными на концах треугольными крыльями, маленьким тупым хвостом

и сильно выступающим двигателем — вот вам подобие занкла.

И в той же «посудной лавке» я неожиданно очутился в обществе множества кораллово-розовых и оранжевых рыбок длиной десять-пятнадцать сантиметров. Плыву, наблюдая улитку, которая невесть почему встала торчком, вдруг в боковом окошке маски мелькнуло что-то красное, и в следующую секунду меня окружили эти красавицы. Неторопливо перемещаясь в воде, они подходили чуть ли не вплотную и обозревали меня огромными, проникновенными черными глазами. Я обрадовался, узнав в них рыб, которых давно мечтал увидеть и которых англичане называют «тоскующая белка». Меткое название: рыбки глядели на меня с такой печалью, будто у них только что состоялся неприятнейший разговор с управляющим банка. Казалось, они вот-вот расплачутся. Стремясь как-то утешить этих страдалиц и развеять их тоску, я нырнул и перевернул лежащую на дне глыбу мертвого коралла, под которой скопились полчища лакомых креветок, крабов, червей и сатанинского вида черных морских звезд с покрытыми неким подобием меха, извивающимися по-змеиному лучами. Все рыбы, как правило, с восторгом набрасывались на такое угощение, но «тоскующие белки» лишь горестно поглядели на меня и тихо удалились. Чем-то я им явно не понравился.

Плавая на рифе, мы буквально уставали от ошеломляющего разнообразия окружавших нас со всех сторон организмов. За четыре с половиной месяца, проведенных нами на Маврикии, мы почти

каждый день навещали риф и всякий раз наблюдали по меньшей мере четыре не встреченных прежде вида рыб. И уж совсем я отчаялся, когда под конец визита Авель отвез нас на участок, который мы окрестили «цветником»: за какой-нибудь час я насчитал здесь шестнадцать видов, которых не встречал за четыре предыдущих месяца плавания с маской, — умопомрачительный, непревзойденный рекорд!

Звание цветника было присвоено секции рифа, где глубина редко превышала один метр, а местами и вовсе уменьшалась до трех десятков сантиметров, так что надо было искать протоки, чтобы не поцарапать грудь или колени. В такой мелкой воде краски казались еще ярче, и здесь обитали кораллы, какие нам не попадались на других участках. Например, одиночный грибовидный коралл фунгия, который, в отличие от большинства кораллов, не образует колоний, а перемещается с места на место на грунте. На вид как будто нижняя сторона крупного розово-красного и коричневого гриба; и лишь когда между жабрами высовываются, помахивая, маленькие светло-желтые щупальца, вы понимаете, что перед вами живое создание. Другие кораллы напоминали горки крохотных, с ноготь мизинца, зеленых хризантем, которые непрерывно шевелились, словно овеваемые неким подводным ветром. Были тут кораллы яркой кобальтовой синевы и разных оттенков красного цвета — от кровавого до нежнейшего закатно-розового. Иные коралловые шапки, величиной с большой букет цветов, выглядели так, будто над ними потрудились

специалист по фигурной стрижке кустов. До того аккуратная круглая форма, никак не верится, что кораллы сами так растут. Присмотришься поближе — каждая шапка состоит как бы из множества обсыпанных снегом крохотных елочек.

Эти белые шапки пользовались особенным расположением хромисов, которые постоянно держались поблизости от них и при малейшей опасности укрывалась между «елочками». Встретив возле такого коралла около полусотни мальков рыбы-лист, я обнаружил, что на этой стадии хромисы не обладают зеленой иризацией и окрашены в намного более светлый, чем взрослые особи, но не менее изысканный, небесно-голубой цвет. Я устроил себе небольшое развлечение: протяну руку — поблескивающая мелюзга тотчас скрывается между веточками коралла, отниму — высыпает наружу, словно голубое конфетти из зимнего леса.

В «цветнике» мы наблюдали наибольшее количество видов на минимальной площади. Картина преинтересная, тем более, что малая глубина позволяла рассмотреть рыб совсем близко. Меня неизменно тешил единорог: тело плоское и удлиненное, ярко-зеленое с оранжевыми пятнами; над глазом кривая колючка, словно рог; рыло оранжевое; глаза — в оранжевую и черную полосу. За шероховатую кожу англичане прозвали этот вид рыба-напильник. К тому же подотряду относится спинорог с трудно произносимым местным названием хумухумунукунуку-а-пуаа. Высокое тело спинорога тоже сжато с боков, но рыло не вытянутое, как у единорога, лик надутый и грозный, точно у

бригадного генерала, обзирающего неряшливых рекрутов. Впечатление суровости усугубляется черно-бело-серым полосатым «мундиром» и ярко-синей полосой поперек рыла, напоминающей густые брови. Своим именем спинорог обязан своеобразному защитному устройству: как и единого, он вооружен кривой колючкой, но она расположена позади глаз и обычно прижата к спине; когда же спинорога преследует враг, шип прочно запирается в вертикальном положении второй, меньшей колючкой — попробуй заглотай! А если спинорог поднимет первую колючку, укрывшись в полостях кораллов, его можно извлечь оттуда, только разломав убежище.

В этой же секции рифа произошел случай, напомнивший мне мое детство, когда я в Греции выходил в море с рыбаками. Плывая вдоль ложбины между многоцветными глыбами коралла, я вышел на песчаную прогалину в одно время с осьминогом, который как раз надумал сменить позицию на рифе. Меня неприятно поразило его сходство с горбуном в развевающемся плаще из метровых щупалец. Приметив меня, осьминог прибавил ходу, однако путь к собственно рифу был прегражден, и он укрылся в коралловой глыбе посреди прогалины. Я подплыл поближе узнать, чем он там занят, и увидел, что осьминог втиснулся или, скорее, просочился в узкую трещину и, как заведено у этих головоногих, прищурил глаза, чтобы не выдали его. При этом кожа осьминога — обычная реакция на опасность — переливалась самыми неожиданными красками, включая синюю и зеленую, и удивительный

фейерверк отнюдь не демаскировал его, а только помогал лучше сливаться с цветистым фоном. Находясь примерно в метре от осьминога, я прикидывал, как бы его спугнуть; в эту минуту из-за моего плеча метнулась вперед острога и вонзилась в тело моллюска, который мгновенно уподобился голове Медузы с извивающимися щупальцами-змеями. Незаметно подошедший на лодке Авель торжествующе втащил на борт корчащегося осьминога, меж тем как в воде вокруг меня расплылись большие чернильные сгустки.

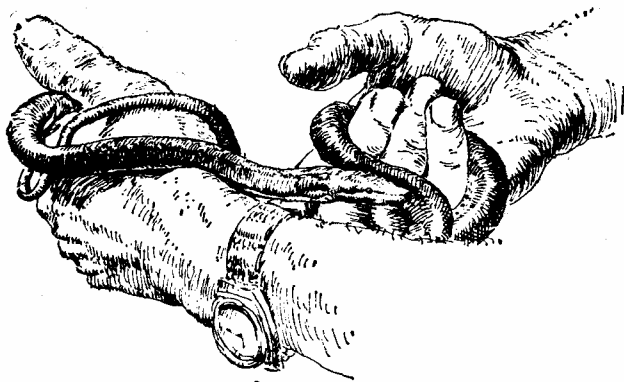
Извлекаемый из воды и брызжащий чернилами перед вашим носом умирающий осьминог — не самое приятное из моих воспоминаний о восхитительном, неопишимо прекрасном и многоликом маврикийском рифе. Люди расхищают его сокровища, ловят рыбу сверх меры, собирают раковины для продажи, взрывают кораллы, чтобы жалкие остатки изумительных живых организмов пылились за морями на каминной полке самодовольного туриста. Будем же надеяться, что власти Маврикия последуют просвещенному примеру других правительств, скажем сейшельского и танзанийского, и объявят риф морским заповедником, чтобы его красота всегда могла радовать как гостей, так и самих маврикийцев, ведь риф — общедоступный чудодейственный эликсир.

Когда я пишу эти строки, серое небо за окном сеет мелкий снежок, но стоит мне закрыть глаза, и я вижу перед собой великолепие рифа, и на душе становится

тепло и радостно.

В «цветнике» мне встретилось однажды огромное скопление хромисов. На площади около пяти квадратных метров собралось не менее двух тысяч особей. Это было нечто незабываемое: около получаса я плавал то будто среди приветствующей весну зеленой листвы, то в окружении упавших в воду и чудом принявших рыбий облик осколков голубого средиземноморского неба. В конце концов, одурманенный и ослепленный, я отыскал свободную от морских ежей и крылаток гладкую коралловую глыбу, и сел на нее. Глубина здесь была чуть больше полуметра, я снял маску, и моему взгляду предстали уходящие волнами вдаль горы Маврикия. Бугор за бугром оттопыривали зеленое покрывало леса и клеточек сахарного тростника, словно чьи-то беспокойные локти и колени. А в небе над ними изогнулись целых пять радуг. Я пришел к выводу, что Маврикий мне очень по душе.

Глава шестая ЗА УДАВАМИ

Судно настойчиво проталкивалось через голубые гряды волн туда, где на фоне желтой и зеленой утренней зари угрюмо возвышался суровый щит острова Круглого.

Прошел год после нашего короткого визита на остров, теперь мы собирались провести на этом нелюдимейшем клочке земли четыре дня и припасли все необходимое. Помимо обычного походного снаряжения взяли канистры с драгоценной водой и много продуктов. Когда идешь на остров, где можно надолго застрять из-за внезапного ухудшения погоды, не следует скупиться на съестные припасы. Правда, количество и вес этих самых припасов предписывали нам разбить лагерь в районе причального камня; достаточно далеко от него, чтобы не опасаться бурного моря, но не настолько далеко, чтобы мы не смогли дотащить туда наше имущество.

Погода была милостива к нам, так что при выгрузке провианта и снаряжения обошлось без происшествий, однако перетаскивать груз почти за сотню метров до избранной нами стоянки в расщелине оказалось очень утомительно, хотя солнце только-только поднялось над горизонтом и остров заслонял его своим массивом. Обливаясь потом и чертыхаясь, мы волокли вверх по каменистому склону палатку, провизию, тяжелые канистры и называли себя последними дурнями за то, что пустились в такое предприятие. Эта мысль посещала нас и в последующие дни.

Поставить палатку оказалось далеко не просто: в одном месте грунт слишком твердый, даже стальной колышек не входит, в другом чересчур рыхлый, крошится и рассыпается в пыль. В конце концов, выбившись из сил, мы кое-как натянули палатку, закрепив оттяжки за шершавые туфовые зубцы — даст бог, выдержат напор ветра. Не очень-то надежно, зато палатка обеспечила нас тем, что так необходимо на острове Круглом, — тенью. Только тот, кому доводилось провести день под жгучими лучами солнца на иссушенном клочке земли, знает, что тень от игрушечного зонтика может быть не менее желанной, чем глубокая прохладная пещера. И что даже горячая питьевая вода лучше, чем никакая.

Убедившись, что мы устроены и знаем, как пользоваться портативной радиостанцией — единственной нашей связью с внешним миром, — Вахаб вернулся на доброе суденышко «Сфирна» (сиречь «Молот-рыба»), и вскоре оно превратилось в пятнышко среди моря, направляясь мимо Ганнерс-

Куойна к голубеющим вдали туманным горам Маврикия. К тому времени, когда канистры наконец стали в нужном нам порядке, мы почему-то до того вымотались, что, довольствовавшись легким ужином (от жары совсем пропал аппетит), легли спать сразу после захода солнца.

На утро, встав до рассвета, мы поднялись к старому панданусу, известному под названием древа экскурсантов, поскольку это первое сколько-нибудь тенистое дерево на пути вверх от пристани и здесь обычно все устраивают привал. Решили, что дальше двинемся северным курсом по прямой, насколько это вообще возможно на острове Круглом, через пальмовую зону. Пойдем цепочкой, метрах в пятнадцати друг от друга, от латании к латании (каковые, по нашим сведениям, служили обителью удавчиков) и будем тщательно осматривать каждую из них. Когда станет очень уж жарко, спустимся по склону и направимся в сторону лагеря. Мы рассчитывали обследовать таким способом все пальмы в тридцатиметровой полосе на протяжении восьмисот метров. Всякому, кто сочтет эту задачу вовсе не такой уж трудной, советую отправиться на остров Круглый и попробовать выполнить ее самому.

Весь первый час мы искали с великим усердием. Одна ложная тревога следовала за другой, и все из-за укрывшихся во влагалищах пальмовых листьев мирных и дружелюбных сцинков Телфэра или глазастых гекконов Гюнтера: когда от сцинка или геккона только и видно, что хвост, немудрено в первую минуту принять его за змею. Впрочем, мы с удовлетворением отметили, что популяция сцинков,

а главное, гекконов с прошлого года намного возросла, о чем свидетельствовало обилие пухлых детенышей.

От тех, кто наблюдал или ловил удавчиков, мы знали, что наиболее распространенный из двух местных видов (если слово «распространенный» вообще применимо к популяции, насчитывающей от силы семьдесят пять особей) обычно укрывается во влагилицах листьев латании. Указание четкое и ясное, все предельно просто. Для того, кто в жизни не видел латании. На самом же деле эта пальма далеко не так проста. Ее листья состоят из толстых прямых черешков, увенчанных подобием огромного зеленого веера, причем черешок упругостью равен чугуну, а веер словно сделан из неразрушаемого толстого пластика и оснащен по краям крохотными шипами, достаточно острыми, чтобы оставить вас без глаза. А потому, занимаясь поисками удавчиков, надлежало приблизиться к латании, мощным усилием рук раздвинуть листья и просунуть голову между ними, чтобы увидеть влагилица, надеясь при этом от всей души, что черешок не выскользнет из потных пальцев и шипы не исполосуют вашу кожу и не выколют глаза.

Второй вид, земляной удавчик, обитает в норах, и, чтобы добраться до него, нужно, уподобившись свинье в дубовом лесу, старательно копать тонкий слой почвы над корнями пальмы. Опять-таки нехитрое, по видимости, дело, но только по видимости, ибо старые листья латании, высыхая и ложась на землю, черешками все равно прикреплены к родительскому стволу, и получается нечто вроде

упругой коричневой палатки из веерных листьев, которые надо раздвинуть, чтобы добраться до земли у основания ствола. Мало сказать, что этому занятию сопутствуют потоки пота и сильная жажда: хотя мы купались в собственной испарине, тело буквально раскалилось, а язык словно обосновался в полости, обитой очень старой и очень сухой замшей. Туф нагрелся до такой степени, что хоть яйца пеки на нем. Небо с силой обрушивало на нас волны зноя, они отражались от туфа и обдавали лицо, как будто перед нами вдруг открылась топка. Пройдешь сто шагов — столько пота прольется, что диву даешься, откуда в организме такое количество влаги.

Если бы еще мы двигались по горизонтали, а то ведь либо лезешь вверх, либо спускаешься вниз, все время напрягая мышцы ног. А выпадет прямой участок — так и кажется, что у тебя одна нога короче другой. После двух часов поиска мы устроили привал, чтобы утолить жажду и съесть по апельсину. Опыт охоты на острове Круглом научил нас, что от апельсинов больше проку, чем от тяжелых фляг с водой: организм получает и влагу, и пищу, заодно и пересохший рот освежается.

К этому времени солнце выбралось из-за горы и уставилось на нас чудовищным горящим глазом исполинского дракона. Зная, что жара скоро вынудит нас прекратить охоту, мы спустились по склону метров на пятнадцать и направились обратно к лагерю, продолжая поиск. В тысячный раз раздвинув листья латании, я увидел, как мне показалось, хвост сцинка Телфэра и хотел уже следовать дальше, но потом решил, что лучше все-таки проверить. После

короткой схватки с листьями я заглянул с другой стороны.

Это был не сцинк, а великолепный взрослый удавчик, который обвил своими кольцами ствол латании там, где влагилица листьев образовали подобие чаши. Я хорошо видел его; он лежал спокойно, не обнаруживая никаких признаков тревоги. С того места, где я стоял, его можно было ухватить за кончик хвоста, но такой способ представлялся мне неудачным со всех точек зрения. Во-первых, хвост очень тонкий — пусть даже не сломается, но повредить его ничего не стоит. Во-вторых, если я схвачу удава за хвост, он способен укусить меня за руку. Мне-то ничего не будет, пасть у него малюсенькая, но ведь удавчик может при этом поломать хрупкие, словно рыба косточка, зубы, а это чревато гангренозным стоматитом. Подвергать риску такой ценный экземпляр мне не хотелось, а снова менять позицию — можно спугнуть его и потерять из виду. Поэтому я позвал Джона, который погрузился в латанию ниже по склону подобно утке, добывающей корм под водой.

— Джон! У меня тут змея, поднимись, помоги мне! Джон вынырнул из недр пальмы и вытер лоб — взъерошенный, расцарапанный, потный, очки затуманены.

— Ты уж извини, — отозвался он, — но я слишком занят своей сотней.

— Брось дурачиться! — крикнул я. — Я серьезно.

— Нет, правда?

Он бросился ко мне, скользя и спотыкаясь на туфле.

— Зайди с другой стороны и хватай его, — распорядился я, не дожидаясь, когда он отдышится. — Там его голова. И не давай ему кусаться, я не хочу, чтобы он нажил гангренозный стоматит.

Я продолжал стеречь добычу с тыла, а Джон раздвинул черешки, высмотрел голову удавчика, после чего спокойно протянул свою длинную руку, взял его за шею, осторожно выпутал из листьев и извлек наружу.

Удавчик был длиной поменьше метра; преобладающая окраска оливково-зеленая, с тусклыми желтыми пятнами ближе к хвосту. Голова длинная и плоская, почти листовидная. Поглядеть — какой же это удав...

Тем не менее мы ликовали, да еще как! За каких-нибудь два часа в такой трудной местности поймать одну из самых редких змей на свете — невероятная удача; еще поразительнее было то, что удавчик, можно сказать, во всем нам содействовал.

Мы продолжали охоту с удвоенным рвением. Однако солнце поднималось все выше и выше, жара все усиливалась, латании все упорнее сопротивлялись нам, и в конце концов мы возвратились в лагерь к свежему кокосовому молоку, к арбузам и к раскладушкам, которые на неровном грунте брыкались, словно необъезженные кони. Когда наступила вечерняя «прохлада» и температура упала до каких-нибудь двадцати девяти градусов, так что можно было садиться на туф, не боясь ожогов, мы еще раз прошлись по латаниям, но удача не повторилась.

Ночью полил дождь, и потоки воды катили по

туфу и через нашу палатку, так что мы чувствовали себя на раскладушках, как на лодках, плывущих по не самому чистому из венецианских каналов.

Мы были на ногах еще до восхода и, едва небо окрасилось в зеленовато-золотистый цвет, совершили первую вылазку в пальмовую рощу. Утро выдалось намного прохладнее вчерашнего благодаря свежему ветру. Море пестрело белыми лепестками пены, а в небе плыли армады плоских облаков, которые частенько закрывали солнце, давая нам короткие передышки. Мы трудились три часа подряд и видели множество ящериц, вот только змеи не попадались. На привале, когда мы взялись за апельсины, Джон поделился со мной свежей гипотезой.

— Сам посуди, пищи у них вдоволь, — говорил он. — Я уж и не помню, сколько зеленых гекконов и детенышей сцинков видел сегодня, а это все идеальный корм для змей.

— Верно, — согласился я, — с кормом проблем нет.

— Вот и спрашивается, почему же так мало удавчиков? — продолжал Джон.

— Может быть, им трудно находить друг друга среди этих проклятущих латаний, — сказал я с горечью.

— А мне кажется, все дело в том, что их детеныши сами служат добычей.

— Добычей? Это для кого же?

— А для сцинков Телфэра. Я понаблюдал за крупными особями, да ты и сам видел, что они глотают все подряд, от жевательной резинки до апельсиновых корок. Только что на моих глазах

сцинк Телфэра уплел довольно большого сцинка Бойера. А удавчики наверно являются на свет не такими уж крупными. Взрослый сцинк Телфэра — это же зверь, а они весь остров наводнили.

— Пожалуй, ты прав, я как-то об этом не подумал.

— По чести говоря, если мы хотим помочь змеям выжить в диком состоянии, — заключил Джон, — следовало бы отловить четыре-пять сотен сцинков Телфэра и перевезти на Ганнерс-Куойн или Флат.

— Ну, это уж чересчур, — возразил я, заталкивая кожуру от своего апельсина в рыхлый туф. — Ты же знаешь, поборники охраны природы не хуже старых дев способны впасть в истерику, когда заходит речь о разведении животных в неволе и о транслокации видов.

— Ну, а я считаю, что это помогло бы спасти удавчика, — упрямо сказал Джон.

— Возможно, возможно. Когда примемся всерьез за проблему острова Круглого, попробуем предложить. А пока давай-ка еще раз схватимся с латаниями.

Полчаса спустя мы столкнулись с фактом, говорящим в пользу гипотезы Джона. Он подозвал меня, чтобы я помог ему проверить несколько латаний, которые росли впритык друг к другу, так что он не мог справиться с ними один. Пока я придерживал свежие черешки, Джон рылся среди сухих листьев в основании пальм. Он выдернул сухой лист из намытого дождями туфа, и неожиданно на землю упала, корчась, какая-то тварь кирпично-красного и желтого цвета, длиной около тридцати сантиметров, толщиной с карандаш. В

первую минуту я принял ее за многоножку, но тут же понял, что перед нами змееныш. Меня сбила с толку интенсивная окраска: я никак не ожидал, что юные особи настолько ярче скромно окрашенных взрослых. С торжеством подобрав детеныша, мы осторожно положили его в матерчатый мешочек и заковывали обратно к лагерю.

— Что я говорил, — пыхтел Джон, спотыкаясь и скользя на выпуклостях острова Круглого. — Куда там этакому малышу против крупного сцинка. А тому лучшей пищи и не надо.

В ту ночь в дополнение к ливню подул такой сильный ветер, что он грозил оставить нас без палатки. Что и говорить, неприятная была ночь, и мы с облегчением встретили рассвет. Утром прошлись, как обычно, по латаниям и к одиннадцати часам возвратились в лагерь. Море основательно разбушевалось; небо заволокли густые тучи. То и дело налетали яростные порывы ветра, и все говорило за то, что еще до конца дня снова польет дождь. Высунувшись во время второго завтрака из палатки, я с удивлением увидел славное суденышко «Сфирну», которое доблестно сражалось с волнами, невзирая на сильную качку. Пока мы недоумевали, что могло выгнать «Сфирну» из гавани в этокое ненастье, стало очевидно, что она идет к Круглому. Какие такие важные припасы надумал отправить Вахаб? Нам было невдомек, что сама погода явилась причиной срочного визита. Отдав якорь вблизи пристани, капитан окликнул нас.

— Циклон! — сообщил он. — Метеослужба Маврикия предупреждает о жестоком шторме! Я

пришел за вами, пошевеливайтесь!

Мысль о том, чтобы застрять на острове на неопределенный срок в любой по силе шторм нам настолько не понравилась, что капитан мог бы и не понукать нас. Лагерь был свернут с неслыханной быстротой. Погрузить имущество в шлюпку и с шлюпки на судно оказалось весьма непросто, но в конце концов мы, наши вещи и обе драгоценные змеи очутились на «Сфирне» и пошли по взбрыкивающим волнам к Маврикию.

Предупреждение о шторме действовало целую неделю, и всю эту неделю царил духота, лил дождь, море бушевало. В довершение всего, я еще на Круглом приболел, и недомогание обернулось амебиозом, который, как известно, и раздражает, и истощает. Все указывало на то, что нам больше не попасть на Круглый, чтобы отловить необходимые для разведения змей экземпляры; а недостающего вида ящериц мы и вовсе не добыли. И придется нам оставить удавчиков Вахабу, чтобы он при первой возможности вернул их на родной остров. Точно определить пол змееныша теми средствами, какими мы располагали на Маврикии, мы не могли, а идти на риск с такими редкими рептилиями было бы непозволительно, даже преступно: привезешь их на Джерси, а там выяснится, что обе змеи одного пола. Я изложил все это Вахабу. В ответ он сказал, что, по долгосрочному прогнозу, циклон обойдет Маврикий стороной и наступит длительное затишье.

— Может быть, задержитесь еще немного?

По совету местных врачей, я с превеликой досадой только что вынужден был отменить

готовившееся семь лет путешествие в Ассам, куда думал отправиться сразу после возвращения на Джерси. В итоге у меня появились свободные дни, но все равно я чувствовал себя слишком паршиво, чтобы еще раз плыть на Круглый и таскаться там с тяжелым снаряжением.

— А не могут власти предоставить нам вертолет? — спросил я с надеждой. — Это неизмеримо облегчило бы нам путь туда и обратно, и к тому же я давно мечтаю полетать на вертолете.

Вахаб изобразил губами куриную гузку и сказал, что это будет трудновато, но он попробует.

Через несколько дней он позвонил мне и горделиво сообщил, что премьер-министр разрешил воспользоваться вертолетом. Можем вылетать, как только позволит погода.

Потянулись дни ожидания, пока два циклона, один из них с легкомысленным именем «Фифи», крутились над Индийским океаном, раздумывая, как поступить с Маврикием. К нашему великому облегчению, они решили оставить его в покое, синоптики пообещали хорошую погоду, и мы получили «добро» на вылет в очередной понедельник. Как раз на это время пришлось местные праздники, и Вахаб решил присоединиться к нам, захватив на подмогу мужественного добровольца из числа сотрудников лесничества.

Нам предстояло сесть на вертолет в Порт-Луи, затем лететь на футбольное поле в северной части острова, куда должен был прибыть грузовик с нашим снаряжением. Оттуда до Круглого было четверть часа лета. В назначенный час мы явились к

полицейским казармам; здесь из ангара с великой помпой выкатили вертолет. Откинули фонарь маленькой кабины, и мы втиснулись внутрь: Вахаб и Джон — сзади, я — впереди, вместе с добродушным пилотом-индийцем и вторым летчиком. Чувствуя себя, словно золотая рыбка в круглом аквариуме, я с тревогой ждал взлета, поскольку высота — не моя стихия.

— Господи, ну и жарища сегодня, — сказал пилот, застегивая ремни. — Чертовски жарко.

— На Круглом будет еще жарче, — заметил я.

— Видит бог, — подтвердил пилот. — Там вы изжаритесь. Ну и жара.

Винт завертелся быстрее, быстрее, внезапно мы взмыли прямо вверх, как на лифте, на миг остановились, потом понеслись вперед в двадцати метрах над крышами Порт-Луи. Это было удивительное чувство; еще ярче, чем на малом одномоторном самолете, я представлял себя в роли ястреба или стрекозы с их способностью подниматься и спускаться по вертикали, парить и маневрировать в воздухе. Поднявшись на высоту тридцати метров, мы помчались над прямоугольниками сахарного тростника, посреди которых громоздились груды вывороченных плугом огромных коричневых камней, — казалось, под нами простирается огромная зеленая шахматная доска с горами слонового навоза. Декоративные деревья на обочинах напоминали кучки раскаленных углей, а сами дороги пестрели, словно полотно импрессиониста, цветными пятнышками — то женщины в цветастых сари направлялись на базар.

Вскоре мы круто пошли на посадку (не слишком приятное ощущение, когда сидишь в стеклянном шаре и тебе кажется, что ты сейчас пробьешь стекло и вывалишься) и легко, как семя одуванчика, приземлились на футбольном поле. Здесь нас ждал грузовик с полным кузовом снаряжения, — палатка, продукты, шестнадцать здоровенных канистр с водой, — и возле машины стоял товарищ Вахаба по лесничеству, стройный молодой человек азиатского происхождения по имени Зозо, обладатель широкой располагающей улыбки и такого курносого носа, что казалось — на вас нацелена двустволка. На нем была форма защитного цвета, глаза скрыты огромными темными очками, на голове — большой серо-зеленый тропический шлем со складов лесничества, того самого типа, который носили Стенли и Ливингстон. Предстоящее приключение чрезвычайно волновало этого обаятельного юношу. Он признался мне, что еще не бывал за пределами Маврикия и никогда не летал, тем более, на вертолете. А тут сразу три таких необычных события! Он не находил слов, чтобы выразить обуревающие его чувства.

Мы погрузили снаряжение, оставив канистры для второго рейса, вертолет оторвался от земли и прошел над футбольными воротами, распугав кричащих и смеющихся ребятишек, которые собрались посмотреть на нас. С ревом взмыв вверх над косматыми пальмами, мы понеслись над изумрудной лагуной, над пенистой клумбой рифа и над синим глубоководьем, держа курс на остров, распластавшийся высохшей зеленовато-бурой черепахой на горизонте, в двадцати двух километрах от Маврикия.

На картах южной части Круглого можно прочесть: «Большой вертодром» и «Малый вертодром». Столь громкие названия способны вызвать в вашем представлении бетонные плиты, конусные ветроуказатели, даже контору таможни и иммиграции и туристическое агентство. К счастью, все эти прелести здесь отсутствуют. Вертодромы — всего-навсего две ровные площадки, одна несколько шире другой; кстати, это вообще единственные сравнительно большие ровные площадки на острове. Ветер и дождь точили, долбили и разглаживали туф, так что получились пяточки, сравнимые если не с паркетным полом, то, во всяком случае, с более или менее гладким участком лунного ландшафта. Мы приземлились на меньшей площадке, при этом вращение винтов спугнуло белохвостых и краснохвостых фэтонов и одетых в не столь

нарядное, темное оперение буревестников, и нас окружила кричащая пернатая метелица. Буревестникам присущи своеобразные, какие-то неземные звучания, которые начинаются с карканья, а оканчиваются совершенно неожиданными для столь невзрачных морских птиц необыкновенно красивыми буйными трелями. И кто бы подумал, любуясь волшебной красотой фазтонов, что эти птицы кряхтят наподобие человека, воющего с упрямой пробкой!

В сопровождении пернатого эскорта, обливаясь потом от натуги, мы потащили палатку и припасы через вертодром и вниз по соседствующей с ним лощине. Фазтоны пикировали на нас белыми сосульками, издавая свои удивительные крики, а буревестники легко скользили рядом с нами в полуметре над землей, словно вышколенные овчарки, охраняющие стадо бестолковых строптивых баранов.

Место для лагеря мы выбрали на краю прорезанной и обточенной ветрами и дождями лощины, спускающейся к морю таким миниатюрным Большим Каньоном. Мощные серые пласты туфа чередовались здесь с участками, которые кролики и морские птицы искрошили так, что образовалось подобие почвы, покрытой зеленым ежиком растений с толстым стеблем, чем-то похожих на полевую горчицу. К счастью, кролики его не трогали, и он служил защитным покровом для драгоценных клочков почвы. На фоне сурового эродированного ландшафта эти клочки казались непорочными зелеными лугами с редкой россыпью

пальм, лишёнными всяких обитателей, если не считать насекомых да рыскающих тут и там сцинков. Однако с приходом темноты картина сразу изменилась.

Остаток дня ушел у нас на разбивку лагеря и налаживание походного быта. А когда погасли зеленоватые сумерки и на черном бархате неба замерцали звезды, из недр земли внезапно, как по сигналу, вырвались необыкновенные звуки. Сначала мягкие, даже мелодичные, словно где-то в глуши на снегу под луной печально выла стая волков. По мере того как к хору присоединялись все новые и новые голоса, он стал подобен чудовищной неистовой мессе полоумных в подземном соборе. К нам доносились фанатические призывы священнослужителей и дикие вопли прихожан. Около получаса земля вибрировала от нарастающих и убывающих звуковых волн, а затем будто разверзлись недра, выпуская обреченные души из преисподней, созданной воображением Гюстава Доре, — то из скрытых под зеленью нор, словно восставшие из могил мертвецы, мяукая, курлыкая, завывая, высыпали птенцы буревестников.

Сотни ковыляющих и порхающих птенцов наводнили наш лагерь, и нашествие это сопровождалось такой какофонией, что мы с трудом слышали друг друга. К тому же эти придурковатые создания решили, что наша палатка — отменная гнездовая нора, созданная специально для них. С писком и уханьем врываясь внутрь и шныряя над нашими кроватями и под ними, они беззастенчиво рассыпали свой помет и отрывивали пахнущую

рыбой кашлицу на тех из нас, кто позволял себе непочтительно обращаться с ними.

— Честное слово, это уж чересчур, — сказал я, сгоняя со своей кровати двадцатого птенца. — Знаю, меня считают другом животных, но всему есть предел.

— Можно завязать вход, Джерри, — предложил Вахаб, — но тогда будет очень жарко.

— Пусть лучше я задохнусь, чем делить постель с этой пернатой когортой! Моя кровать и так похожа на перуанский остров, где добывают гуано, — заключил я с горечью, вылавливая птенца из миски с супом.

Мы завязали вход, и температура внутри палатки сразу подскочила до сорока градусов. В остальном же наш маневр привел лишь к тому, что неунывающие птенцы принялись делать подкопы вдоль стенок. Всякий раз, как один из них проникал к нам таким путем, приходилось развязывать вход, чтобы выбросить его. В конце концов, обороняясь от настойчивой интервенции, мы придавили края палатки канистрами. Тогда побежденные птенцы, окружив нашу обитель, решили развлечь нас ночным концертом.

— Уаааа, уаааа, уууу, — голосила одна группа, и другая отзывалась ей: — Уаа, уаааа, уууэ.

Соперничающий ансамбль пел на другой лад:

— Ооо, ооо, ооо, оооох, оо, — и мощный хор подхватывал: — Уаа, уаа, уаа, ооэээ, уаа, уаа.

Так продолжалось до самого рассвета; перерывы наступали только, когда родители прилетали с кормом, и дикие вопли птенцов сменялись

своеобразными, мало приятными звуками, будто из ванны, которую кто-то вздумал наполнить жидким навозом, вытекало содержимое. Это родители отрывали в клювики потомков полупереваренную рыбу. Скоро в палатке воцарился запах, как на китобойном судне после удачной охоты.

Под утро, когда мы, совершенно изможденные, стали забываться беспокойным сном, несмотря на гомон, птенцы открыли для себя еще одно достоинство нашей палатки. По очереди взлетая на конек, они лихо съезжали по словно созданным для такой забавы брезентовым скатам. Звук царапаемого когтями брезента напоминал треск рвущегося коленкора, а товарищи смельчаков, сидя кружком, восхищенно вопили:

— Кооу, коорр, коорр... Ооо, коорр, коорр. Поразмыслив, я заключил, что в жизни не проводил более беспокойной ночи.

На рассвете, так и не поспав толком, мы вылезли из палатки и побрели умываться, спотыкаясь на каждом шагу, сквозь орды птиц, которые продолжали сидеть и курлыкать перед своими норами. На краю розово-оранжево-зеленого небосвода темнела горстка беспорядочно разбросанных облаков. Притихшее море отливало кобальтовой синью. Пальмовые листья над моей головой, запечатленные черной чеканкой на небесном фоне, шуршали, как от незримого дождя. Между ними возлежал в непринужденной позе белый, как фэтон, узенький лунный серп. Небо пестрело буревестниками, приветствующими утро своим многоголосием; тем временем меланхоличные

птенцы закопошились в зелени, ныряя в свои подземные убежища.

После завтрака мы отправились к пальмам и посвятили Зозо в искусство ловли змей. Он с напускным безразличием справился, какова его задача: самолично ловить змей или только находить их? Мы ответили, что нас вполне устраивает второе. Сдвинув на затылок тропический шлем и попрочнее утвердив на утином носу темные очки, он приступил к делу. Не прошло и получаса, как Зозо, к нашему удивлению, крикнул, что нашел змею. Мы поспешили к латании, у которой он остановился. В душе я был уверен, что мы увидим хвост сцинка Телфэра, однако среди листвы и впрямь безмятежно лежал молодой удавчик с изящной тонкой головой. В отличие от зеленоватых взрослых особей и красно-желтых детенышей он был темно-оливковый, с кружевом желтоватых пятен на шее, части спины и в основании хвоста. Мы засыпали Зозо комплименты

ми, и он расплылся в довольной улыбке, так что уголки губ чуть не сошлись на затылке. Ободренные столь быстрым успехом, мы продолжили поиск.

Понятно, охотясь на змей, мы в то же время не оставляли без внимания гекконов Гюнтера (нам нужны были еще молодые самки), а также сцинков Бойера и Телфэра. Зозо, окрыленный тем, что в нем открылся дар змеелова, до того осмелел, что собственноручно поймал несколько юрких глянцевых сцинков Бойера. Вслед за чем, убедившись, что нас никто не слышит, признался мне, что до этой экспедиции боялся ящериц.

Поиск продолжался, пока жара не взяла верх над нашим рвением, после чего мы направились обратно в лагерь, вполне довольные достигнутым: наша добыча включала восемь сцинков Бойера, шесть молодых сцинков Телфэра, трех молодых гекконов

Гюнтера и одного удавчика. Под вечер, когда солнце умерило свой пыл, мы совершили повторный заход к латаниям, но без успеха. Ночь опять выдалась беспокойной из-за кабафонических упражнений буревестников.

На другое утро мы вышли еще раньше, замыслив взойти на одну из вершинок острова и оттуда спускаться к морю. Карабкаться в гору даже в столь ранний час было утомительно и мы добрались до заветной точки мокрые от пота. Сверху было хорошо видно, как пострадал остров от эрозии; крутые, словно трасса горнолыжников, туфовые склоны были сплошь изрезаны и источены дождями. В лощинах громоздились вымытые из туфа камни, ожидая, когда очередной ливень отнесет их еще ближе к месту конечного упокоения на дне моря. Слагающие вершину мощные туфовые плиты были достаточно твердыми, однако местами они раскисли от ночного дождичка и уподобились шоколадке в мальчишеском кармане — стали липкими, скользкими и обросли всяким мусором. Тут надо было двигаться с особой осторожностью; оступишься — будешь катиться без помех сотню метров, пока не врежешься в пальмы. А угодишь в лощину, так и вовсе ничто не остановит твой двухсотметровый спуск до самого моря.

Глядя на изборужденные широкими складками скаты, на редкие косые пальмы, судорожно цепляющиеся за грунт, чтобы не упасть, на выстилающий морское дно пласт серого ила, особенно остро сознаешь, что перед тобой уникальный мирок, чудом возникший в ходе эволюции, а теперь истекающий кровью. Ливни

дробят покоробившиеся туфовые полки и пласты, по которым расплзлись погребальными венками причудливые жгуты вьюнков с пурпурными цветочками. Пока все спорят, что делать с кроликами, и не могут прийти ни к какому решению, этот неповторимый уголок земли с каждым днем уменьшается в размерах. Своего рода миниатюрный образчик того, что происходит по нашей вине со всей планетой, как миллионы видов чахнут из-за отсутствия минимальной бескорыстной заботы.

Около часа мы медленно спускались зигзагами по крутым склонам, исследуя латании, которые терпеливо жались друг к другу всюду, где было за что ухватиться корнями. Даже в наиболее высокой части острова пальмовые рощицы кишели разными тварями. Тараканы и сверчки, жуки и мушки, диковинная личинка в конусовидном чехле, палочники, пауки... И на каждом голлом клочке туфа сновали взад-вперед без видимой цели мириады крохотных клещей в алом егерском облачении. В норах под сухими листьями латаний обитали диковинные пурпурные наземные крабы, часто-часто размахивающие клешнями кремового цвета, — ни дать, ни взять банковские клерки, которые всю жизнь только и делали, что считали чужие деньги, и непрерывное движение рук стало у них рефлекторным. Вокруг каждой латании жили сцинки Телфэра; присядешь на минутку — мгновенно облепят тебя со всех сторон, точно любопытные ребятишки, норовя отведать твоих шнурков или брючин и жадно поглощая все, что ты роняешь на землю, от апельсиновых корок до бумажек. Переливаясь на

солнце струйками ртути, в траве под латаниями в непрерывной погоне за кормом сновали сцинки Бойера, а сами пальмы служили обителью травянисто-зеленых гекконов Винсона с красно-синей головой.

Примостившись в тени небольшой латании, чтобы съесть апельсин, я стал свидетелем любопытнейшего зрелища, которое позволило мне составить себе представление, сколько гекконов Винсона может поселиться на одной пальме и какая хищная натура у сцинка Телфэра.

С наслаждением посасывая апельсин, я вдруг услышал легкую дробь у себя над головой. Решил, что начинается дождь и это его капли барабанят по картонно-плотным листьям. А дробь продолжалась, и тут я задумался, почему это я не вижу капель и не ощущаю брызг. Заинтригованный, поглядел вверх. На просвечиваемых насквозь солнечными лучами веерах зеленых листьев метались и прыгали тени гекконов Винсона. Иногда какой-нибудь геккон останавливался, чтобы выглянуть через край листа, и тут же устремлялся дальше. Я насчитал не меньше четырех десятков, от взрослых особей до хрупких крошек длиной чуть больше двух сантиметров. Явно кем-то напуганные, они с лягушачьей прытью перескакивали с листа на лист, направляясь кверху. Удивительно красивую картину являли собой эти маленькие черные силуэтики, снующие по зеленому лиственному экрану.

Я заглянул между листьями в недра латании, чтобы выяснить, кто нагнал такой страх на стайку живых ювелирных поделок. Надеялся увидеть змею,

однако моему взору предстал медленно, но верно взбирающийся по черешку крупный сцинк Телфэра. Время от времени он останавливался и смотрел вверх, играя языком. А там наверху все так же метались, объятые паникой, гекконы, выглядывая из-за листьев круглыми от испуга, блестящими черными глазами на цветных рожицах. Степенное, неторопливое продвижение сцинка придавало ему сходство с доисторическим чудовищем.

Понаблюдав за этой сценой, я решил, что хватит сцинку пугать фееподобных гекконов, поймал его и отнес метров на пятнадцать от латании. После чего вернулся, чтобы доесть апельсин, и увидел, что малютки уже спокойно греются на солнышке и занимаются своими привычными делами.

Полчаса спустя торжествующий возглас Вахаба известил нас, что поймана четвертая змея. Это снова был юный экземпляр, но покрупнее обнаруженного Зозо. Вполне довольные уловом, мы возвратились в лагерь в приподнятом настроении, которого не смог испортить даже ночной перезвон буревестников.

На утро у нас оставалось времени лишь на одну, заключительную, вылазку, поскольку в полдень должен был прибыть вертолет. Мы направились к пальмам, однако ничего не добыли и приступили к изнурительной работе: надо было тащить на горбу все снаряжение из лагеря вниз по лощине и к переливающемуся маревом вертодрому. Оставили только палатку для защиты от солнца и в заключение с величайшим наслаждением умылись с головы до ног, сохранив три канистры воды для питья.

В четверть первого Вахаб начал беспокоиться; в

половине первого принялся шагать взад-вперед около палатки. Он не терпел перебоев в организованных им мероприятиях. В половине второго мы вскипятили чай и похвалили себя за то, что не израсходовали всю воду на умывание. В половине третьего Вахаб вызвал из палатки Зозо, они прошли на пропеченный солнцем вертодром и вместе уставились на окутанные мглой горы Маврикия.

— Вахаб очень недоволен, — заметил Джон. — Он любит порядок во всем.

— Знаю, — отозвался я. — А что мы можем сделать? Может, связаться с Маврикием по радио?

Когда Вахаб вернулся, я высказал ему это предложение. Подумав, он согласился. Мы отнесли крошечный приемопередатчик на вертодром, окружили его плотным кольцом и попытались вдохнуть в него жизнь.

— Пустой номер, — молвил наконец Джон. — Он мертв, как дронг.

Вахаб укоризненно посмотрел на Джона. Мы прошагали обратно к палатке; оставив усопшую радиостанцию на вертодроме.

— Зозо совсем расстроился, — шепнул мне Джон.

— Еще бы, он ведь только что женился, — заметил я. — Ему рановато превращаться в Робинзозо.

— А он явно думает, что так оно и есть, — заключил Джон. Зозо, понурившись, сидел под пальмой поблизости. Я решил немного взбодрить его.

— Зозо!

— Что, мистер Джерри? — отозвался он, глядя на

меня из-под полей тропического шлема, который придавал ему потешное сходство с зеленым грибом.

— Похоже, вертолет не прилетит за нами.

— Похоже на то, мистер Джерри, — печально согласился он.

— Так вот, — продолжал я вкрадчиво, — ты учти, что подавляющим большинством мы решили начать с тебя, когда кончатся продукты.

Зозо воззрился на меня широко раскрытыми глазами, потом сообразил, что это шутка, и улыбнулся, однако у него не стало легче на душе. Вахаб приготовился в двадцатый раз идти на вертодром.

— Брось, Вахаб, — остановил я его. — Все равно твоя телепатия не поможет.

— Ума не приложу, где они запропали, — сердито сказал Вахаб.

— Знаешь, что, — успокоительно произнес я, — давай-ка выпьем по чашечке чая. Зозо, разогрей чайник.

Зозо наполнил чайник, радуясь, что нашлось какое-то занятие.

— Вот увидишь, — сказал я Вахабу, — как только вода закипит, появится вертолет.

— Откуда ты знаешь? — усомнился Вахаб.

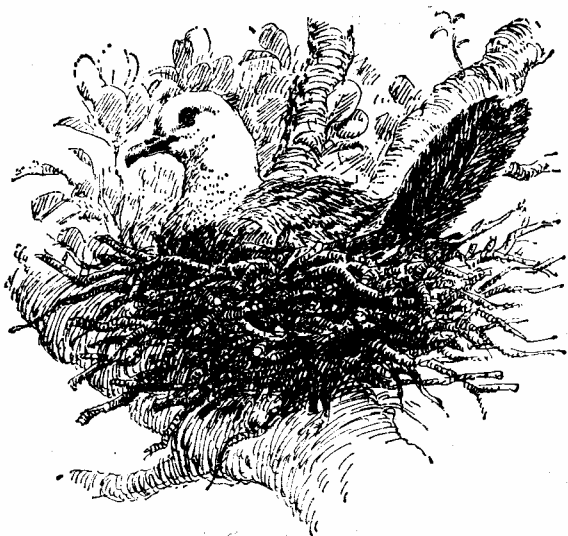
— Черная магия белого человека, — серьезно ответил я, и он ухмыльнулся.

И вот ведь диво: стоило чайнику закипеть, как в ту же минуту мы услышали рокот приближающегося вертолета. В полчаса все имущество было уложено, и мы взлетели в круговерти негодующих фэзтонов, держа на коленях матерчатые мешочки с

драгоценными змеями и ящерицами.

По моей просьбе, пилот описал низкий круг над островом. Под нами прошел голый каменный горб; прошла кромка кратера, как будто некое морское чудовище отгрызло кусок от острова; промелькнула изогнувшаяся бледно-зеленым лунным серпом на склоне трогательная полоска пальм, выше которых темнели могучие пласты эродированного туфа. Казалось невероятным, что даже теперь, когда остров практически мертв, он питает такое разнообразие фауны и флоры; и еще невероятнее, что шесть из числа его обитателей не известны больше нигде в мире.

Вертолет набрал высоту, остров превратился в маленькую точку среди лазурного моря, и я сказал себе, что мы обязаны сделать все, чтобы спасти его.

Глава седьмая РОЗОВЫЙ ПОСТСКРИПТУМ

К 1975 году наши коллеги в Блэк-Ривер располагали парой розовых голубей (однако Дэвид Маккелви считал, что самка уже вышла из плодovитого возраста) и двумя самцами-одиночками. Поскольку к 1976 году приплод так и не появился, было решено отловить еще несколько птиц, чтобы пополнить опытную стаю. Проблема осложнялась тем, что голуби, судя по всему, покинули криптомериевую рощу. Искать тридцать пять птиц среди обширных лесов — задача не из легких. Много часов Джон и Дэйв, мокрые насквозь, бродили по разным участкам, но все их поиски не увенчались успехом. Пришел срок голубям сооружать свои нескладные гнезда на криптомериях, а они как в воду

канули. Было из-за чего волноваться. Теперь, задним числом, мы думаем, что период размножения запоздал из-за тех двух циклонов, которые вынудили нас оставить остров Круглый и на много дней приковали к Маврикию. Как бы то ни было, под конец нашей заключительной вылазки на Круглый розовые голуби вдруг вернулись в криптомериевую рощу и занялись гнездами.

Поскольку до 1976 года ничего не удалось добиться, а нам представлялось крайне важным создать достаточно большие плодовые группы как на Маврикии, так и на Джерси, я решил, что после нашего возвращения в Англию Джону следует снова отправиться на Маврикий и отловить еще розовых голубей для питомника в Блэк-Ривер и для нашего зоопарка. И как только мы прибыли на Джерси с драгоценным грузом гекконов и змей острова Круглого, Джон сразу стал готовиться к новому путешествию.

Прибыв на Маврикий, он отправился напрямик в криптомериевую рощу, выбрал подходящее дерево, с которого открывался вид почти на всю долину, влез на него и стал ждать розовых голубей. Три часа спустя его посетило сомнение: может быть, они опять перебрались в какое-нибудь другое место? Внезапно взгляд его остановился на голубе, сидевшем на гнезде на соседнем дереве. Потом он говорил:

— Когда я увидел эту дрянь, сразу понял, что три часа таращился на нее и не замечал.

Волнуясь, он слез на землю, подкрался к дереву с гнездом и просидел под ним до темноты, чтобы

наверно знать, что до гнезда не добрались шныряющие кругом обезьяньи стаи.

Как только стемнело, Джон поспешил вернуться на базу и поднял на ноги Вахаба, Тони Гарднера и Дэйва. Вместе они решили рано утром отправиться в рощу. Если в гнезде окажется птенец — заберут его и заменят птенцом вяхиря таких же размеров. А затем развесят кругом сети, чтобы поймать родителей.

Расчеты оправдались — в гнезде, к их радости, и впрямь находился почти оперившийся птенец, которого они заменили вяхирем. После чего с великими трудностями развесили сети.

Однако когда возвратилась мамаша, она то ли по хитрости, то ли по глупости (последнее более вероятно) миновала сети и принялась как ни в чем не бывало кормить птенца, отнюдь не похожего на ее собственного. Охотники весь день прождали впустую и ушли, не убирая сети, с тем чтобы вернуться на рассвете следующего дня. В их отсутствие обезьяны обнаружили гнездо, разорили его и сожрали птенца. Хотя ловцам не удалось поймать родителей, они могли утешать себя тем, что спасли от гибели розового птенца. Его поместили в вольер в Блэк-Ривер, и через три дня он уже летал и кормился самостоятельно.

Тем временем Джон продолжал поиски и вскоре напал еще на одно гнездо с яйцом. Они с Дэйвом заранее продумали, как поступить в таком случае. Из наблюдений Дэйва было известно, что яйцо насиживают оба родителя и смена происходит примерно в 10 часов утра и 4 часа дня. Отсюда решение: забрать яйцо, чтобы поместить в инкубатор

в Блэк-Ривер, а взамен положить яйцо домашнего голубя и накрыть гнездо специальной ловушкой, с тем чтобы поймать истинную пару. Ограничиться лишь одной птицей значило рисковать, что она окажется не того пола, который нужен. Ловушка представляла старинную конструкцию, придуманную для поимки соколов, — нечто вроде круглой клетки, в которую помещали для приманки либо птицу (когда охотились на сокола), либо яйцо (как в данном случае). Верх клетки накрывается сеткой из сотен редких нейлоновых петель; садясь на ловушку, птица застревает ногой в одной из них.

Выждав подходящий момент, Дэйв влез на дерево, заменил яйцо розовых голубей яйцом домашних и тщательно накрыл все гнездо ловушкой. Все это время голубь сидел метрах в десяти от гнезда и, по словам Джона, следил за происходящим без всякой тревоги и даже без особого интереса. Как только Дэйв спустился на землю, голубь подлетел к гнезду и стал прохаживаться по веткам. Дважды он спокойно пересек ловушку, но на третий раз все-таки застрял. Они услышали, как он отчаянно хлопает крыльями, Дэвид молниеносно влез на дерево и схватил голубя в последнюю секунду, потому что тот зацепился всего одним когтем. Стали ждать дальше, через два часа прилетела голубка и вскоре тоже попала в ловушку. Торжествующие охотники доставили в Блэк-Ривер первую истинную пару розовых голубей.

Окрыленные успехом, они решили уделить все внимание поиску других гнезд. Вместе с Зозо и еще двумя помощниками продолжали прочесывать лес и за неделю обнаружили четыре обитаемых гнезда, на

которых поймали две истинные пары и одну голубку для двух одиночных самцов, содержащихся в Блэк-Ривер.

Из собранных ими яиц одно оказалось испорченным, но в тот день, когда Джон покидал Маврикий, из двух других яиц, подложенных домашним голубям, благополучно вылупились птенцы, и ожидался третий. Таким образом, в Блэк-Ривер образовалась жизнеспособная колония, дальнейшее размножение розовых голубей в неволе было обеспечено.

Джон привез на Джерси две пары и молодого голубя. Они отлично прижились на новом месте. Таким образом, пока не решена проблема обезьян и охраны криптомериевой рощи, мы рассчитываем, что нам удастся вывести в Блэк-Ривер и на Джерси достаточно большую популяцию, защищенную как от обезьян, так и от циклонов. Со временем мы сможем вернуть потомство наших голубей на Маврикий, чтобы пополнить малочисленную дикую стаю в ее ненадежной обители.

* * *

После всего сделанного нами во имя спасения угрожаемых видов приятно доложить, что успехи уже есть. Родригесские крыланы произвели на свет двух чудесных здоровых детенышей, которые в момент написания этих строк вполне оперились, если можно применить это выражение к летучим мышам. Сцинки Телфэра, гекконы Гюнтера и дневные гекконы с острова Круглого дали потомство от семи

до одиннадцати особей. Надеемся, что вскоре сможем сообщить об успешных результатах с разведением удавчиков и розовых голубей. Поскольку символом нашего Треста служит дронт, мы особенно рады, что в наших силах помочь многим другим угрожаемым видам с острова Маврикий, где кончила свое существование эта птица.

Если вы прочли эту книгу и получили удовольствие, если верите в важность того, что мы делаем для спасения вымирающих животных, надеюсь, что вы вступите в наш Трест. Взнос не так уж велик, но он послужит подспорьем в чрезвычайно важной работе для спасения многочисленных исчезающих видов. Итак, прошу вас, если можете, написать мне по адресу:

Джерсийский трест охраны диких животных,
Джерсийский зоопарк, Помесье Огр,
Тринити, Джерси, Нормандские острова.

С вашей помощью мы умножим свои усилия, чтобы помочь на редкость своеобразным и славным тварям, описанным мной в этой книге, и не только им, а животным в самых разных концах земного шара.